

Оберег на Любовь

том 1

Ирина Лукницкая

Ирина Лукницкая
Оберег на любовь. Том 1

«Э.РА»

2015

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

Лукницкая И.

Оберег на любовь. Том 1 / И. Лукницкая — «Э.РА», 2015

ISBN 978-5-000391-79-2

В этой книге живет ЛЮБОВЬ. Огромная, как мир, сильная, как земная стихия, нежная, как мелодия, пробирающая до мурашек, чистая, как горный родник. И всегда новая. Ни капли фальши. Ни капли расчета. Ни капли гламура. Скажете, не бывает? Бывает! Ведь именно такая Любовь однажды поселилась в сердце автора и осталась там навсегда. Любовь и только любовь подсказала ей сюжет этого романа.

УДК 821
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-44

ISBN 978-5-000391-79-2

© Лукницкая И., 2015
© Э.РА, 2015

Содержание

Часть первая. Варенье из лепестков роз	6
Глава 1. Сон в руку	6
Глава 2. Ура! Мы едем на дачу	24
Глава 3. Варенье из лепестков роз	35
Глава 4. Сказки старой феи	51
Глава 5. Все прелести пляжного отдыха	59
Глава 6. Знакомство с близнецами	67
Глава 7. Солнечный удар	75
Глава 8. На Край света	81
Глава 9. Шторм	94
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Ирина Лукницкая

Оберег на любовь. Том 1

© Лукницкая И. 2015

* * *

В этой книге живет ЛЮБОВЬ. Огромная, как мир, сильная, как земная стихия, нежная, как мелодия, пробирающая до мурашек, чистая, как горный родник. И всегда новая. Ни капли фальши. Ни капли расчета. Ни капли гламура. Скажете, не бывает? Бывает! Ведь именно такая Любовь однажды поселилась в сердце автора и осталась там навсегда. Любовь и только любовь подсказала ей сюжет этого романа.

Восьмидесятый год. Еще живет страна Советов. Еще читает по бумажке свои длинные речи дорогой Генеральный секретарь. Еще народ по привычке ходит на демонстрации. Еще жив Высоцкий! Пытливый ум юной героини замечает много косного, нелепого и откровенно вредного для человека в эпоху «развитого социализма».

Но света в ее жизни гораздо больше. Ей улыбается судьба. Все те, кто ее окружают и встречаются на жизненном пути, в большинстве своем – замечательные люди. Потом она будет скучать по тем славным временам, когда главной ценностью было общение, а деньги значили только то, что они значили; когда дорога в будущее казалась прямой и светлой, а деревья были большими. Автор и сам вспоминает о той поре с ностальгией и большой теплотой. Ведь это – пора ее юности.

Обычные городские девчонки с многоэтажных окраин живут себе вполне благополучно, дружат самой крепкой на свете дружбой, читают хорошие книги, беспечно проводят каникулы, и в целом – живут, не горюют.

А еще им часто снятся одинаковые сны. И вдруг, как это бывает, взрослеют за одно только лето! И начинают замечать все вокруг и постигать этот сложный мир. Им раскрывается природа и характеры людей. И познается боль первой утраты. И проверяется на прочность дружба. И приходит ОНА – большая ЛЮБОВЬ. Любовь на грани фолы, всепоглощающая, мучительная, опасная, безрассудная, трепетная и чистая, как слеза ребенка. У влюбленных свои чудеса и талисманы. Дерево, церковный крестик, старушка-фея с ее сентиментальными ценностями и добрыми пророчествами. Но главный оберег их любви – это память. Драгоценная память. Она в каждом счастливом дне, проведенном вместе.

Любовь перевернет души и судьбы героев, жизнь разбросает влюбленных, но останется тот заветный берег и – НАДЕЖДА.

Дорогое сердцу время не повернуть вспять. Хотя, как знать? Иногда все возвращается. Героям не дано предугадать, что там впереди.

О будущем они смеют лишь мечтать. Но, возможно, тихая комната с белой постелью, залитая ярким утренним светом, где на потолке играют веселые тени, а в форточку врывается свежий ветер – это совсем не утопия.

Книга для тех, кто любит, любим, хочет любить. Или для всех тех, кто был когда-то молод.

Учитесь любить, друзья!

*Моим дорогим родителям, которые неразлучны вот уже более
пятидесяти лет, посвящаю...*

Часть первая. Варенье из лепестков роз

Глава 1. Сон в руку

*Мама, расскажи мне о дожде...
...Синий дождь раскрасит сливы у тебя в саду;
Синий дождь – он самый сильный, от него
растут...*

Из колыбельной песни

У нас в Сибири июль – обычно самый жаркий и относительно стабильный месяц в году. Его ждут, словно манну небесную, ведь наша зима с ее куцыми, как заячий хвост, днями, со снегами, в которых можно увязнуть по уши, да подчас просто экстремальными морозами испытывает наше терпение и угнетает. Говорят, недостаток солнечного света, белое однообразие и лютые холода даже могут вызвать настоящую депрессию!

Не подвел июль и нынешним летом – погода установилась просто отменная: вот уже с неделю целыми днями ни облачка, и легкий ветерок, прилетевший к нам с юга, ласково обдувает разгоряченную кожу. В заросших дворах такая обильная листва, что кажется – кое-где зелень сомкнулась плотно, без зазора. Но солнце упрямо, его веселые соломенные лучи пробьются через любые, даже самые непроницаемые кроны. Потоки золотистого света то тут, то там пронзают насквозь парковые кущи, отчего по аллеям скачут юркие пятнистые тени. В скверах многоструйные фонтаны, своими хрупкими нитями похожие на серебристые струны каких-то сказочных водяных арф, разбрызгивающие вокруг мини-радугу, работают исправно, что само по себе большая редкость.

Но в городе пустынно: то ли народ дружно отправился в отпуска, то ли поголовно валяется на пляже – желающих погреть впрок свои кости да запастись на зиму ультрафиолетом всегда хоть отбавляй. Массы горожан обычно скапливаются в районе центрального моста, на берегу Оби, по обе стороны массивной опоры. Там, на истоптанном множеством голых ступней горячем песке, в такую пору негде упасть даже яблоку.

С высоты проезжей части городской пляж смотрится огромным пестрым покрывалом, сотканным из тел: черных, будто доставленных с Африканского континента; бронзово-коричневых, под цвет скорлупы зрелого кедрового ореха; пунцово-красных, подпаленных жаркими лучами, а также пока не тронутых загаром девственно-белых, почти фарфоровых – с добавлением в это живое полотно ярких фрагментов купальников и плавок всех мастей. Так что и у нас в Сибири бывает как в Сочи в бархатный сезон!

Конечно, щедрое солнце порой весьма докучает населению своим непривычным постоянством. Коварство местного светила заключается в том, что неподготовленная кожа стораит почти мгновенно, а человек, не замечая подвоха, продолжает торчать на солнцепеке, обугливаясь дальше и радоваться, как ненормальный – нет, чтобы вовремя нырнуть в тень. Днем с неба жарит так, что местами даже плавится асфальт, зато почти каждую ночь, как по заказу, город навещают безмятежные теплые ливни.

С вечера жители распахивают настежь окна в домах, в надежде получить вождеденную порцию прохлады. В сумраке мигают сполохи молний и доносятся звуки очень далекой грозы, но раскаты грома настолько слабы и неотчетливы, что утомленных зноем горожан они не беспокоят. Неторопливый дождь размеренно шелестит и шелестит листвой, мнет ее в незримых

мокрых руках, уютно барабанит по крышам, редая и выдыхаясь лишь к рассвету. Но потом еще долго вкрадчиво и ритмично накрапывает по металлическому подоконнику, зачем-то иногда выделяя отдельные капли усиленным ударом о жесть, словно кто-то невидимый выстукивает тайный шифр. Под эту азбуку Морзе спится удивительно сладко...

Вроде, только сомкнешь ресницы, а короткая душная ночь – раз, и пролетела. Многообещающее утро бодрит и радуется своей свежестью недолго, максимум часов до девяти: сразу после завтрака солнышко начинает припекать так, что глянцевого от влаги листья на глазах становятся матовыми, лужи исчезают бесследно, а к обеду в мегаполисе опять воцаряется жара. В общем, лето в полном разгаре.

...В ту ночь мне приснился сон. Он был продолжительный и чудный: снилось, будто за окном хлынул ливень, долго-долго поливал землю, а когда стал утихать, я успела подставить ладошки и поймать ускользающие струи. Пробуждение совпало с полным моим изумлением. Кажется, кисти рук по-настоящему охладилась, и в ушах стоял все тот же шуршащий дождевой фон, хотя на улице уже не капало. И пахло... как во сне! Только там, я помню, влажный древесный дух источали гигантские, в три обхвата, стволы в сказочном непроницаемом лесу. Наяву же в наличии имелись лишь старый тополь, одиноко торчащий посреди двора, два деревца рябины да живой бордюр из кустов шиповника под нашим балконом. Странно, как мог реальный дождь, посетивший город ночью, просочиться в мое сознание? И к чему вообще людям снится дождь? Я задумалась. Сама по себе вода, это, скорее всего, хорошо, поскольку очищает мир от грязи, – пришла в голову пафосная, но довольно здравая мысль. Значит, все-таки, к добру? Ого! Это ж сколько богатства должно мне сразу привалить – воды в моем сне было предостаточно! А вдруг – к слезам? Тогда уж определено – к крокодильим. Да не к фальшивым, если кто подумал, а к самым искренним, чистейшей воды, слезам в изрядном количестве.

В принципе, валяние в кровати – занятие для меня не совсем типичное, но сегодня уж не знаю, что на меня нашло. Вот так бы всю жизнь лежать себе, как Емеля на печи, таращить глаза на детский коврик с мишками, висящий над кроватью, и думать свою думу. Я еще немножко покумекала, и вдруг меня осенило: так это к каникулам! К счастливым беззаботным каникулам! Ведь мой ливень был спокойным, без грома и молний, потрясений и брызг. Обрадовавшись, что так удачно расшифровала свои же сновидения, я решила больше не забивать себе голову чепухой и вставать.

Тут в комнату вошла мама, немножко заспанная, но вполне счастливая. Голова взъерошена, в светлых кудрявых волосах застряло нечаянное перышко, а на правой щеке осталась помятость от подушки, похожая на голую кисточку от винограда. От нее еще сладко пахло сном. Синие маминны глаза сияли: ей явно некуда было спешить, поскольку была она в обычном домашнем одеянии и смешных мохнатых тапках.

Я подвинулась, высвобождая ей местечко на своей постели. Мама присела на край, прямо на разрисованный радугой треугольник льняной простыни – подарок не до конца задернутых штор, солнечного луча и стеклянного шарика, венчающего крышку графина, стоящего на подоконнике и так удачно преломляющего свет, – смеясь, схватила мои руки и стала выпрямлять меня, будто пружину.

– Потягу-у-ушечки, потяну-у-ушечки, – нежно пела она, растягивая слова и мое вялое туловище, – вот наша Полюшка и проснулась.

От ее голоса веяло чем-то родным и очень далеким: кажется, из закоулков памяти всплыла колыбельная, под которую когда-то, в раннем детстве меня качали на руках, хотя, по идее, помнить себя в столь незрелом и беспомощном состоянии я не должна.

Кисти у мамы были теплыми и полурасслабленными, но массажные движения она выполняла довольно бодро. Впалому животу и бокам тоже досталось – неплохая разминка. Подобные опыты раньше поутру проделывались над моей младшей сестрой Ирой, пока та находилась в младенческом возрасте и запросто помещалась поперек стола. Надо заметить – моего стола! Его тогда временно приспособили под пеленальный комод, а я была вынуждена мыкаться с тетрадками на кухне. Мои воспоминания о грудничковом периоде сестры были слишком свежи и где-то даже болезненны...

Под чуткими мамиными руками туловище стало послушным и длинным. Мне захотелось вытянуться до предела, стать нейлоновой струной от гитары, что я и попыталась сделать незамедлительно, но, видимо, переусердствовала: в шее что-то хрястнуло, ребра сразу обозначились, хоть считай, а ноги плотно уперлись в деревянную спинку. Мама была сильно удивлена:

– Гляди-ка, какая дылда вымахала! Кровать ей уже мала. Хотя, чему удивляться – мебель-то подростковая, к школе брали. Это что же, к осени прикажешь тебе новую кровать покупать? Ну, ты даешь, Полинка!

Я скорчила рожу, выражающую великие муки совести, пожала плечами и извинилась:

– Простите, пожалуйста. Не знала, что так получится.

– Да-а... Бежит время. Помню, лежим мы с тобой, как-то, под этими пожилыми мишками, – мама махнула рукой на потускневшую от времени гобеленовую ткань с избитым шишкинским сюжетом, – книжку про Мойдодыра читаем, а ты вроде и не слушаешь меня совсем, а все чего-то думаешь, думаешь и вдруг выдаешь...

– А что, что сказала? – нетерпеливо спрашивала я, хотя слышала эту историю, наверное, раз сто.

– Показываешь пальчиком на наши вытянутые ноги и лепечешь: «Смотри, мамочка, ты такая длинная, как поезд, а я совсем короткая, как электричка».

Я была благодарна маме за то, что она совершенно не коверкала язык. Почему-то у женщин принято сюсюкать, когда они рассказывают о своих чадах в младенчестве. Тем более эта тема – не сказать, чтобы была моим больным местом, но слегка меня напрягала. Да, в нашей семье ходила еще одна легенда, будто до трех с половиной лет я не выговаривала чуть ли не половину звуков.

Мама, гордая моим ранним интеллектом, заключила:

– Ведь только-только говорить начала, а уж ясно было нам всем: аналитический склад ума у ребенка! Вот Ирочка, та у нас, видно, чистый гуманитарий...

Про Ирку слушать было неинтересно.

– Мам, а дождь к чему снится? – остановила я ее, вспомнив свои необычные ощущения, которые пережила накануне ярко, как вспышку.

– Не знаю. Надо бы сонник глянуть.

Мы обе дружно рассмеялись. Дело в том, что для нас это был повод для шуток. Не помню, откуда в дом попала тонкая брошюрка в потрепанной бумажной обложке, истонченные уголки которой сами скручивались в трубочку. В книжице предлагалось весьма забавное толкование снов. Например, однажды маме привиделось «страшное»: будто она прямо на работе сломала каблук. Из справочника мы с удивлением узнали – это сигнал к тому, что пора подковать лошадь. Лошадь?! Следом я умудрилась во сне разгрохать мамины любимые духи. Оказалось, и это было напоминание свыше: о том, что девица давненько не посещала храма и не причащалась. Вот чушь-то! Мне кажется, наш народ в большинстве своем даже не знает, где у церкви вход. А если учесть, что расколотила я во сне не абы какой флакон, а духи с воистину легендарным советским названием «Красная Москва», такие... из сюрпризного набора в красивой

карминно-красной коробочке с золотой шелковой кисточкой, то наказ пойти замолить грехи показался уж совсем нелогичным.

– Ну его, этот сонник, мам. Наверняка там прописано, что дожди к осадкам, а намокшая земля к хорошему урожаю.

– А и не заглядывай, – согласилась мама, – я и так тебе скажу. Положительный он, сон этот твой, как ни крути. Дождь к тому, что ты растешь, дочка!

Она вздохнула и добавила, как мне показалось, печально:

– Не успеешь оглянуться, уж совсем невестой станешь.

– Ну и хорошо. Жениться можно, – захихикала я, потому что мама как раз начала щеко-тать мои пятки. Наступил заключительный момент разминки.

– Я тебе покажу... Ишь ты, жениться! – она звонко и дробно похлопала меня ладошками, как аборигены диких племен бьют в там-тамы. Барабаном служила одна из частей моего тела. Хотелось бы надеяться – все-таки пресс, а не пузо.

– Ладно, хватит мне с тобой щебетать да в кровати нежиться. И ты вставай-ка. Идем кофе пить.

Я заметила: в последнее время мама вот так могла меня тискать, только когда мы оставались вдвоем. У нас этот процесс почему-то назывался «спинку чесать». Стеснялась? Не думаю. Скорее, не хотела умалять моего авторитета старшей сестры, добытого непосильным трудом.

Кстати, а где же Ира, беспокойное наше хозяйство? За завтраком все прояснилось.

– Отец сегодня сам ее в сад отвел, – пояснила мама, – хоть в кои веки дали нам с тобой, Полина, выспаться. Эх, почаще бы...

Сказав так, она мечтательно зажмурилась и блаженно потянулась, но с явным перебором, потому что шелк соскользнул с плеча, и наружу выглянула белая лялочка от комбинации.

На ней по-прежнему был домашний халат – славный такой халатик, голубенький, с белыми звездочками по гладкой ткани и настоящими перламутровыми пуговицами. Не шучу, именно с перламутровыми! Дело в том, что моя мама отлично шила и могла позволить себе любые пуговицы. Впрочем, как и всевозможную интересную отделку. Она обшивала нас с сестрой с головы до пяток: начиная от трусиков, сарафанчиков, платьишек, курточек и кончая зимними пальто, капитальными, на ватине и с богатыми шалевыми воротниками из коричневой цигейки. Ценный мех извлекался из старой бабушкиной шубы, которая, собственно, и была пожертвована нам для этих целей. Отдавая вещь, баба Полина философски пошутила, обращаясь к маме: «Вот ведь думала, так в дохе и помру – все ей сноса нет, да больно тяжела стала для меня кольчужка. А у тебя, Люция, руки золотые. Или себе, или ребятишкам что-нибудь да выгадаешь. Вот и будет моей дохе вторая жизнь».

В школе мне завидовали, что хорошо одета, а я, дурочка, не понимала своего счастья. Однажды в раздевалке, увидев меня в эксклюзивном нижнем белье, девчонки просто обалдели, давай щупать атласную ткань, охать, ахать, да спрашивать: «Ох, какая прелесть! Ах кружева, ах бантики! Полин, раскрой тайну, где такую комбинашку отхватила?» Я, припертая подругами к стенке, беспомощно лепетала: «Мама сшила». Никто, почему-то, не поверил, а у меня с тех пор появился комплекс: лишь впереди замаячит физкультура, я уже озадачена тем, что бы такое попроще надеть под форму, чтоб лишний раз не светиться.

Удивительно, но в бассейне, где я занималась с первого класса, никому и дела не было, у кого чего там «под низом». Может, потому, что девчонки в нашей группе были разного возраста, а может – просто видели друг друга чаще полуголыми, нежели одетыми. Но, скорее всего, им, спортсменкам, нацеленным на рекорды, некогда было обращать внимание на такие глупости, как чье-то исподнее. И мне, слава Богу, не надо было думать о всякой ерунде, когда я отправлялась на тренировку...

– Поль, посмотри там коричневую баночку на второй полке. Дотянешься? – попросила мама, расставляя чашки.

Из недр навесного шкафчика на свет Божий я извлекла блестящую банку в форме шайбы – судя по ласковому шороху внутри, наполненную чем-то сыпучим; эта банка-шайба полностью завладела моим вниманием, звуки кухни для меня словно потухли, я перестала слышать маму, утробное ворчание холодильника, тонкое звяканье посуды. Выразительная картинка изгибалась по боку банки, от этого оживая еще больше: на темно-коричневом фоне под сенью кудрявого дерева танцевала стройная индийская красавица. За секунду в моей голове вихрем пронеслось попури на тему индийских фильмов и по-девичьи трогательный голос Надежды Румянцевой, что озвучивала то ли Зиту, то ли Гиту. А скорей всего – обеих, поскольку героини слезной комедии были сестрами-близнецами.

– Ух, ты! Гляди-ка, у танцовщицы просто муравьиная талия! Откуда такая роскошь? – спросила я, не выпуская из рук почти невесомую коробочку и пытаюсь выразить жестами и лицом стандартное изумление звезд индийского кино: наивные, сильно выпученные глаза и глупая жемчужная улыбка на устах. Мама засмеялась.

– Муравьиная! Не муравьиная, а осиная, скажи. Ну, ты артистка! У тебя сейчас глаза выпадут. Будто пуговицы... со старого отцовского плаща. Ну, с серого, болоньевого, помнишь? Такие же круглые и выпуклые. Вот что с нами творит обычная импортная упаковка!

Сравнение показалось мне удачным. Я сама иногда наведывалась за иголками в сундучок рукодельницы, под который мама приспособила большую жестяную коробку из-под монпансье, и там натыкалась на две старомодные медные бляшки с выпирающей серединкой. Они напоминали мне живые блестящие глазки навывкат.

– Да нет, мам. Упаковка тут не при чем. Если бы ты раз десять посмотрела Зиту и Гиту, как мы с девчонками, ты бы точно сейчас сплясала.

– Смотрела я. Хорошее кино. И поплакала тогда, и насмеялась вдоволь от души.

– И все-таки, откуда на нас свалился такой дефицит, а?

– Блузку тут одной ушивала, а у нее связи на продовольственной базе. Вообще-то для гостей берегла, да уж ладно – побалуем себя сегодня.

– Смотри-ка, прям как в частушке получается, – и я, подражая разбитным голосам частушечных мастеров, пропела:

*Растворимый кофе
Привезли на базу,
Он на этой базе
Растворился сразу!*

– А я другую знаю, по-моему, из той же серии, – вспомнила мама и спела с пионерским задором:

*Председатель пек блины,
Бригадир подмазывал,
Кладовщик муку тащил,
Счетовод не сказывал!*

– Хорошая, – заметила я снисходительно. – Только колхозная какая-то.

– Ой-е-ей, смотри-ка, какие мы городские! – мама покачала головой и наставительно добавила: – Ну и колхозная. Зато смелая! Знаешь, раньше за такое четверостишье можно было и за решетку угодить. Это тебе не шуточки. Это вон сейчас каких только анекдотов про Брежнева ни услышишь – ни черта народ не боится, а раньше...

... Она еще что-то говорила, а меня как ударило: да ведь мама не случайно коснулась этой темы! Даже мой дедушка – Иван Степанович, коммунист, честнейший, интеллигентный человек, тоже тогда попал под раздачу. Целых два года лагерей! Ни за что! Потом его, конечно, реабилитировали, как многих... И он даже умудрился не растерять своего исключительного человеколюбия в лагерных бараках и не выстудить все здоровье на колымской стуже. Он вернулся. Но в душе моей мамы до сих пор кипела обида за отца. Как он мог им все простить?! Как мог после всего этого назвать дочь, вкладывая в имя «великий» смысл. Ведь Люция – часть слова «революция». Дед мечтал о сыне и дочери, и у него был стратегический план назвать первенца Ревой, а дочь Люцией. В идеале должен был сложиться чудесный одухотворенный союз: Рева плюс Люция. Но первой родилась мама. Бог так и не дал дедушке мальчиков, поэтому революции не случилось. «Может, это и к лучшему?» – говорила мама. Ей самой жутко не нравилось собственное сочетание римского имени Люция и исконно русского отчества Ивановна. «Звучит ужасно, почти, как Эдуард Лепешкин!» – сокрушалась она. А мне нравилось. Особенно я загордилась маминым именем, когда однажды учительница иностранных языков – она преподавала у нас английский, а в параллельном классе вела немецкий – спросила меня прямо на уроке: «Полина, у тебя что, итальянские корни? Какое прекрасное имя у твоей мамы!». Спросила, конечно, ничуть не представляя, откуда на самом деле оно взялось, и объяснила, что в основе имени лежит слово lux, что значит – «свет». Люция, значит – светлая...

Я нетерпеливо вскрыла баночку, отогнув серебристую фольгу, и заглянула внутрь. Сверкающее порошкообразное вещество и выглядело-то очень заманчиво, ну а пахло – просто неправдоподобно вкусно! По дому с быстротой молнии распространялся аромат насыщенного кофе с легкой пряной горчинкой.

– Произведен из лучших зерен, выращенных на плантациях Индии, – объявила я.

Если честно, перевести золотистую надпись с английского мне было не под силу. Смысл длиной фразы, опоясывающей круглую банку, как-то сам додумался, будто высветился в голове.

– О, как! – восхитилась мама, поверив мне безоговорочно.

Нам было хорошо. Я даже грешным делом подумала: «Век бы вот так сидеть вдвоем на кухне, разговаривать, прихлебывать кофе с молоком из любимой кружки с сердечками или дуть на горячий чай в блюдечке и жевать аппетитные бублики с маком. И никого нам больше не надо... А мама аккуратно разрешила бы очередную баранку по вдоль, неспешно намазывала обе ее половинки размягченным желтоватым маслом, одну протягивала мне, а другой бы завтракала сама. И никакой суеты во время еды или беготни вокруг стола».

Возможно, мы бы с нею вскоре загрустили без Иркиных капризов и шалостей, ведь характер у моей сестренки заковыристый, но живой и жизнерадостный. А уж без папиного оптимизма, внушающего домашним спокойствие и надежность, да без его тонкого юмора мы бы и вовсе завяли. Нет. Вместе тоже хорошо. Все-таки я их всех очень люблю.

– Мам, почему же мы с тобой не слышали, как они уходили? – пыталась я прояснить ситуацию. – Странно как-то. Ведь Ира своим нытьем да катаньем и мертвого из могилы поднимет.

– Мытьем, – автоматически поправила меня мама. – Мытьем и катаньем...

Да уж, наша Ира точно может. Сама удивляюсь: обычно у меня сон чуткий, муха не пролетит, а тут как на рассвете забылась, так и спала почти до девяти, словно ангел.

– Удивительное утро! – подвела итог началу нового дня мама, и я согласилась с дорогой душой.

Потом мы вместе убрали со стола.

– Чем думаешь сегодня заниматься, Полина?

– Пока не знаю. – Я действительно пока не представляла, с чего начать.

– Может, пол помоешь? А, дочь? Хоть посвежее в доме будет.

Мягкие нотки в голосе означали, что мама не очень-то настаивает. Видно, просто так предложила, чтобы меня чем-то занять. Я прислушалась к себе: ни малейшего желания заниматься уборкой.

– Давай ближе к вечеру?

У меня теплилась надежда, что удастся выкрутиться совсем или, в крайнем случае, просто пропылесосить, а оттяжка по времени в таких вопросах всегда бывает на руку. Не хочется свой первый свободный день перегружать какими попало делами.

Машинально распахивая по местам оставшуюся половинку бублика, треугольный пакет молока и до боли родные предметы: фарфоровую сахарницу с серебряным ободком и отколотой ручкой, плетеную корзинку под хлеб с клетчатой салфеткой на дне, а также овальную масленку с прозрачной крышечкой, я уже рисовала себе картины прекрасного времяпровождения на пляже. Прихватчу с собой какой-нибудь журналчик с кроссвордами, а лучше книжку. О! Возьму-ка я «Золотого тельца» Ильфа и Петрова, чтобы мозги не напрягались и тоже получили свою порцию удовольствия. И обязательно чего-нибудь погрызть – к примеру, маминых хрустящих сухариков. Еще кваску не забыть в бутылку нацедить. Да не того, что бродит на окошке, пугает мутной «атомной» закваской и взрывами, от которых корки ржаного хлеба летают по банке, как осколки фугасов. А того, с оттенком гречишного меда, что уже профильтровали через тонкую марлечку, переставили в холодильник и довели до нужной кондиции и температуры. Меня тотчас потянуло отхлебнуть ядреного кваску с колючими пузырьками, чтобы потом смачно крякнуть. Но тут я отвлеклась на кофе и засунула нос в банку, втянув напоследок бодрящий и даже дурманящий аромат. Затем жестянка с дефицитным продуктом не без сожаления была водворена на место, в компанию к подраненной сахарнице и пластиковым кубышкам с сыпучими продуктами.

– Я перед папиным приходом пол подотру. Хорошо?

– Как знаешь, – спокойно согласилась мама, вытирая последние крошки со стола и в привычном порядке расставляя чистую посуду. Завтрак закончился...

Я решила к вопросу проведения свободного времени подойти со всей ответственностью. Слишком большая роскошь – разбазаривать драгоценные часы понапрасну, ведь, по сути, у меня только сегодня начались каникулы. Кстати, честно мною заработанные в трудах праведных! Вообще-то, для всех нормальных учащихся эта прекрасная пора наступила еще полтора месяца назад. Мои одноклассники, беспечные и звонкие, к середине лета уже в полной мере, вероятно, вкусили все прелести отпускной жизни. Погода радовала, выпускные и вступительные экзамены предстоят лишь в следующем году, поэтому о выборе профессии, подаче документов в ВУЗы, зубрежке билетов и прочих серьезных вещах можно пока не греть голову и наслаждаться каникулами сколько душе угодно. Кто-то из друзей отправился по путевке по Золотому кольцу, счастливики плескались в Черном море, отчалив с родителями кто в Ялту, кто в Анапу, а другие просто свалили на дачу или укатили к бабушке в соседнюю область. Только я, как несчастная Золушка, вкалывала за десятерых. И вдруг сегодня поняла: «Ура, наконец-то настал мой час!», – ведь лишь вчера финишировал сезон в нашем спортивном лагере. Мне он показался нескончаемым. Еще бы! Шесть недель ежедневных изнурительных утренних и вечерних тренировок, рекордных заплывов, марафонских пробежек и соревнований по триатлону, выматывающих тело, но закаляющих волю. И вот она, свобода!

В принципе, план дня уже наметился: пляж, обед, послеобеденный отдых с книжкой на диване, встреча с приятелями в сквере и прогулка с оными на свежем воздухе. Но это уж, конечно, когда жара отпустит. Пожалуй, и мытье полов не слишком навредит моей программе. Я вдруг представила, как невероятно приятно станет моим босым ступням, когда они, любимые, зашлепают по блестящему влажному линолеуму, и решила: «Помою я этот пол. Что мне стоит? Два раза махнуть шваброй – и чисто». С этим гениальным орудием труда уборка всегда происходит быстро, без ползанья на карачках, и вообще без особого напряжения. Не зря ж моя бабушка всегда зовет палку с тряпкой «лентяйкой».

В общем, все складывалось неплохо. Дело оставалось за малым: найти кого-нибудь из друзей. Не в одиночестве же мне торчать на пляже. Так... кому бы звякнуть? Жаль, девчонки все разъехались. Я набрала Коле Ульяновку, своему однокласснику.

– Коль, приветик.

– О Полина! Бриллиант моей души! Невиданная радость посетила мой дом. Как же я счастлив тебя слышать! – раздался в трубке неунывающий голос вечного пересмешника.

На такое витиеватое приветствие логично было бы ответить что-то типа: «О Николай, огонь моих очей, утешение моего сердца, наконец-то судьба свела нас вновь» или что-нибудь в этом роде, но я ограничилась лишь короткой репликой:

– Ага. Я тоже.

– Ты надолго?

– Навсегда, – обрадовала я друга. Знала как вести себя с шутником и балагуром.

– Эх, разлетелись наши голуби, кто куда. Хорошо, хоть ты, Полина, вернулась, – Колька вздохнул. – Ладно, на безрыбье и рак – рыба.

– Сам, ты... рак! – на Кольку невозможно было обижаться.

– Верись – устал, как собака. Мотыляюсь между небом и землей. Точнее сказать, как оно в проруби, – жаловался парень, очень хотевший, чтобы его пожалели.

– Это как?

– То бишь, между бабкиным огородом и отцовским гаражом.

– Бедный... – искренне сочувствовала я, будучи наслышанной о скверном характере колькиной бабки.

– А где же Ромка, твой дружок?

– Они с братаном Мишей и его компанией на Байкал умотали. Я лично их на вокзал провожал. Баракло на себе тасил, точно верблюд двугорбый. Сама знаешь, у Ромки вечно руки гитарой заняты.

– Ну, а Серега «Профессор»?

– Ты сейчас упадешь! Профессор наш угодил в лагерь с чумазым названием «Уголек». Юный шахтер в натуре, – захихикал Колька. – Ему, поди, и очки теперь не нужны.

– Почему это?

– А фонарь во лбу на что?

– Да ну тебя, Коля. Чего ему, переростку, в лагере делать? Строем ходить?

– Нет, Полина. Это пусть пионеры на линейках своих маршируют. А тут бери выше. Служит наш Серега теперь на благо детей, чьи родители честно трудятся в топливной промышленности. Шахматный кружок ведет. Его мамка пристроила, чтобы, значит, сынок за лето денег заработал.

– Серьезное дело.

Вообще-то, я не сильно удивилась. У Сережи Сизикова, моего одноклассника, был первый разряд по шахматам, он здорово играл – отчасти за то и получил свое прозвище «Профессор». Мои познания в данном виде спорта были более чем скромны. Как зовутся фигуры, как их на доске расставлять да как ходит конь – вот и все мои достижения. Потому способно-

сти товарища к шахматам, а главное – умение заткнуть за пояс сильного соперника, казались мне верхом человеческой сообразительности. Говорили, что наш Профессор не раз обыгрывал кандидатов в мастера и даже мастеров, и мог просчитывать пять-шесть ходов вперед.

– А интернатские? – вспомнила я.

– Опля! Подожди-ка. Интернатские же должны сегодня вернуться! – возликовал Колька, будто открыл Америку. – Точно, у них, вроде, практика с завтрашнего дня начинается.

Он помолчал и предрек озабоченно:

– Опять сёрот заставят парты красить. А чего эту рухлядь красить? У них там, в школе, что парты, что доски, что педагоги – все какое-то ископаемое...

Я на минутку отвлеклась от разговора с Колей, засомневавшись: надо ли тащить с собой всю компанию? Наверное, не стоит. Однажды их к нам в бассейн приводили. Судя по всему – не для купания, а так, для общего развития. Из всей группы в воду зашли лишь трое пофигистов, остальные сидели на скамейках и просто глазели. Оказывается, мальчишки стеснялись черных семейных трусов с «рукавами» чуть ли не до колен, а с девочками вообще была беда. Мы узнали, что у них нет купальников! Девичий комплект казенной одежды не предусматривал вообще никаких купальников: ни сплошных, ни раздельных... А как быть четырнадцати – пятнадцатилетним девушкам, у которых уже все, что надо, выросло? Но сейчас дело даже не в отсутствии купальных трусов и лифчиков. Проводить время на пляже в обществе дикова того племени – удовольствие сомнительное. Колька правильно упомянул слово «ископаемые». Ребята оттуда порою казались нам просто пещерными людьми.

...Они прибилась к нам недавно, где-то по весне – кучка парней и девчонок из близлежащего интерната, в народе «любовно» именуемого дурдомом. Когда воспитанникам удавалось выпорхнуть из-под носа опостылевшей опеки, у птенцов наступал кратковременный праздник жизни. Интернатские, в принципе, были из другого мира и из другого теста. Они, совершенно не адаптированные к улице, смотрели на белый свет глазами инопланетян, слушали наш вздор с благоговением и старались во всем подражать. Однако помыслы неискушенных подростков были чисты. Дети всего лишь стремились познать необъятный и непонятный мир за воротами их казенного дома. Мир сложный и пугающий, но, в то же время, такой манящий. Не сразу и не очень охотно, но мы все же приняли чужаков в свою стаю. Польза для ребят из интерната от общения с нами, людьми контактными и ушлыми, оказалась очевидной: некоторые из парней за сравнительно короткий срок даже научились в присутствии дам не материться, а девочки, следуя советам девушек из цивилизованного общества, из казенных блекло-синих маек соорудили себе купальники, частично зашив низ, предусмотрительно оставив прорези для ног. Правда, в сомнительных костюмах можно было только загорать, поскольку при погружении в воду тело сразу облеплялось прозрачным трикотажем, и все подробности выставлялись напоказ...

Я, конечно, прекрасно помню фразу из «Маленького принца» об ответственности за тех, кого мы приручили, и понимаю ее глубокий смысл, но... не на пляж же их тащить в порядке шефской помощи, в самом деле!

– Коль, вообще-то я не просто так звоню. Позагорать очень хочется. Составишь мне компанию?

– Под мост намылилась? Должен предупредить, там сейчас народу... Плюнуть некуда! Точно тебе говорю.

– Да знаю я. Пойдешь со мной?

– Не, Полин... Мне на жаре никак нельзя. На меня солнечная активность плохо влияет. Могут появиться прыщи, психические отклонения и прочие мутации... – натужно перечислял он. – Не зря же я всегда именно летом родную бабку готов прибить.

– Да ну тебя, я же серьезно.

– И я серьезно. Честно сказать, Полина, у меня на сегодня другие планы. Руководство каждое утро мне сверху новые нормы спускает. Я вообще-то уже в огород собрался. Даже кепку вот на голову натянул. Погребок мне, Полина, надо рыть. В тенечке-то чего, копай себе да копай, – не слишком обреченно оправдывался мой товарищ. В интонациях его даже чувствовался энтузиазм. Но обижать меня Коле, видимо, не хотелось, и он придумал, как скрасить мое одиночество.

– Хочешь, я тебе приютских притащу? Вагон и маленькую тележку. Маловероятно, конечно, что этот подневольный дикошарый народ сможет днем вырваться, но...

– Не надо, Коль. Я ведь конкретно с тобой хотела, – схитрила я, чуть-чуть разочарованная, что мне так и не удалось договориться с покладистым мальчишкой. Колька расплылся, что называется – «потек», – даже не видя его лица, я ясно видела его довольную улыбку.

– Чертовски приятно, Полина. Но, увы, увы, – он притворно вздохнул. Потом оживился и выдвинул очередную идею:

– Тогда можно всем вместе собраться в скверике, что за вашим домом. Вечерком, по холодку. Часиков в восемь. Ребят из их богадельни я вытащу, не сомневайся. А может, и еще кто в город к тому времени подтянется.

– Хорошо, а что делать-то будем?

– Тут, Полина, вариантов – великое множество. Можно, к примеру, просто с гитарой посидеть, или... Ну, скажем, на котлован смотаться искупнуться. А то и костерок неплохо бы на пустыре разжечь. Да хоть того же Кабелешкина дразнить. Помнишь, как нам в прошлый раз было весело?

Предложения на любой вкус вылетали из телефонной трубки, будто Колька пек оладьи, только успевая снимать их еще горяченькими со сковородки:

– Во! Еще одно занятие придумал! По кладбищу гулять. Интересно и познавательно.

Кладбище впечатлило. О том, как мы драпали от соседа, которому сами придумали пикантную фамилию, я помнила великолепно. Почти все развлечения были стары, как мир. А вот последнее – действительно что-то новенькое.

– А чего там может быть на кладбище интересного и тем более – познавательного?

– Как, Полина, а вурдалаки? Они так и бродят между могилами, так и бродят. А знаешь ли ты, Полина, к примеру, где ночует нечисть? – Колька изменил веселый тон на пугающий, который, по идее, должен был повергнуть меня в трепет.

– Не-а.

– Видишь, а ты говоришь: «Непоучительно». Хоть будешь знать теперь: в склепах они живут.

– Да и пусть себе живут.

– Вам, простым людям, может и пусть, а у меня наследственность отягощенная, – Коля продолжал говорить тягучим замогильным голосом, стараясь произвести нужное впечатление. – Родная бабушка кровь пьет, что твоя вампирша. Видать, потому меня и тянет с нечистью пообщаться. По-родственному. А может, она у меня все-таки ведьма?

Он утомил меня своей болтовней. Я убедилась, что проку от него не будет, и сопроводить меня на пляж никто не собирается.

– Ладно, Колонь, до вечера. Увидимся еще, – поспешила я распрощаться.

– Отлично. Встретимся у твоего подъезда. В восемь. Буду, как штык.

Я положила нагретую ухом трубку и вздохнула. Мне вдруг как-то резко расхотелось идти на пляж. Что-то душновато... Пойти выпить квасу, что ли? За стенкой в родительской спальне строчила машинка. «Это игла с полной отдачей совершает возвратно-поступательные движения», – вдруг само собой всплыло понятие из раздела механики. Надо же, кое-что из школы еще помню! Впрочем, для дочери, у которой оба родителя инженеры, стыдно забывать такой важный предмет, как физика. Даже на каникулах.

Я заглянула к маме. Она перестала давить на ножную педаль, оторвалась от шитья, отложив в сторону детский пододеяльник с полосатыми рыбками, и удивленно спросила:

– Ты не ушла еще? Мне показалось, ты с кем-то из девочек уже договорилась о встрече. В кино бы, что ли, вместе сходили, пока не так жарко.

– Нет. Я пока дома побуду. Мы лучше вечером с ребятами соберемся, – ответила я. Сказала – и прикусила язык.

... Не так уж часто мне выпадало счастье – испытать глоток свободы распрекрасной уличной жизни. Первым препятствием была, конечно, мама. Мою связь с дворовой компанией она, мягко говоря, не одобряла, поскольку была твердо убеждена, что общение в подворотнях не может благотворно сказываться на девочке из приличной семьи. А уличных приятелей моих величала либо обалдуями, либо оболтусами, что – надо полагать – одно и то же. Неприязнь мамы к улице представлялась мне вполне оправданной. Ведь всякий нормальный родитель не желает, чтобы его дитячко, находясь в проблемном переходном возрасте, связалось с «дурной компанией». А если, упаси Бог, на кривую дорожку свернет?

Второе препятствие – катастрофическая нехватка времени. Тратить его на праздную жизнь было для меня большой роскошью. Уроки, тренировки, домашние задания, соревнования и сборы, иногда с разездами по региону, возня с сестренкой и прочие достойные заботы плотно заполняли житейский график. В общем, крутилась я, как белка в колесе. Иногда «колесо» стопорилось, но не чаще двух раз в месяц. Вот когда «белка» отрывалась!

– Что? Опять с этими охламонами? – мама по-новому назвала моих приятелей, но сути это не меняло; видно, они по-прежнему не внушали ей доверия.

Я нервно гладила китайские золотые иероглифы и изображения летающих людей на хребте швейной машинки, напряженно думая, как бы так извернуться, чтобы не расстроить близкого человека и улизнуть вечером без проблем.

– Да мы недолго, мамочка. Тем более весь народ разъехался. В городе-то почти никого.

На удивление, мама среагировала абсолютно спокойно. Казалось, сейчас ее больше занимали разноцветные бобинки ниток, иголки, воткнутые в атласную подушечку, старинный медный наперсток с полустертым орнаментом и лоскутки тканей. На ее рабочем месте царил обычный швейный творческий беспорядок... Она без проблем выдала мне разрешение, лишь сделав замечание, не относящееся к делу:

– Ладно, иди. Как тебя не отпускать? Большая уже. И перестань лапать мой рабочий инструмент. Пальчики вот зачем-то свои мне оставила...

Мама взяла бархотку и бережно оттерла мои отпечатки с полированной поверхности. По черной глади пробежал блик, и мне показалось, что силуэты людей, похожих на Икаров, благодарно взмахнули крыльями.

Эта китайская швейная машинка была предметом гордости всего нашего рода. Антиквариат достался по наследству от моей прабабушки, и по преданию – в символах, что повторялись по всему корпусу, было зашифровано словосочетание «Летающий человек». Такое красивое название когда-то носила марка китайской старинной швейной техники. Аппарату было лет под сто, но он до сих пор исправно работал. Родные запчасти от машины: блестящие шпульки,

разные колечки да причудливые винты были завернуты в промасленную бумагу, чтобы не заржавели, а сверху, для надежности, еще упакованы в старую газету. По иронии судьбы, а скорее всего – это просто папа так пошутил, пожелтевшую бумагу пересекал заголовок: «РУССКИЙ С КИТАЙЦЕМ – БРАТЬЯ НАВЕК!».

Мама посоветовала мне заняться делом:

– Поля, ты литературу-то собираешься изучать?

– Конечно. Только никак не могу определиться, с чего начать: с детективов или с фантастики? – невесело пошутила я, прекрасно понимая, о чем идет речь.

– Я как раз не об этом. Не о развлекательном чтиве... Ты, моя девочка, похоже, совсем забыла о том безмерном списке, что тебе выдали на каникулы? Кстати, задание вы получали в присутствии нас, родителей, так что, дочь, не отвертись. Ваша учительница по литературе тогда настоятельно рекомендовала вам за лето все эти книги прочесть. Ну, вспомни, вспомни. На выпускном собрании в конце года только названия произведений и их авторов перечисляли, наверное, целый час!

Да уж, такое, пожалуй, забудешь! Опись на трех страницах, сделанная моей же рукой под диктовку Графини – нашей «литераторши», заслужившей свое прозвище отчасти из-за фанатизма к творчеству Пушкина, отчасти из-за благородной внешности, стояла перед глазами, пугала мелким убористым почерком, а меня бросало в холод от догадки, что мне в жизни не одолеть даже половины из этого обширного перечня. Я каждый день честно пыталась себя настроить: «Вот завтра точно начну», но приходило завтра – и... ни черта не менялось.

– Если честно, мам, я еще к нему не приступала, и меня это сильно мучает. Ну, ничего, с первого августа начну. Точно начну. Слово даю.

– У меня тоже так бывает, – совсем не обратив внимания на мои клятвы, мама поделилась своими ощущениями и жизненным опытом. – Бывает, лишь от одной мысли устаешь, как только представишь, какой огромный объем предстоит перелопатить. Причем, устаешь смертельно. Знаешь, а ведь с этим можно бороться.

– Как?

– Просто берешь и делаешь. И совесть больше не мучает, и на душе становится светло.

Не зря же говорят: «глаза боятся – руки делают»...

– Ахинея какая-то. Глаза – и боятся?!

– Полина, – мама сдвинула брови. – Не придуривайся у меня. Ты отлично все поняла...

– О-хо-хо... – обреченно вздыхала я. – С чего же начать?

– Безусловно, с Толстого. Одолеешь «Войну и мир», а остальное покажется мелочью. Только читай все подряд. Уверю, ты еще и удовольствие получишь. Она на миг задумалась и с ностальгией добавила – видимо, уже для себя: – Эх, кому из нас в юности не терпелось поскорее примерить на себя бальное платье Наташи Ростово́й?

Я залегла с книжкой на удобном диване, в «большой» комнате с балконом, она же – гостиная, она же – зал, а бывало даже – и горницей по-деревенски величали, когда бабушка приезжала. Начало первого тома «Войны и мира» показалось скучноватым: сидят себе люди в роскошной гостиной, лениво ведут светскую беседу на родном для них французском, а мне читай эти сноски с переводами на полстраницы! Льву Николаевичу хорошо, он в своем «французише» силен – граф все-таки... Однако скоро я почувствовала, что постепенно проникаюсь атмосферой аристократического дома, и даже попыталась представить себя среди гостей салона Анны Павловны Шерер в платье с пышным кринолином. Это такая громоздкая юбка, натянутая на корсет из обручей. Ужас! И как только дамы в них ходили? Ведь наверняка, бедные, застревали в дверях. Интерес к книге подогревался желанием поскорее добраться до пер-

вого бала Наташи. Как-никак – главное событие в жизни молодой девушки, которая переходит во взрослую жизнь. Пока я и не догадывалась, что бал-то еще не скоро, а лишь во втором томе.

Сперва я пропускала описания военных операций и батальных сцен. Все эти рекогносцировки, батареи и флешки, картечи и шпириты вообще для меня темный лес, и от них тревожно веет порохом с полей сражений. Знаю, многие девчонки так и делают: просто пролистывают добрую половину книги и считают, что Толстого одолели. Но потом я все-таки вняла совету мамы. Да и сама, в общем, догадалась, что без войны не пойму мотивацию поступков главных действующих лиц в светской жизни, и принялась читать все подряд, без разбора. Неожиданно для себя втянулась.

Вместо привычного домашнего фланелевого халата, малинового в белый горох, на мне – свободная мамина футболка. Полинявшая майка цвета перезрелого огурца, еще и по длине сильно растянута, а потому на мне сидит почти как платье. Зато не надо ни юбок, ни трико. Душные клетчатые тапки прочь, голые ноги заброшены на спинку, их славно обдувает папин настольный вентилятор. Мне удалось очень удачно пристроить его на подоконник, и теперь в комнате вполне благоприятный климат. Хорошо! Впереди неизрасходованная добрая половина каникул, непрочитанная книга, которая пока еще не наскучила, а главное – большая миска, почти полная аппетитных подрумяненных сухариков.

Что это со мною? Я валялась на диване, в перерывах между чтением прислушивалась к себе и думала: «Странное состояние. Вроде веду себя прилично, книжку вот серьезную читаю, должна бы радоваться долгожданному спокойствию, но в тоже время чувствую какую-то неудовлетворенность». Я пошевелила в воздухе пальцами ноги – в подвешенном состоянии стопы все-таки затекли, блаженно вытянулась во весь рост и продолжила свои размышления: «Вроде, мне и так не плохо. А... Не пойду никуда сегодня. И так отлично провожу время. Кроме того, что набираюсь ума, еще и нервную систему восстанавливаю и коплю силы, растроченные за сезон в спортлагере. Тренировки там просто зверские». Так я пыталась договориться сама с собой, безбожно лукавая и крайне преувеличивая. Надо же было хоть как-то оправдать свой нынешний вялотекущий образ жизни.

И почему-то совершенно расхотелось вечером встречаться с приятелями. Да что ж такое делается... Я стала перебирать в уме мероприятия, любезно предложенные мне добрым Колей Ульяновом, и ужаснулась: «Боже, какой ерундой мы занимались еще совсем недавно! Прямо детский сад, трусы на лямках». Особенно диким сейчас мне показался аттракцион с доведением живого человека до белого каления. Неужели и я когда-то принимала участие в этой сомнительной забаве?

...Периодически мы отправлялись дразнить ненавистного нам соседа, которого застали с поличным на гнусном занятии. Правда, кто и когда застал, никому из нас было неизвестно. По слухам, вроде бы, злой дед отлавливал бездомных собак, шил из безответных тварей шапки-ушанки и самолично торговал головными уборами на барахолке. Сбывал, гад, изделия из меха друзей человека по сходной цене. Еще поговаривали, что маленьких щенков садист пачками отправляет на мыло на Жиркомбинат, что было еще страшнее. А потом ведь этим мылом... Бр-р, ужас! Потому старик заслужил нашу откровенную ненависть и великое множество обидных прозвищ, свидетельствующих о причастности его к незавидной собачьей доле. Впрочем, и сам старикашка, по нашим наблюдениям, вел настоящий собачий образ жизни.

– А пошли гражданина Кабелешкина дразнить! – раздавался чей-то бодрый клич.

– Айда! – тут же находились добровольцы, готовые грудью встать на защиту невинных животных. Стоило только свистнуть, как разгоряченная толпа уже двигалась в сторону вражьего двора. Все как один – с растрепанными волосами, с возбужденными красными лицами, с гиканьем да молодецким посвистом мчались на разборки.

– Ушанкин, выходи! Что-то давно уже у нас по ушам не получал, – выплескивали эмоции пацаны, вставши под балконом собачника.

А скромные прелестницы, пряча за спину портфельчики или папочки с фортепьянными пьесами, осторожно выглядывали из укрытия и подзадоривали:

– Мальчишки, давайте нашу, про бомжа! Счас как миленький, гаденыш, выскочит.

Мальчишки заводили монотонную циклическую песнь, напрягая связки, а девчонки им подвывали: «У бомжа была собака, он ее любил. Она съела кусок мяса, он ее убил, а на воротах написал: у бомжа была собака...».

Так продолжалось, пока кто-нибудь из хористов, повторяя в который раз, как заклинание, бессмысленную цепочку, не срывал голос. За песнопением следовали оскорбления с элементами черного юмора и грубые намеки на крайнюю непорядочность оппонента. Приходилось лезть из кожи и каждый раз выдумывать новые глупости, чтобы выманить врага из логова.

– А вы знаете, что в этой квартире поселился нерусский облезлый спаниель? – во всеуслышание кричал один из нас.

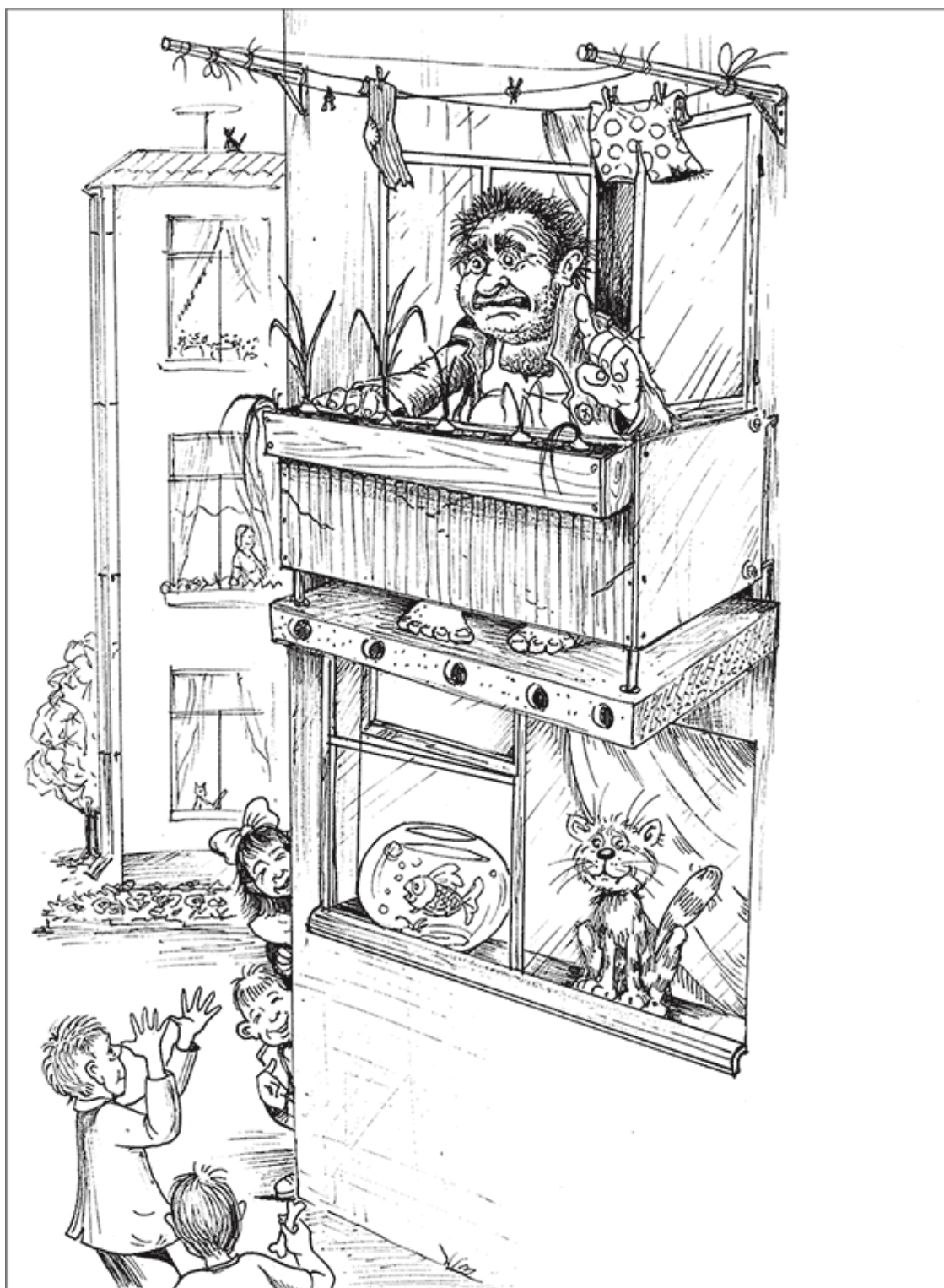
– А я где-то читал! Уже есть специальная порода – шавка с запахом американского скунса! – перебивал второй. – Чуете? Вонючка где-то рядом.

И все начинали принюхиваться и демонстративно затыкать носы.

– По-моему, это запах холодца. Кабелешкин варит его из собачьих хвостов.

– Эй, Собакевич. Ну, где ты там? Давай, выползай из своей живодерни, а то хуже будет! – срывался кто-нибудь из уличных активистов, потеряв терпение. Но старик все не показывался. Травля продолжалась.

Почему-то никому из пикетчиков не приходило в голову, что несимпатичный нам сосед на самом деле может оказаться вовсе не злодеем, а элементарно – психически больным человеком. Сочувствующие обществу «Гринпис», пытаясь привлечь внимание общественности, упрямо топтались под окнами, строили гримасы, задирали кверху пунцовые горящие рожи и швыряли камешки, метясь в балконные перила. Словом, применяли все доступные формы выманивания, насколько хватало буйной фантазии.

Наконец, на террасу выходил страшно помятый старик в бесформенной землистой хламиде, свирепо грозил нам скрюченным волосатым пальцем, а потом начинал лаять, как настоящий пес, сорвавшийся с цепи.

Наступала кульминация. Что делать дальше – никто не знал. Маски с воинственной мимикой вмиг сползли с лиц. Под масками оказывались бегающие глазки, в которых застряла паника. Ощущение моря по колено сразу куда-то испарялось. Девчонки визжали от ужаса. Впрочем, и те, кто слыли зачинщиками дворовых драк и грозой района, тоже вопили, но не от ужаса, а от хорошего, качественного драйва. И все разбегались врассыпную – только пятки

сверкали. Впрочем, свою порцию адреналина каждый получал сполна, за этим, собственно, и приходили. А странный уродец с собачьим сердцем, больше напоминающий человека из лепрозория, улыбался беззубым ртом – радовался, видно, что обличем своим, рычанием и лаем зараз разогнал обидчиков. Он хлопал в волосатые ладоши и удовлетворенно заползал обратно в свою нору.

Вот такие странные развлечения имели место быть в нашей компании. В голове крутился законный вопрос: «Почему же теперь все это мне не интересно?». И сама же на него без труда отвечала: «Да просто выросла я уже из детских забав и из тех самых трусов на лямках».

...К середине дня солнце переползло на балкон, уставилось в оконное стекло, и теневая сторона перестала быть теневой. Вентилятор сразу перестал справляться с ситуацией. Теперь он только впустую гонял горячий воздух по комнате, молотя лопастями почем зря, словно обесиленный боксер, загнанный соперником в угол, безнадежно и бесполезно машущий кулаками.

Как сказал бы какой-нибудь вдумчивый доктор, в результате нарушения микроклимата в помещении, недостатка кислорода и длительного пребывания пациента в горизонтальном положении... а также по причине углубленного чтения и не менее глубоких раздумий я просто вырубилась, уронив тяжелую книгу на грудь. Однако даже сквозь сон ощущала, как ко мне на цыпочках подкрадывается сладкая лень. Она нежно обволакивает меня своими щупальцами, парализует волю, но при этом нисколько не тяготит. Так паук ласково затягивает жертву в свои коварные сети, одурманивает ядом и отбивает всякое желание шевелить лапками и двигаться в каком-либо направлении.

Телефонный звонок раздался, будто выстрел. Я подскочила с дивана, как ошпаренная, своротив миску с сухарями. При этом еще и Лев Толстой пострадал: увесистая, как кирпич, книга с грохотом брякнулась об пол, досадно хрустнув клееным переплетом, и от удара раскрылась на автобиографии. Мои ноги сами рванули в прихожую и ускоренным аллюром пронесли над портретом классика, слава Богу, не задев бороды. Я уже знала – это Соня! Вот оно – мое спасение. Только ее деятельная натура не даст мне окончательно обмякнуть и растечься жидким пластилином в раскаленной квартире.

– Алло, Соня? – с волнением спросила я.

Действительно, предчувствие подсказало верно, что на другом конце провода объявилась моя лучшая подруга. Как и ожидалось, энергичная девчонка одним махом подняла меня с лежанки и надолго вывела из спячки.

– А кто ж еще? Привет, ты чего дышишь в трубку, словно загнанный кабанчик? – услышала я до боли знакомый, чуть ироничный голос.

– Я спала.

– А... Понятненько. А вообще, что, так сказать, по жизни делаешь, подруга? Просто интересно, чем люди на каникулах занимаются? – она попыталась сменить тон с насмешливого на строгий, но у нее не получилось.

Сквозь пространство я видела ее улыбку и хитрющий прищур. Тут уж меня не проведешь, слишком хорошо я знаю Соню.

Неудовлетворенная собственной ленью, я раздраженно, но честно призналась:

– Чем, чем... дурака валяю!

– Как не стыдно? Вставай, труба зовет! Давай, собирайся. Поедешь со мной в ссылку, – жизнерадостно кричала она мне в ухо.

Ну просто чума, а не собеседница!

– Так ты ненадолго? – спросонья до меня очень медленно доходил смысл ее появления в городе.

– Нет, только на побывку. Да за тобой, кулемой.

– А как ты узнала, что я уже дома?

– Здравсте, приехали. Я можно сказать, этого дня ждала, как праздника. Даже в календаре красным священную дату обвела, когда дорогая Полина возвращается, а она...

Ее ворчание меня только радовало. Оказывается, я успела здорово соскучиться по Соньке! Кроме того, уж больно заманчивым было ее предложение. Вырваться из загазованного города, подышать дачным воздухом, до потери пульса накупаться в нагретой речке, поваляться на травке и вдоволь наговориться с любимой подругой – это как раз то, что доктор прописал.

– Мам, мам, – заорала я, оттопыривая трубку от уха, – меня Соня зовет пожить к ним на дачу.

Мама выскочила из комнаты с испуганным лицом.

– Полина, заполошная! Ты что так кричишь?

– Можно мне в гости?

– Какие гости? Это куда еще?

Из наушника доносилось приглушенное бормотание. Соня возбужденно подсказывала, как правильно излагать суть дела, чтобы меня отпустили «на подольше». Я сообразила передать маме трубку. На кой ляд переговариваться через третьих лиц, если это можно сделать напрямую?

Теперь я слышала только свою родительницу. По коротким вопросам и отрывистым репликам я поняла – процесс пошел.

– Здравствуй, Сонечка. В принципе, не против. А Люся как? Ах, там уже! В отпуске? Замечательно. На две недели? Не надоест ли вам моя Поинка за две недели-то? Спасибо, Сонечка. Нет, Сонечка, неудобно. Ну, на недельку пусть. Ладно, там видно будет. Маме большой привет.

Я выхватила трубку.

– Видишь, как все просто. Хорошо, что за дело взялась я, – победно провозгласила Соня, – тебе, Полина, только доверь. Я тебя, резинщицу, знаю. Сейчас бы мямлила да тянула kota за хвост... В общем, слушай. Тебе на все про все – полчаса. И выходим! – скомандовала она.

– Есть! – просияв, ответила я, и в предвкушении всех тридцати трех удовольствий побежала в свою комнату, собираться.

Мама, не утерпев, пришла мне помогать. Она предлагала мне взять и то, и это, подавала предметы, а я очумело хватала и бессистемно забрасывала в сумку все, что попадалось под руку, занятая исключительно своими мыслями и предчувствием праздника, явившегося мне так неожиданно вместе с Сонькиным звонком... Вдруг мама заметила, что я довольно аккуратно сворачиваю и складываю поверх вороха одежды нарядное шелковое платье. Она сама сшила мне его ко дню рождения и сейчас очень порадовалась за дочь:

– Ну, наконец-то! Молодец, Поинка. А то все в штанах да в штанах.

– Да я так. На всякий случай. Конечно, вряд ли оно мне на даче пригодится.

– Тогда и туфельки захвати, на всякий случай. Не будешь же ты, если настанет этот случай, кеды под платье обувать.

Я послушалась и взяла.

Не успела мама дать мне последние ценные указания на дорожку, на пороге нарисовалась Соня, навьюченная, как ишак. Одета она была совсем не по-походному и явно не по погоде. На кой черт надо было надевать светлый выходной плащ в двадцать пять градусов жары – для меня пока оставалось загадкой.

– Ты много вещей-то с собой не набирай, – настоятельно советовала подруга, ставя на пол сумки и пыхтя как паровоз, – у меня там целый воз разных шмоток!

И доверительно сообщала маме:

– Знаете, я практически из всего вытолстела, просто свинка какая-то стала, а Поле мои вещицы в самый раз подойдут. Пусть носит, мне не жалко.

– Вот к чему приводит безмерная любовь к сладостям и булкам! – поддела я подругу и без церемоний завершила: – Ничего. Похудеешь еще.

Мама, как человек мягкий, поспешила сгладить неловкость:

– Ну что ты, Сонечка! Какая же из тебя толстушка? На мой взгляд, у тебя прекрасная фигура. Не беспокойся, Поля взяла только самое необходимое! – уверяла она гостью, хотя, кажется, особо не вникала, чего там, в итоге, я натолкала в свой багаж...

Ну вот, кажется, собралась. Навязчивая мысль, будто я упустила что-то важное, не давала мне покоя. Все какие-то дела мешали мне это исполнить. А... Кажется, дошло: квасу надо попить на дорожку! Прямо в уличных шлепках я залетела на кухню, вытащила холодную запотевшую банку и как припала к стеклянному горлышку!.. Ох, и добрый напиток. Переведя дух и вытирая ладошкой рот, заключила уже спокойно: «Теперь вроде все. Можно ехать».

Мама проводила нас только до лестничной площадки – ей уже пора было самой собираться, на работу в смену. Пока лифт гудел и полз с самого верха, неспешно перебирая в глубине шахты своими тросами и металлическими сочленениями, я уже чуть ли не подпрыгивала на месте от нетерпения. Наконец, двери с грохотом раскрылись. Мы запоздало расцеловались с мамой, боком втиснулись с вещами в тесную кабину и уехали. И только во дворе я вспомнила: «Батюшки, квасу-то попила, а пол-то так и не помыла!»...

Глава 2. Ура! Мы едем на дачу

Предчувствие чего-то очень хорошего, что со мной непременно должно случиться, не покидало меня, пока мы шагали по распаренной зноем улице. Точнее, это Соня шагала, а я неслась, будто на крыльях, ведь это самое предчувствие буквально приподнимало меня в воздух, и мне казалось – я лечу! Лечу над горячим асфальтом с его змеистыми трещинами и тополиным пухом, уже скатавшимся в грязную вату, над отцветшими пару недель назад тополями с их гигантскими листьями с ладонь атлета, над головами прохожих и всей этой, надо полагать, не тщетной городской суетой...

За аллеей, отгораживающей проезжую часть от тротуара, шумели автомобили, тянуло бензином и выхлопными газами, но к запаху гари примешивался волшебный аромат сахарной ваты, что продавали за углом у входа в зоопарк. Улавливались нотки жженой карамели – так всегда пахнет у нас в квартире, когда нам с Соней вдруг вздумается самим варить леденцовые петушки. Во рту стало сладко. В другое время я бы завернула за тот угол непременно, но... не сейчас.

У перекрестка к только что подвезенной квасной бочке уже выстроилась брэнчащая бидончиками и размахивающая банками очередь. Продавщица в белом халате неспешно вывешивала дежурную табличку: «В стеклянную тару не наливаем!», а народ справедливо возмущался: «Каждый день новые порядки!», и нетерпеливо требовал: «Эй, давай, отпускай! Сколько можно? Хватит прохладиться!». У дверей «Промтоваров» уже скопилась толпа – ждали открытия магазина. Не иначе как намечался выброс очередного дефицита. Суетились озабоченные домохозяйки, безуспешно пытающиеся восстановить очередность и справедливость; на них с гордым презрением взирали молодые мамы с колясками, не случайно прихватившие с собой младенцев. Они-то были уверены на все сто: кому-кому, а им сегодня точно удастся отовариться по полной программе. Ведь лозунг «Товар отпускается в одни руки!» пока еще никто не отменял, а тут уже, как минимум, две пары рук. И пусть маленькие кулачки кроме погремушек и пустышек еще ничего в жизни не держали, но тандем «мама плюс ребенок» имел неоспоримое преимущество! Вездесущие бабки с кошелками, – этим с утра явно было нечем заняться, – сновали туда-сюда, волнуясь, что им ничего не достанется, и одновременно сомневаясь, надо ли им в принципе то, что сегодня будут «давать». Парочка случайных алкашей в мятых пиджаках с оттопыренными карманами околачивались тут же. «А вдруг и нам чего перепадет?» – читалось по их возбужденным лицам и горящим глазам. Одним словом, все в этот день торопилось, жаждало, кипело, чего-то ждало...

– Сонь, ты бы хоть верхнюю одежду сняла что ли! Июль, однако, – весело предлагала я подруге, на которую всю дорогу недоуменно оборачивались прохожие, а теперь вот и на автобусной остановке многие пассажиры не сводили с нее глаз. Своим несезонным видом она сильно выделялась из толпы и привлекала всеобщее внимание публики.

– Так надо. Пришлось побольше на себя натянуть, чтобы в руках поменьше тащить, – толковала она мне. – Я же электрическую вафельницу с собой взяла. Будем домашние вафли стряпать. Ты даже представить себе не можешь, какими нежными они получаются. А начинку туда можно самую разную пихать. Вкусней всего, конечно, вареная сгущенка, только ее варить слишком долго. Зато вкусно-о...

Она мечтательно закатила глаза и розовым язычком облизнула потрескавшиеся от сухости губы. Я окинула сочувствующим взглядом замученную и взмокшую Соню вместе с ее багажом, который заметно оттянул ей руку, и вызвалась облегчить ее участь:

– Давай поддержку!

– Главное – их делать быстро. Двадцать минут, и целая гора, – она по-прежнему не теряла оптимизма, продолжая меня в чем-то горячо убеждать, но, передавая мне кладь, уже пыхтела, как паровоз:

– Фу... Кошмар! Знаешь, какая тяжелая?

– Гора – тяжелая?

– Тьфу ты! Вафель гора! Я про вафельницу. Целых три пуда, наверное, весит...

Прибор не случайно упаковали в два пакета, вставив их один в один. Обычный одинарный наверняка бы уже лопнул. Сонька для ценного груза даже пожертвовала два дефицитных красно-белых мешка с фирменным знаком Marlboro. Правда, создавалось впечатление, что пакеты уже неоднократно подвергались стирке, поскольку выглядели сильно пожужьканными: даже кончики букв стерлись.

Лично у меня уже имелся печальный опыт неосторожного обращения с культовой упаковкой. Я очень дорожила клеенчатой сумкой с добротными пластмассовыми ручками и с изображением двух бронзовых лошадок. Она перепала мне после маминой командировки в Москву и использовалась только в особо торжественных случаях. Однажды, наткнувшись на рекомендацию в «Здоровье», я сдуру решила по всем правилам обновить свой поистрепавшийся за год Philip Morris, который, несмотря на исключительно бережное к нему отношение, частично утратил свою эстетическую привлекательность. В заметке под заголовком: «Как стирать полиэтиленовые пакеты» черным по белому было написано: «Мыть надо теплой водой с мылом, а еще лучше добавить в мыльный раствор чайную ложку пищевой соды». Что я, собственно, и сделала... Проклятая сода! В процессе «реставрации» краска с поверхности мешка окончательно слезла, подарок мамы навсегда потерял товарный вид, а у меня с тех пор возникло недоверие к журналу в целом, и в частности – к некоторым кандидатам медицинских наук, что дают такие тупые советы.

Я осторожно и незаметно от Сони опустила драгоценный груз на асфальт. Пусть себе стоит, пока транспорта нет – чего на весу-то его держать, мучиться? Через двойной слой клеенки угадывалась не слишком большая коробка, но по весу казалось, будто внутри ее находится вовсе не чудо-вафельница, а тяжеленный чугунный утюг, который грели на печи и гладили им белье еще до изобретения электричества.

Ну, наконец-то... Из потока машин выпростал свое длинное тело сдвоенный желтый «Икарус», своим гибким сочленением-гармошкой напомнивший мне гигантскую гусеницу, которая, вильнув хвостом, неожиданно лихо подкатила к остановке. Мы кое-как влезли в переполненный автобус. Ну и душегубка! Хоть на мне легкая удобная одежда: белая короткая майка на бретельках, свободные холщовые брючки с резинкой вместо пояса и шлепанцы на босу ногу – а и то вся спина взмокла. Я глядела на Соню с искренним сочувствием, а скорее – даже с ужасом. Да и не я одна. Какой-то дяденька, здоровяк с рыжими усами, нагло занявший место аккуратно под табличкой «Для инвалидов и пассажиров с детьми», с подозрением поглядывая на странную девочку с всклокоченными волосами и распаренным лицом, ерзал, ерзал, и вдруг надумал уступить ей место. Сонька в знак благодарности просто кивнула и плюхнулась на сиденье со словами:

– Боже... какое блаженство! Теперь можно и раздеться.

Под ее плащом оказалось ярко-красное трикотажное платье на высокой кокетке, подчеркнутой кружевной тесьмой под грудью. Моя сестренка, имея неплохой словарный запас и кое-какие представления о крое одежды, однажды назвала отрезную линию не кокеткой, а вообразулей. Соню это тогда сильно умилило. Усатый еще раз внимательно окинул справную девичью фигуру, убеждаясь, что поступил правильно, и с облегчением вздохнул.

– Чего это он на меня пялится? – шепнула мне Соня на ушко, привлекая меня за локоть, и озабоченно предположила: – Может, из-за платья? Ну и что? Красный цвет – цвет уверенности и перспективы, да будет ему известно.

А по-моему, дядька решил, что девушка слегка беременна. Я не стала расстраивать подругу и объяснять, что дело, кажется, совсем не в цвете, и постаралась увести разговор в сторону.

– И все-таки, не могу понять, зачем тебе на даче макинтош?

Соня ответила мне вполне аргументировано:

– Видишь ли, мне эта вещь очень сильно нравится. Кто его знает, как меня еще за лето разнесет? Ну, сама подумай! А если осенью вообще в плащ не влезу? Обидно же будет. А так хоть сейчас поношу. Это сегодня солнце, а на завтра ведь могут и дожди зарядить...

В голосе ее звучала неподдельная надежда на скорое выпадение осадков и неприкрытая жажда. Девчонка явно перегрелась.

«Ну, счас! Размечталась, – подумала я, – мне-то как раз не хочется, чтобы погода менялась. Мой священный отдых не должны омрачать никакие затяжные дожди и прочие неприятности!» Удивительно, но сейчас мне даже было плевать на такие мелочи, как духота и давка в салоне. И ничего страшного, что на поворотах потные грузные граждане все, как по команде, валятся на меня, и кажется, лишь моя тонкая рука, вцепившаяся в поручень, в невыносимом напряжении сдерживает весь этот человеческий напор. И не беда, что на остановках неуправляемая толпа все время норовит отеснить меня от Сони и против моей воли вынести в гофрированный переход, а то и просто выпихнуть из дверей наружу. И какие это пустяки, что уже оттоптаны все пятки, что какая-то кряжистая тетка расцарапала мне своей безразмерной колючей сумкой ногу, а вон тот интеллигент в галстуке так и целится заехать мне локтем прямо в глаз... Ничего, потерплю – не растаю, не сахарная. Зато впереди меня ждет что-то необыкновенное!

Радостное и совершенно необъяснимое волнение продолжало нарастать.

На вокзале выяснилось, что до электрички еще полно времени. Мы немного поторчали в пригородном зале, послушали неразборчивое бормотание диктора, попали в поток снующих туда-сюда людей, груженных сумками, чемоданами, рюкзаками, домашними животными, с трудом из него вынырнули и остановились поглазеть на цыганский табор. Зрелище оказалось прелюбопытным: прямо на гранитном полу, заваленном ворохом шмотья, громоздкими коробками, корзинами с провизией, раздувшимися полосатыми мешками, видимо, с каким-то тряпичным товаром, вповалку спали женщины и дети. Женщины разметали по полу свои вороньи волосы и пестрые, как хвост павлина, широкие юбки. Своих ребятишек они заботливо прикрыли цветастыми шальями. Из-под шелковых кистей выглядывали то кудрявая головенка, то смуглая ручонка, то чумазая мордашка. Даже спящие и немые цыганята были очень хорошенькими. Соня сказала с осуждением: «Еще бы шатер тут свой разбили и кибитку с конем приволокли! Никакой гигиены!», а я ей возразила: «Свободный кочевой народ. На кой им твоя гигиена?».

Прочувствовав на своей шкуре всю сутолоку вокзала и, кажется, насквозь пропитавшись специфическим вокзальным запахом, этакой гремучей смесью из «ароматов»: растопленного прогорклого жира, в котором жарили беляши в придорожном буфете; суррогатного кофе, пива и копченой воблы, дегтярной жидкости для пропитки шпал, дорожной пыли, курительных и туалетных комнат, – мы быстренько приобрели билеты и наконец-то выползли на воздух, где, с трудом отыскав тенечек, присели передохнуть. Соня сразу разулась, с наслаждением вытянув босые ступни с красными следами от обуви, и заявила, что у нее невозможно тесные туфли. Ну, это вполне в ее манере. Надо ж было догадаться – надеть в дорогу новую обувь! Туфельки, безусловно, были хороши – последний писк моды. На удобной, смягчающей шаг, каучуковой танкетке. В среде фарцовщиков да и в народе такая подошва называется «манной кашей». И цвет кожи очень приятный, светло-бежевый. Сейчас туфли оказались невостребованными, хозяйка даже не пожелала опереться о них своими розовыми пятками, предпочитая свободно

распластать ступни на земле, правда, предварительно подстелив под них забытую кем-то на скамейке газетку. Видно, девушка не желала больше уподобляться тем древним китайкам, которым постоянно приходилось держать свои ножки в неволе. С китайками-то все понятно: они хотели, чтобы у них были миниатюрные стопы, а вот ради чего себя так мучила Соня? Как бы там ни было, теперь обновка неприкаянно стояла в стороне.

Я с интересом озиралась по сторонам. Перед нами раскинулась большая асфальтированная площадь, по кругу стояли ажурные скамейки, а в центре помещался небольшой парковый фонтанчик. Его чугунная пирамидка состояла из трех чаш, из верхнего сосуда на нижние ниспадал сплошной водопад. Почему-то при виде фонтанов мне всегда вспоминается трубный голос Маяковского со старой пластинки, строчки стиха: «А вы ноктюрн сыграть смогли бы на флейте водосточных труб?». Сама не знаю, отчего у меня возникает такая ассоциация, однако ноктюрн, не ноктюрн – а некая плавная мелодия в голове у меня образовалась: «Как прекрасен этот мир, посмотри...». Смотреть на движение воды и ее обилие это действительно прекрасно. Тем более в такую жару. Бесспорно, мир прекрасен! Но все же песня была навеяна другим.

– Ты не можешь не заметить, соловьи живут на свете и простые сизари... – пропела я, старательно выводя мотив.

– Да уж, – поддержала меня Соня, – такое количество сизарей трудно не заметить. Их тут целый миллион, наверное...

Может, и не миллион, но массовое скопление птиц на площади наблюдалось. Они мирно гуляли, попутно исполняя свои брачные танцы, громко ворковали, выискивали семечки, клевали мелкие камешки и все, что под их гулькин нос попадалось, включая явный мусор. Девушка с соседней лавочки, искрошив целую горбушку без остатка, поднялась, легко подхватила миниатюрный чемоданчик, который еще называют «балеткой», и спортивным шагом направилась в здание вокзала... Заметив перемены в расстановке фигур на площадке и руководствуясь стадным чувством, птичий народ всей стаей в срочном порядке направился к нам. А вдруг и тут чего перепадет? Скучившись подле наших ног, они потоптались-потоптались, нарезая круги, но, так и не дождавшись корма, грустно поковыляли к мусорному баку. Остался лишь один самый видный и, похоже, самый упрямый. Отщепенец вертел надутую радужной шеей, косил на нас умным красным глазом и всем своим видом выпрашивал вкусенькое. Сонька сразу сдалась.

– Посмотри, какой красавец! У него какое-то необычное оперение, и даже хохолок на голове смотрится, как настоящая корона. А грудь так и отливает... э-э-э... раствором бриллиантовой зелени.

Так отличница Соня по-научному назвала зеленку. Привычное простое название антисептика действительно как-то не вязалось с таким роскошным голубиным экземпляром, а так – хотя бы намек на некую породистость и отличную от собратьев внешность.

– Слушай, Польша, давай ему хоть булочку купим. Стоняешь, а? А то я, кажется, ноги стерла.

«Довыпендривалась!» – беззлобно подумала я и с готовностью откликнулась:

– Конечно, схожу. Великомученица ты моя. Чего брат-то?

Лучше было бы не спрашивать. Соня долго перечисляла хлебобулочные изделия, которые мне надлежало купить. Тут были и сайки, и посыпушки, и рогалики с маком и, главное, коржики – но непременно свежие, а не какие-нибудь залежалые.

– Сонь, погоди, не части, я запишу. Дай, только свой магнитофон включу, – пошутила я. Соня поняла, что увлеклась и сдалась.

– Ладно, бери, что на тебя посмотрит. Только вилочкой потрогай на предмет черствости, – и уже мне вдогонку снова настоятельно напоминала: – Потыкать не забудь! Обязательно...

К привокзальной площади примыкал магазин «Каравай», самый большой хлебный магазин в городе. Знакомство с этой булочной в моей памяти отложилось двумя значимыми собы-

тиями. В тот день принесли Ирку из роддома, и тогда же я в первый раз попробовала торт «Полет». Хотя мы с папой явились прямо к открытию магазина, нам все равно пришлось отстоять в очереди пару часов, тревожно контролируя наше черепашьё продвижение к прилавку и с волнением прислушиваясь к паническим настроениям в толпе: «Сейчас кончится! Да не кончится, что вы каркаете! А вот уже и кончились! Говорю же вам, на мне всегда все кончается...». Зря мы переживали: торты подвезли еще. Тортик, кстати, оказался что надо: поджаренные арахисовые орешки, пропитанные тягучей медовой карамелью, воздушная прослойка из заварного теста и пышное безе.

В магазине с тех пор ничего не изменилось, все тот же хлебный дух, оглушающе вкусный, и непривычное изобилие на прилавках. Разве что любимый торт в продаже нынче отсутствовал, о чем свидетельствовало красноречивое объявление в довольно грубой, я бы даже сказала – в хамской форме: «ПОЛЕТОВ НЕТ. Просьба своими вопросами продавцу не надоедать!» Но неповторимый запах хлеба делает людей добрее – правда, это никоим образом не распространяется на работников торговли, – и покупатели не обижались. Они бродили от стойки к стойке, тыкали раздвоенной вилкой, привязанной шпагатом к витрине, в хрустящую корочку, пытаясь добраться до мякиша, и, довольные, набивали свои авоськи свежей выпечкой. Еще бы! Поди, найди такое разнообразие в обычной «булошной»! Деревянные стеллажи с полками были забиты белыми, серыми и черными буханками, батонами, плетенками, халами и разной аппетитной мелочевкой – у меня разбежались глаза. Одним словом, каравай-каравай, чего хочешь – выбирай...

Мне приглянулись румяные круглые булочки с помадкой, за пять копеек, и хрустящие жареные трубочки с повидлом – за шесть. Вдруг за стеклом выставочного уголка, украшенного бумажными кружевами, я увидела то, что любила больше всего на свете. Кукурузные палочки! Правда, на полке имелись еще другие изделия – пышные хлеба с художественно запеченными выпуклыми косами и гигантскими колосьями на блестящей румяной корке. Образцы были явно не настоящие, а сделанные из папье-маше. Может, и картонная коробка на витрине – муляж?

– Скажите, пожалуйста, – не веря своему счастью, вежливо обратилась я к продавщице и указала пальцем на коробку, – эти палочки в свободной продаже?

– В свободной, в свободной. Ишь, грамотные! Каждый думает, что он здесь самый умный, – проворчала тетка. Наверное, это она писала то самое объявление про «полеты».

За мной сразу начала выстраиваться очередь. Денег мне мама дала, я решила на лакомстве не экономить и схватила аж пять коробок: одну осилим по дороге, а четыре как-нибудь дотащим, они же легкие. Одного я не учла: хоть и легкие, но – объемные.

Вероятно, очень смешно было смотреть на меня со стороны. Я сгребла все в охалку, заключив коробки в крепкие объятя, словно близких родственников, и, не дыша, двигалась в направлении нашей скамьи. Надо сильно постараться, чтобы и груды не развалилась, и булочки, пристроенные сверху, не попадали на землю.

– Ух, ты! Сколько всего! Хрустящие, сладкие, готовые к употреблению! – изучала Соня анонс на коробке, забыв о сизаре-попрошайке.

Впрочем, в поле зрения голубя больше не наблюдалось.

– Молодец, Полина. Обожаю! – признавалась подруга.

Скорее всего, обожала она не меня, а мою добычу. В эйфории от привалившего счастья в виде разных вкусов, девчонка продолжала:

– Я всегда говорила, это лучший хлебный магазин! Обязательно что-нибудь хорошее выбросят. Только, Поль, почему ты так мало взяла?

– Мало?! Ты с ума сошла! Это-то как попрём, непонятно...

– У меня же сетка есть, вот.

Пространство безразмерной плетеной авоськи уже частично было занято каким-то бесформенным комом. В выпуклых ромбиках я узнала благородную плащевую ткань.

Соня, кривясь от боли, втиснула ноги в злополучную манку и метнулась, было, в сторону хлебного. Но я вовремя ее остановила.

– Ладно, пошли уже, жертва тесной обуви... Там очередина – три километра, еще на электричку опоздаем.

На электричку мы успели, но заскочить в здание вокзала и утолить жажду из питьевого фонтанчика нам уже не довелось.

С криками «Сюда, сюда! Здесь свободно!» мы ворвались в вагон. Заняли целый отсек, с шумом размещая вещи и усаживаясь на твердые деревянные диваны напротив друг друга, и я приготовилась вкушать удовольствие от путешествия на поезде. Мне было жутко радостно и почему-то хотелось подурачиться. На перроне топтался долговязый паренек с микроскопической собачкой на поводке. В породах собак я не очень разбираюсь, в голове все время крутился только какой-то «карликовый пинчер». Не факт, конечно, что это пинчер, но что карликовый – безусловно! Своими тонюсенькими высокими лапками и суетливостью песик напомнил мне длинноногого несмышленного олененка. Парень грозил пальцем чуточному существу, хмурил брови и тянул его за шлейку, а тот дрожал, упирался «копытцами», как мог, и тащил хозяйку непонятно куда, дергаясь в разных направлениях – парочка смотрелась очень комично. Неожиданно владелец собачонки задрал голову. Я не удержалась и красноречиво покрутила пальцем у виска. Что означало: тоже мне укротитель! Взят бы малютку на руки, дубина.

Мальчишка, как в зеркальном отражении, с ходу проделал то же самое. А его губы четко выговорили: «Сама такая!». Дерзкий! В отместку я успела показать язык. Все равно уже не догонит. Машинист электровоза поддал, и парень с упрямым олененком скрылись из вида. А я засмеялась и сказала:

– Ту-ту-у-у-у, поехали!

– Ты прямо как ребенок! – нисколько не осуждая меня, а, скорее, разделяя мое хорошее настроение, восхитилась моей непосредственностью Соня.

К нам подсел старичок, по виду стопроцентный дачник. Он был в синих «трениках», в льняной рубаше, скроенной по типу косоворотки, и в разлохмаченных от старости тряпичных башмаках. Кроме традиционной садовой сумки-тележки на колесиках при нем имелся предмет мебели, явно отслуживший свой век в городской квартире. Дед пристроил сломанную кухонную табуретку о трех ногах, привалив к себе, бережно снял древнюю перфорированную шляпу начала эпохи оттепели с замусоленной лентой над полями и настроился читать «Крокодил». Но очень скоро старик спекся. Какое-то время он еще удерживал в руках развернутый журнал, а мы с Соней падали со смеху, глядя на обложку. Прямо на развороте помещалась карикатура на современную семейную жизнь: крупным планом ходики, из которых вместо кукушки выскакивает растрепанная тетка со скалкой в руках, а зашуганный муж, в трусах и майке, с небритой похмельной рожей, отпрыгивает от дубинки с поджатыми лапами, словно заяц. И так, видимо, каждый час... Сцена называлась «семейные часы с боем». Возможно, картинка и не была столь смешной, чтобы вот так умирать от смеха, но нам с Соней сейчас только палец покажи!

Тут дедушка, сраженный морфеем, всхрапнул на весь вагон и выронил свой «Крокодил». Опять повод. Мы зажимали рты, чтобы не разбудить соседа. Потом самовольно подняли журнал с грязноватого пола и, выхватывая его друг у друга, стали по очереди зачитывать разные выдержки.

– ...Ввиду семейных обстоятельств, в частности болезнь свиньи, я имела невыход на работу в течение пяти дней, – декламировала Соня и ждала моей реакции.

Я приглушенно хихикала, а она, икая, вносила поправки.

– Это... это... из объяснительной.

Меня больше насмешил короткий фельетон, который назывался: «Хочу домой». Смысл его был таков: в пионерском лагере персонал создал настолько неблагоприятные условия, что бедные дети хором просились домой. Городским отделом народного образования города Новопургинска была проведена замена высшего руководства лагеря, укреплен состав воспитателей, отремонтирована крыша, а также улучшено санитарное состояние территории и, главное, внешний вид вожатых. Вроде, тема серьезная, но меня так разобрало, что я не могла остановиться. Соня тоже хваталась за живот.

– Ой, не могу. Пионеров жалко...

Потом подруга пересела ко мне на лавку, мы ели булочки и вместе рассматривали картинки из раздела «иностранный юмор». На рисунках длинный полосатый кот сначала отдыхал на ребристом радиаторе отопления, потом поднялся и пошел, чуть живой, заплетая лапами. Туловище и хвост оказались волнистыми, сохраняя контур батареи. А сам котейка теперь больше стал похож на ползущую гусеницу. Своим ржанием мы все-таки разбудили деда. Он на секунду открыл глаза, окинул нас непонимающим взглядом и пробормотал: «А... Девчонки... Смешинка в рот попала? Вот стрекозы»... И опять задремал. Мы просто взорвались хохотом.

Когда журнал надоел, смех иссяк, а булки были съедены, потекла беспечная болтовня двух девчонок-подружек. Теперь уже под дружное хрумканье. Рука сама так и тянулась к палочкам, щедро обваленным в сахарной пудре. Это зараза, как семечки – чем больше грызешь, тем больше хочется. Не оторваться!

Скучноватые железнодорожные пейзажи: поля с березовыми колками; пыльные картофельные плантации, подступающие прямо к дорожной насыпи; дачный поселок, прячущийся за лесозащитной полосой, растянувшийся вдоль линии на несколько километров; крошечный полустанок с группой ребяташек, приветливо машущих нам вслед, – его миновали, даже не притормозив; пустынный переезд с парой застывших машин – плыли в окнах...

Мы делились последними новостями и впечатлениями от нынешних каникул.

– Знаешь, Сонь, меня сильно совесть мучит. Мы же с Колей договорились встретиться вечером. Даже не звякнула парню, предупредить, что уезжаем. Вот ворона! – сокрушалась я, искренне раскаиваясь в своей безалаберности.

– С каким? С Ульяновом, что ли? Поверь, этот сильно убиваться не станет, – убеждала меня Соня, кисть ее при этом не забывала нырять в коробку и загребать полную горсть.

– Все равно, неудобно.

– Ничего, переживет. Это ж Колька. Неунывающий наш брат.

Соня, хихикая и прикрывая рот ладошкой, дунула мне в ухо: «Наших в городе много?». Она явно подражала Остапу Бендеру, основателю тайного «Союза меча и орала», но конспирации не получилось, потому что сама же первая и раскатилась заразительной трелью на весь вагон.

– При наличии отсутствия... – отвечала я, в общем, тоже демонстрируя неплохое знание темы и стараясь сохранять серьезный вид, – кажется, как раз сегодня ребята из лагеря возвратились в свои казематы.

– Ты же знаешь, Полина, интернатских я нашими не считаю. Здоровые лбы, а ума...

Почему она, человек по натуре очень отзывчивый, не жаловала этот круг? – я не понимала. Ведь причины отставания ребяташек от сверстников были так очевидны... Я не раз пыталась воззвать ее к сочувствию и убедить, что дети-то не при чем, не виноваты они, что оказались в сиротском доме при живых родителях. Но Сонька тупо твердила, что не терпит, как она выразилась, «казенщины». Почему ее не прошибало? В этом сложном вопросе мне еще предстояло разобраться.

– Ты мне лучше сознайся, подруга, – перевела она разговор в более интересную для нее плоскость, Впрочем, тоже немало меня забавлявшую, – мальчишки в вашем лагере все, поди, за тобой толпами ходили?

– Не то слово – ходили. Бегали! И именно толпой. И мальчишки, и девчонки. Особенно, когда кросс был. Между прочим, Сонечка, я там второе место заняла, – похвасталась я высоким результатом.

Сразу вспомнилось, чего мне стоила победа. Вдруг вернулось ощущение кровавого привкуса во рту, бешено заколотилось сердце где-то в районе горла и противно задрожали ноги, – как тогда, после финиша.

– Молодец! Гордюсь! Ну, тем более. Неужели в спортсменку, комсомолку и, наконец, в просто красивую девушку никто так и не влюбился?

– Ни в одном глазу. Понимаешь, там какие-то все ненормальные собрались, повернутые на спорте. Им не до глупостей было. Разряды всем подавай.

– Гляжу, и ты, дорогая подруга, им уподобилась. А почто не первое?

– Место-то? Я и так чуть не сдохла. Представляешь, у нас заключительный этап соревнования по старому кладбищу пролегал. Я выложились до капельки, еще человек пять на финише обошла и рухнула, как подкошенная, на бугорок. Не поверишь, как мертвая! Когда мало-мало оклемалась, гляжу – а это могилка! Правда, она от времени уже почти с землей сравнялась. Но мне так плохо было, что я даже не испугалась.

– Не понимаю я этого... И ради чего так гробиться?

– Азарт. А у тебя-то на даче возможностей поболее моего было. Говори, чертовка, клюнул кто на твои чары?

– Да так, мелочевка одна, – пожав плечами, ответила Соня, будто речь шла о рыбе.

Мне показалась, она немного смутилась.

– Ладно, вдвоем, Полина, мы с тобой быстренько наверстаем упущенное. Договорились? Вместо ответа я растроганно призналась:

– Я так рада Сонь, что ты меня пригласила.

– Подожди благодарить. Ты еще не знаешь, что тебя ожидает на нашем курорте, – на ее хитрой физиономии отразилась интрига, – как бы домой не запросилась.

– Что-то я глубины твоих намеков не понимаю, – с набитым ртом бубнила я, не отставая от подруги по части поедания воздушных палочек.

Пористые, как губка, сладкие кривулины быстро таяли в коробке. На дне оставался самый вкус.

– Должна тебя предупредить... Представь себе, у нас на дачах до сей поры процветает такое дикое и унижающее достоинство явление, как эксплуатация человека человеком!

– А... догадываюсь. Не бойсь, подруга, меня работой не запугаешь. Физический труд приносит мне моральную радость.

– Вот и славно, – с облегчением промолвила Соня и приобняла меня за плечи.

То ли хотела ободрить, то ли заранее за что-то извинялась.

...С ней всегда было хорошо. Никакие обстоятельства извне не могли нам испортить праздника общения. Потому что Соня мне настоящий друг на все времена. А я – ей. Это было predetermined самой историей. Наши отношения начались с той самой нулевой точки отсчета, когда мы обе еще совсем не помнили себя и, как говорится, пешком под стол ходили. Из достоверных источников известно, что стол частенько бывал общим. Наши первые фотографии, и поныне хранящиеся в альбоме с обложкой из синего плюша, тому подтверждение.

Вот я. Стою в ворсистом пальтишке из ткани букле и в вязаной шапке с огромным помпоном, завалившимся набекрень. А рядом моя верная подруга, в искусственной шубке с капюшоном, туго подвязанная под подбородком платочком, отчего пухлые щеки еще больше нали-

лись и вывалились из косынки. Копия Аленки с шоколадной обертки... Обе девчухи своим серьезным видом трогательны до слез. На переднем плане пятнистый козлик из папье-маше. Фотография очень удачная, хоть и черно-белая, поскольку у козла можно разглядеть детали: подставку на колесиках и погрызенные уши. Кто из нас двоих погрыз – вопрос навсегда остался открытым. Но, по-моему, я до сих пор помню специфический вкус сладковатой волокнистой массы с запахом опилок и крахмала.

Еще очень удачный снимок. На нем крупным планом наши лица. Мы озорно смеемся, и у нас странные прически. Вместо привычных локонов на голове у Сони – торчащие в разные стороны клочки, а у меня – челка, и мало того, что вся в ступеньках, еще и уехала куда-то наискосок. Здесь мы уже больше, раз имеем доступ к ножницам. Играли в парикмахерскую, да по ходу дела взяли друг друга и подстригли. Ох, Соньке тогда и досталось от матери. А мне не очень. Родители больше смеялись, чем ругали меня. Через пару дней, когда страсти улеглись, и Соньку выпустили из угла, папа взял и щелкнул нас фотоаппаратом на память...

Воспоминания о детстве, от которых сразу стало тепло на душе, отвлекли меня от дорожных разговоров. Я на время замолчала, под колесный перестук и равномерное мелькание столбов с провисшими проводами полностью уйдя в свои мысли. Да и Соня, похоже, выдохлась, потому что тоже притихла. Я все пыталась представить: как там будет? Какая на даче светлая речка и чистый пляж. Еще я без конца мысленно перебирала предметы, упакованные в сумку, беспокойно проверяя, все ли взяла. Не забыт ли любимый купальник и удобные шорты – самые востребованные на отдыхе вещи? Однако беспорядочные думы не мешали мне с восторгом поглядывать в окошко, ведь чем больше поезд удалялся от города, тем привлекательнее становилась картина. Скучные придорожные пейзажи вдруг сменились прекрасными ландшафтами. Что это со мной? Раньше никогда природа меня так не трогала. Соньке виды за окном были слишком знакомы, наверное, поэтому она не обращала на красоты ни малейшего внимания. У меня же периодически захватывало дух от простора – не окинешь взглядом, от пестроты полевых цветов и всех оттенков богатой июльской зелени. Масштабами впечатляли поля, которые уже начали желтеть. Территории бескрайние, колосья высоченные! Видно, по этой стороне прошли хорошие дожди – раз пшеница так вымахала. Да и дикие травы, и так уже выше головы, набрались сил и прут себе дальше.

Еще я каждый раз невольно прислушивалась к объявлению остановок. Меня поражали точные и звучные названия станций. Создавалось впечатление, что здесь не обошлось без участия писателя-натуралиста. Вот промелькнула станция «Зеленодольская», с живописными видами на холмы и долины. Чуть притормозили около полустанка «Журавли». На краю крошечной деревеньки я успела разглядеть несколько длинношеих колодезных журавлей – явление в наше время довольно редкое. От почерневших, изъеденных временем деревянных удилищ на меня будто дохнуло древностью, а еще вдруг ясно привиделся темный круг воды, застывший неподвижно на самом донце меж замшелых позеленевших бревен сруба, и, кажется, даже повеяло вечной сыростью прямо из глубины колодца. А еще гигантские клюющие птицы навеяли мне что-то из области ветряных мельниц эпохи дон Кихота. По идее, эффектное зрелище должно бы вызывать интерес и ностальгию у горожан, уставших от цивилизации и городской обыденности. Но по пассажирам этого как-то заметно не было. Еще мне казалось, что поэтические названия станций: «Бирюзовые ключи», «Новородниковое», «Боровое озеро», «Седая заимка» и даже немудреная «Карасевка», а главное, сама мать-природа за окнами нашего пригородного поезда – не должны оставить равнодушным никого из присутствующих. Увы! Никто и не думал выражать свой восторг. В основном, наши попутчики пребывали в дреме. Из бодрствующих лишь единицы пытались читать, вяло разворачивая газеты, или без малейшего интереса пролистывали журналы. Остальные просто томились от жары и скуки с

ватным выражением лица. В окно никто не глядел. Мне хотелось им крикнуть: «Люди, проснитесь! Вы что, не видите? Красотища-то какая вокруг!

Под конец поездки Соня тоже не выдержала, стала хныкать и ворчать:

– Господи, когда уже мы приедем? Пить охота невозможно. Кончатся мои мученья когда-нибудь? Невыносимо...

...Ее раздражало буквально все. И храп соседа: в конце длинного пути старик «совсем распоясался» и выводил рулады уже на весь вагон, и неприятное ощущение в желудке, оставшееся после переедания сладостей: «только изжога от этих твоих палочек!», и духотища: «одуреть можно, у нас в парнике с огурцами и то – свежее», и безостановочный стук, «долбящий по ушам», изредка прерывавшийся ревом шедшего навстречу состава... Когда грохот нарастал, и окна застилала мельтешащая серая тень от несущихся в другую сторону товарных вагонов, Соня испуганно вздрагивала, а взгляд ее становился совсем бессмысленным и усталым.

– Терпи, казак, а то мамой будешь, – произнесла я известное выражение в искаженном варианте, только что подцепленное в рубрике «Сочиняйка», все из того же Крокодила, чтобы хоть как-то растормошить подругу.

Но тщетно. Даже искра оживления не озарила ее лица. Ладно, Сонино разбитое состояние и ее скуку понять можно – ведь она уже второй раз за сегодня ехала одним и тем же маршрутом, да к тому же встала в такую рань. Конечно, девчонка утомилась, а вот другие... Мне вдруг подумалось: «Пусть те, кому от жары некомфортно, лишь на минутку представят минус тридцать и гремющий, скованный морозом трамвай, который от хрупкости вот-вот развалится на повороте». Ведь традиционная надпись, накорябанная на заледенелом окне ребром монетки, отогретой дыханием: «Терпите, люди, скоро лето!» – не просто фраза, это крик уставшей от зимы души. Пусть только вообразят – и все претензии ко дню сегодняшнему, такому солнечному и прекрасному, развеются без следа.

Мы приближались к нашей остановке с самым нестандартным названием из всех, ранее объявленных машинистом электропоезда. «Кувшинка» – такое оригинальное имя придумал обычному населенному пункту тот самый писатель-железнодорожник, тонкий ценитель красот родного края и редкий, по-видимому, краевед.

Под действием сильных зрительных впечатлений, обилия чудных имен, а вероятнее всего – от жажды и духоты в вагоне, накопившейся за длинную дорогу, в моей голове царил невообразимая каша. Воображение предоставило мне фантастическую картину ни разу не виданного места, куда нам вскоре надлежало прибыть. Выглядело это примерно так: шумел елово-сосновый бор, вековые деревья стояли стеной, сплошь обвешанные седыми лохмотьями из мха, густые непроницаемые кроны закрывали небо, отчего в том лесу всегда прохладно и темно, кусты сверкали каплями росы, будто были сделаны из бисера, а в зеленых долинах из-под земли били прозрачные родники со студеной ключевой водой. Водичка сильно ломит зубы, но зато такая вкусная! И никак ею не напьешься. Но сознание тут же услужливо дорисовывает старинного «журавля», в клюве которого болтается полное ведро чистой колодезной влаги. Лесные озера кишат рыбой, золотистые жирные караси плещутся в воде, выпрыгивая и подставляя бока солнцу, и тогда их чешуя вспыхивает всеми цветами радуги. А разнотравье какое! А запахи! Мне вдруг показалось, что я явственно уловила тончайший аромат кувшинок. Вслед за ними стали раскрываться и благоухали лилии, лотосы и Бог еще знает, какие диковинные цветы.

Тогда я еще не знала, что окончена первая глава моей «книги жизни» – глава о моем детстве. Я не могла и предположить, что уже нахожусь в новой точке отсчета под названием «Кувшинка», что с этого момента жизнь начнет набирать обороты, как набирает скорость постепенно разгоняющийся поезд. Скоро я попаду в иное временное и пространственное измерение,

и следующий виток спирали жизни, несущий лавину новых впечатлений, страстей, ошибок и самых неожиданных поворотов судьбы, начнет стремительно раскручиваться...

Глава 3. Варенье из лепестков роз

Машинист протянул состав до самого края, вероятно, до того места, где перрон всегда обрывается осыпью из крупного, покрытого угольной пылью, щебня. Наш вагон поравнялся с застекленным павильоном под вывеской: «Остановочная платформа Кувшинка, отд. Зап. Сиб. Жел. Дор.» Пассажиры, – с обмотанными несвежими тряпицами тяпками, корзинками, котомками, торбами, стеклянными банками под заготовки в сетках-авоськах, кое-кто тянущий кусок фанеры в зубах, а кто-то и рулон обоев – в хозяйстве все сгодится, – с горем пополам выгрузились, и поезд ушел, дав два прощальных гудка и обдав народ жарким ветром. Толпа дачников на платформе быстро редела, растекаясь по тропинкам и дорожкам в разные стороны. Наш пожилой попутчик чуть замешкался, пока грузил табурет на свою колесницу да накрепко обвязывал его веревкой для надежности, а справившись с задачей – махнул нам рукой и заковылял в сторону бора. Мы же с Соней пока не сдвинулись с места, так и стояли, что называется, мозги на раскоряку.

– Как я теперь пойду-то? – стонала Соня, опираясь на мой локоть.

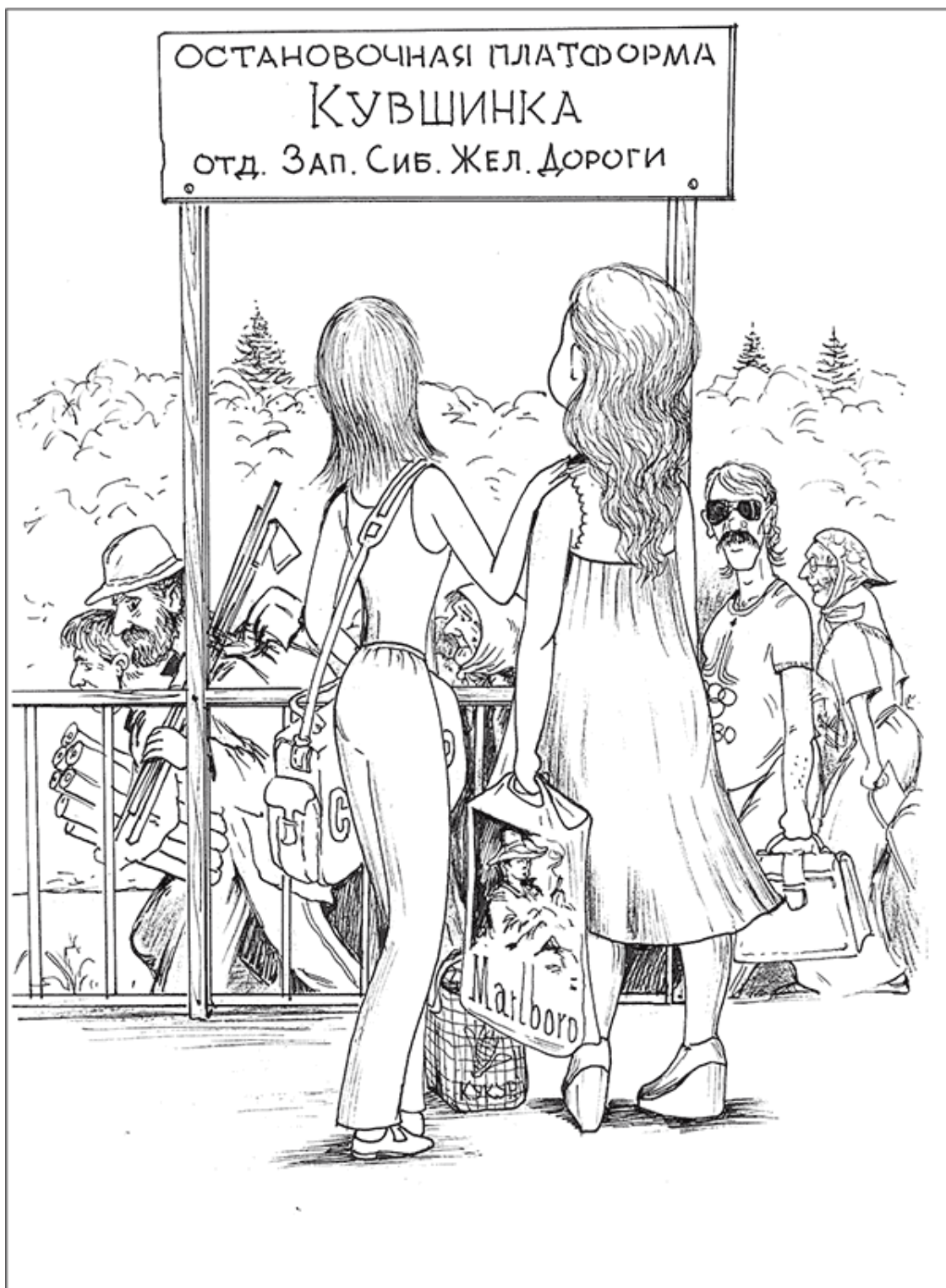
– Ты что, туфли купила на два размера меньше?

– То-то и оно. Я же не виновата, что тридцать седьмого не было. Пришлось брать, какой давали. Думала, на даче потихоньку как-нибудь разношу.

Несчастливая девочка чуть не плакала.

На ее ноги было страшно смотреть. Похоже, жара их доконала. Края туфель врезались в отекающую посиневшую плоть. В районе носка полированным блеском выделялись круглые бугорки – это костяшки поджатых девичьих пальцев выперлись, вспучивая чудесно мягкую эластичную обувную кожу. Просто-напросто им, бедным, некуда было деваться.

– Разувайся. Других вариантов нет, – строго приказала я подруге.

– Ты что?! До дачи еще шлепать и шлепать, – выкатила Сонька глазищи, – и вообще, что обо мне люди скажут? Решат, оборванка какая-то!

Я, недолго думая, сбросила свои удобнейшие тапки без задников, засунула их в боковой карман сумки и беспечно заявила:

– Плевать. Пусть думают, что мы с тобой из «Общества Босоногих».

Мой пример подействовал на расклеившуюся подругу безотказно. Она тут же присела на низенький, крашенный серебрянкой заборчик, который огораживал придорожную клумбу, и, прилагая немало усилий, вздыхая и охая, как старуха, освободилась, наконец, от своих оков на

микророрке. Посидела, зачем-то ощупала подошвы и пятки, словно проверяя, все ли на месте, морщась от боли, пошевелила распухшими пальцами... И, о чудо! Отек стал спадать на глазах.

На краю станции обнаружилась колонка. Очень кстати – пить хотелось давно, с самого города. Вода была с сильным привкусом железа, но зато, как просила душа, ледяной. Мы по очереди жали на рычаг, ловили губами острую струю, пытаюсь справиться с напором, и пили долго и жадно, пока у нас не надулись животы. Потом умыли запыленные лица, визжа от обжигающих кожу ощущений, и утерлись моим носовым платком. Уничтожив следы грязных разводов со лбов и щек, с обновленным настроением и чистыми физиономиями мы отправились дальше.

С непривычки идти босиком по тропке оказалось не так уж приятно, я бы даже сказала – небезобидно. На стекло бы не наступить! Мелкие камешки больно кололи ступни, и я старалась сворачивать на травку при малейшей возможности. Сонька, к моему удивлению, от маршрута не отклонялась, а перла прямо по гравию. При этом моя подруга ни разу ни пикнула и выглядела вполне браво. Я же, поневоле осторожничая, шествовала немного позади, с изумлением поглядывая на ее пухлые изнеженные ступни, которым сейчас, судя по всему, до лампочки были любые неровности и колкости, встречающиеся на пути, и сравнивала их с двумя маленькими упрямыми вездеходами. Как известно, эта техника обладает хорошей проходимостью, а потому ей, как правило, нет никакой надобности выбирать дорогу...

По одну сторону нашего пути тянулся лес. Здесь, конечно, не было тех волшебных деревьев и кустов из бисера, что рисовало мне воображение еще совсем недавно в электричке, но тоже красиво. Меня опять потянуло на сантименты. Умиляло все. И небо, отличное от городского: здесь оно казалось мне на пару тонов синее! И кристально чистый воздух, невольно заставляющий втягивать в себя объем больше, чем в действительности требуется легким. И изобилие луговых цветов, растущих прямо у обочины.

– Сонь, как здесь дышится!

– Да. Почти как в операционной. Знаешь, почему?

– Почему?

– В смоле сосен содержится вещество, которое обладает бактерицидными свойствами. Мне соседка рассказывала. Она же врач.

– Ух, ты! – вдыхала я целебный дух полной грудью, не упуская возможности оздоровиться.

– А вот эти лиловые цветочки, случайно, не знаешь, как называются? Их здесь так много...

– Это Иван-чай. Их тут целые поля.

Меня тотчас потянуло в высокую траву – прикоснуться и понюхать соцветия. Я поставила сумки прямо на землю и ринулась в гущу.

– Его что, можно и в чай заваривать? – невинно спрашивала я, срывая самую пышную верхушку, тревожа сидящих на ней мушек и прикинувшемуся неживой божью коровку.

– Конечно, можно. Ты какая-то дикая у меня.

– Не смейся. Я, можно сказать, на воле в первый раз.

Мне удалось остороженько пересадить милое насекомое на майку. Жучок, именуемый «коровкой» и, по иронии судьбы, причисленный к особям женского рода, крепко зацепился лапками, и получилась миниатюрная яркая брошь, красная в черный горошек. «Что за прелесть эта букашка!» – подумалось мне высокопарным слогом Наташи Ростовской.

По траве идти было терпимо, лишь короткие стебли щекотали чувствительную кожу босых стоп, да изредка мошка покусывала неприкрытые одеждой места, а так – вполне сносно. Из-под ног сигналы какие-то крылатые существа, высоко подпрыгивая и растворяясь в дрожащем от жары воздухе – мареве. Стрекот и шорох катился впереди и, как бесшумно я ни старалась ступать, осторожные насекомые все слышали, все видели, все чувствовали. Потревожен-

ные гигантской двуногой особью, они на всякий случай стихали, но всего лишь на секунду, чтобы затем снова звонко запеть в паре метрах от меня.

– Вот оно где, счастье! В окружающей природе! – провозгласила я вслух, растопырив руки колесом. Мне и вправду хотелось сейчас обнять весь живой мир.

– Нет, здесь я с тобой не соглашусь. Природа, она как бы сама по себе. А мы, человеки разумные, сами по себе, – не поддержала меня Соня.

Она поднесла ладонь ко рту и перешла на шепот, будто хотела сообщить мне большой секрет:

– Счастье, скажу тебе, Полина, это нечто иное.

– Что же это? – спрашивала я, совершенно заинтригованная загадочным видом подруги.

– Счастье – это когда туфли не жмут! – громко выпалила Сонька, и раскаты хохота не замедлили долго ждать.

И еще долго заливистый девчоночий смех оглашал леса, поля и горы, и все вокруг под куполом этого загородного неба, до краев наполненного совершенно ненормальной синевой. Дорога стала шире, гравийка закончилась, теперь по обочинам толстым слоем лежала спасительная пыль – в нее я ступала смело, как в мягкую перину, утопая по самую щиколотку, заворожено глядя, как протекает между пальцами мелкий-мелкий песок, и замечая, как мои ноги равномерно покрываются серебристо-серым налетом, будто на меня натянули тонкие капроновые носки нейтрального дымчатого оттенка.

Продолжая веселиться, мы стали спорить, кто больше испачкался и насколько это фатально. Сонька заявила, что в их деревне вообще все лечебное, даже грязь. Она опять ссылалась на соседку и говорила, что эта самая дорожная пыль, по которой мы сейчас шуруем и которую изрыли своими подошвами, «прямо, как настоящие парнокопытные», мол, и есть самое лучшее антисептическое средство, потому что, потому что...

Мы не заметили, как дотопали до дачи.

– Видишь наш дом? – спросила Соня. – Вон тот, с мансардой.

И указала на строение с ломаной крышей, попутно ознакомив меня с новым словом явно не нашего происхождения. Что такое мезонин, я примерно знала – не зря же читала Чехова. А вот мансарда? Должно быть, это два родственных понятия. Мне сразу приглянулось жилище, в котором предстояло поселиться.

– Симпатичный... – протянула я мечтательно.

Аккуратный двухэтажный домик пытался спрятаться за зеленым забором, но тщетно: не заметить его было просто нельзя! Он бросался в глаза уже с дороги – явно выше соседних за счет надстройки и приподнятого фундамента. Обращали на себя внимание и наружные стены, обшитые безумно дефицитной вагонкой. У моего папы мечта – отделать вот такими дощечками всю лоджию, но пока он наскреб лишь на дверцы. Зато после доработки облупленный встроенный шкафчик сразу приобрел вид приличной мебели.

Если судить по цвету потемневших плашек, дача не такая уж новая, однако на фоне близстоящих домишек смотрится весьма добротной. Вид спереди – так, помнится, в черчении называют изображение на фронтальной плоскости – живо напомнил мне рисунки моей младшей сестры Иры. Мне кажется, дома в альбоме у сестренки множатся со скоростью света и похожи один на другой, как близнецы-братья! Так вот, анфас реального строения тоже являл собой квадрат с двумя прямоугольниками окон. Что касается крыши, здесь геометрия оказалась несколько иной, чем на повторяющихся работах сестры. Треугольник успешно заменен на трапецию. Вдобавок, на втором этаже есть полноценное окно, тогда как на детских каракулях чердачное окошко условно представлено лишь мизерным кружком, и больше напоминает дырку в скворечнике. К торцу всамделишного дома пристроено крылечко с застекленной верандой. Моя пятилетняя сестренка тоже всегда присобачивает неоднородные звенья ступенек к своим домикам именно сбоку. Делает она это лихо, не отрывая карандаша. Хотя, на мой

взгляд, тут как раз не грех бы и постараться, поскольку крыльцо – лицо здания. Парадный вход все-таки.

Отличное дополнение фасаду придают расписные ставни и симметрично подхваченные оранжевые шторы, кроющиеся за контуром оконных переплетов. Пока мне не было видно, чем они там подхвачены, но я почему-то представила шелковые завязки, заканчивающиеся пышными бантами. Я вспомнила: на плоских изображениях сестры присутствуют все те же детали. Только переданы они весьма своеобразно. Ставни растопырены крыльями бабочек, а шторы, по-моему, просто обозначены жирными дугами. И еще есть отличие: в тетради для рисования на каждой странице к треугольной крыше всегда примыкает некая скособоченная конструкция, призванная изображать трубу. Устройство состоит из вытянутого прямоугольника и обязательной спиральки. Завитки черного дыма, старательно выведенные детской рукой, уходят не в небо, а уплывают куда-то в сторону, будто их сдувает сильным ветром. В жизни же пронзающая крышу высокая печная труба стремится вверх, установлена строго вертикально и совсем не дымит...

– Мансарда, это комната на чердаке, да Сонь? – на всякий случай уточнила я.

– Ага. Ты будешь в ней жить! – торжественно объявила подруга и покровительственно успокоила: – Вместе со мной, естественно.

И без всякого перехода спросила:

– Как тебе мои ставни?

– Красиво. А почему твои?

– Здрате! А кто, по-твоему, на них узоры выписывал? Краской весь день дышал? Лично я занималась, – гордо била себя в грудь Соня и добавляла, уже значительно сдержаннее, – по маминому трафарету, разумеется.

– Здорово получилось!

Я подумала, не зря Соня мучилась. Если бы шероховатые створки, окрашенные в цвет забора, оставить как есть, темно-зелеными, было бы, пожалуй, мрачновато. А так, орнамент, хоть и незатейливый, хорошо освежал фасад, придавая облику дома вид расписного терема. Белая глянцевая краска, пропечатанная через трафарет, – правда, при ближайшем рассмотрении кое-где нетерпеливо смазанная, – еще не потеряла своего блеска, из чего я сделала вывод, что обновление произведено недавно.

Мы с шумом ввалились в незапертую калитку. Нас никто не встречал, и только большие лопухи, как стражи у входа, качнули головами: то ли приветствовали, то ли просто невольно шевельнулись от движения воздуха, возникшего вследствие шумного вторжения за ограду нас самих и вороха наших вещей.

– А где твоя мама?

– Спросила тоже. Моя мама может быть где угодно. Тот еще Фигаро. Скорее всего, к соседке упорхнула...

– Может быть, на речке? – предположила я.

Мне казалось таким очевидным: находиться в жару у воды.

– О чем ты, душа моя? Какая, к черту, речка? Некогда им прохладиться. Настоящие дачники должны пахать, как лошади, а не тунеядствовать на берегу.

– Как? Неужели даже купаться не ходят?

– Крайне редко. Ничего. Скоро и ты постигнешь эту кухню, – бодро заверила меня подруга, – вообще, нам с тобой крупно повезло, что мамы нет дома, а то пришлось бы сейчас оправдываться и отвечать на разные каверзные вопросы.

– Какие еще вопросы?

– К примеру, какого лешего мы с тобой шляемся по улицам дачного поселка с грязными ногами?

...Я бы с удовольствием побродила по участку, но Соня сразу потащила меня в дом, правда, на крылечке мы притормозили. Мимолетного взгляда было достаточно, чтобы оценить обстановку во дворе. На ум сразу пришло одно емкое и прочное слово – порядок! Это там, у самой калитки, еще могли себе позволить вольготно жить лопухи, но проникать на территорию им явно было заказано. Огород отделен от зоны отдыха аккуратным бордюрчиком из вкопанных кирпичей. Дорожки, разбегающиеся от крылечка к летней кухне и туалету, посыпаны песком. Сама избушка с удобствами белеет на горизонте, выделяясь на фоне соседского сарая новизной свежеструганных досок: этакий символ состоятельности хозяев.

Про состоятельность я сама додумалась. Личные наблюдения подсказали. Ведь если денег у хозяев нет, им, должно быть, не до эстетики надворных построек. Завалившийся заборишко бы поправить да худую крышу подлатать. Целую лужайку занимает роскошная яблоня, толстый ствол которой до самой кроны аккуратно побелен голубоватой известью. Обычно такими ухоженными бывают деревья лишь после ленинского коммунистического субботника. Бочка под водосточной трубой несколько не портит общего вида. Это не какая-нибудь ржавая бадья, а справная емкость, выкрашенная все в тот же заборный цвет. По кругу весело нашлепан знакомый белый узор. Надо же, оказывается – и обычный садовый инвентарь может выглядеть, как игрушка!

Пока я озиралась, Соня суежилась. Но суежилась целенаправленно. Для омовения наших запыленных ступней она зачерпнула водички из бадьи пластмассовым тазиком и, сняв с веревки ночную рубашку, из которой «вытолстела» лет этак пять назад, расстелила ее на половичок. Надо полагать, детская фланелевая сорочка здесь всегда использовалась в качестве ножного полотенца. Вода мне показалась не просто теплой, а даже горячей.

– Ого! Нагрелась-то как за день! – удивлялась я. – Такая температура и для тела вполне подойдет. Ну, если кому вздумается в бочке принять ванну.

– А что? Я в детстве любила в бочке купаться. И мама не возражала, – говорила Соня, ожидая своей очереди на помывку.

Как гостеприимная хозяйка, она пустила меня вперед. Хотя вода из бочки, как любая застоявшаяся влага, сильно отдавала прелостью, процедура оказалась крайне приятной, и завершать ее скоро совсем не хотелось. Казалось, помаленьку отмокающие подошвы были мне благодарны всеми своими клеточками и порами.

– Чего ты их все намываешь? Сполосни мало-мало, да пошли скорее наверх. Тапки можешь не надевать, у нас чисто. Я, наконец, покажу тебе нашу комнату. Только сразу вещи прихвати, чтобы взад-вперед потом по лестнице не бегать, – подгоняла меня моя нетерпеливая и рациональная подруга.

Ну вот, опять не дала мне толком очухаться. Лишь краем глаза я успела заметить стены, оклеенные обоями в желто-коричневых тонах, и диван, покрытый плюшевым ковриком с оленями. Над диваном в богатой раме висела большая картина Крамского «Неизвестная», которая, на мой взгляд, не совсем вписывалась в простое убранство комнаты.

– Ой, у моей бабушки точно такая же репродукция висит. И как раз над диваном!

– А... Это нам соседка подарила. Тоже мне совпадение! Скажи лучше, у кого она не висит, – несколько не удивилась Соня и стала меня теснить вверх по лестнице, весело пихаясь плечом. – Давайте, граждане, проходите, проходите, не загораживайте прохода.

– Ты почто меня понуждаешь? Я тебе что, домашнее животное?

– Пожалуй, наоборот, коза городская, не поддающаяся одомашниванию.

Дурачась и волоча за собой увесистую поклажу, мы вскарабкались на второй этаж, гордо именуемый мансардой.

– О! Как я об этом мечтала! – воскликнула моя подруга, с размаху шлепнувшись на одну из пышных кроватей.

При этом панцирная сетка под ее тушкой взвизгнула и прогнулась.

– Как у тебя уютно! – искренне восхитилась я, сразу оценив невесомые шторы и нежные колокольчики, рассредоточенные в шахматном порядке по небесному фону обоев.

– Не стесняйся. Падай! – великодушно разрешила мне Соня. – Твое законное место.

И указала мне на зеркальное отражение своего ложа.

– Спасибо. Мне даже как-то неудобно. У вас такие хоромы! Скажи, а зачем тебе две одинаковые койки?

– Мама когда-то намеревалась сделать эту комнату нашей общей спальней, но не случилось. Она к вечеру на даче всегда и так без задних ног. Потому предпочитает сразу свалиться внизу на диване, нежели добивать свой организм глупыми подъемами на верхотуру. Как я ее понимаю! Особенно сейчас.

Я еще не настолько освоилась, чтобы вот так, запросто, со всего маха ухнуть в мягкие перины или нахально развалиться на аккуратно натянутом, без единой морщинки, атласном покрывале. Как-никак – в гостях. Поэтому пока лишь неуверенно присела на краешек постели. Мне, конечно, не терпелось пойти во двор и все хорошенько там исследовать, а потом двинуть дальше за ворота, на речку, в лес. Но Соня убеждала, что сейчас нам необходима передышка. Еще она все время пугала меня предстоящей работой.

– Да лежи ты смиренно, пока есть возможность. Наслаждайся покоем и радуйся жизни. Скоро тебя заставят забыть об отдыхе. Тебе-то уж, как новичку со свежими силами, вливающимся в ряды этих чокнутых, будет сразу и белка, и свисток, – обещала подруга.

Я никак не реагировала на ее шуточные угрозы, поскольку в этот момент увлеклась изучением обстановки. Обычно у девочек моего возраста все стены в вырезках из журналов. В основном, это фотки киноартистов, звезд эстрады или групповые портреты популярных ВИА. Я бы тоже, может быть, не прочь поместить каких-нибудь волосатых «Песняров» на видное место, но мне приходится считаться с сестренкой, ведь у нас с ней одна келья на двоих. Над моим письменным столом, должно быть, неплохо смотрелись бы колоритные белорусские парни с висячими усами, в украшенных народным орнаментом рубахах и белоснежных клепах. Но в Сонькиной светлице никаких кумиров не наблюдалось. Хотя, пожалуйста, отдельная жилплощадь – лепи на стенку, кого хочешь! Здесь же к обоям прищиплены лишь две вещи. Еще с порога мне бросился в глаза знакомый разворот из «Огонька» из серии «Шедевры мирового искусства». Мы тоже выписываем этот журнал. Обычно я разглядываю репродукции, когда болею, и воспаленные глаза не позволяют подолгу читать. Картинка размещена над, теперь уже моей, кроватью. На гладкой лощеной бумаге – «Сикстинская мадонна». Выбор, в общем-то, понятен: и мадонна, и младенец здесь вполне уместны, раз изначально предполагалось, что на этой койке будет спать мать. Предметом, оживляющим дочернюю половину, оказался календарь, аккуратно, я бы даже сказала – с умом прибитый гвоздиком к фанерной стене: темная шляпка гвоздя не смотрелась таким бельмом на светлых обоях, поскольку ее удачно вписали в серый стебелек колокольчика. Календарь был вовсе не пузатый, отрывной, какой обычно имеется в каждой кухне, а в виде фотоальбома с красивыми видами. Июль у авторов печатной продукции ассоциировался с жидкой рожицей из белоствольных березок, стоящих в поле. А еще с кучевыми облаками, похожими на куски сероватой ваты, и порывистым ветром, раскачивающим ярко зеленые верхушки. Интересная картинка... Живая.

Лишь две даты численника были жирно обведены красным карандашом, и под ними твердой рукой сделаны пометки. Напротив пятнадцатого июля стояло – «Пол!», а напротив девятнадцатого – «Свет». Правда, уже без восклицательного знака. Я спросила:

– Сонь, у вас что, вчера пол ремонтировали?

– С чего ты взяла? – вздрогнула, вскинув на меня затуманенные очи, подруга, которая явно уже намеривалась вздремнуть.

– Ну вот же, у тебя в календаре начиркано!

Соня зашлась припадочным смехом, вмиг стряхнув с себя следы временной отключки.

– Ну и утомила! Пол – это ж ты, Полина! Это я тебя, дурынду, ждала. Деньки считала.
– Точно! Ты мне еще в городе на этот счет что-то говорила, – вспомнила я. – Ну а свет?

Что тогда есть свет в твоей тайнописи?

– Вообще-то, это фамилия нашей соседки, сокращенно. Просто напоминание, что у старухи девятнадцатого день рождения.

– А... Так бы и говорила.

– Ты, поди, решила, что к нам в субботу явится монтер и отключит свет за неуплату? – продолжала она потешаться над моими удивительными догадками.

– Ну, мало ли? Может у вас лампочка в туалете перегорела, а вдруг, кто-то в город собирается. Вы взяли, да и пометили, чтобы не забыть заказать, – как могла, отражала я удары.

– Лампочка? – опять хохотала Соня. – Да у нас отродясь и света-то там не было.

Под предлогом того, что мне как раз надо посетить упомянутое место, я тихонько спустилась и направилась по дорожке, подмечая детали, которые как-то сразу не заметила. Мне безумно понравилось, что прямо на лужайке под яблоней размещался обеденный стол. Сейчас, во второй половине дня, он полностью открыт солнцу, а вот утром, вероятно, ветви дают хорошую тень. Замечательная идея – завтракать на улице... До чего уютный уголок сада! По центру, над круглым полем стола покачивался старомодный матерчатый абажур, который настолько выцвел, и его так прополоскали дожди, что теперь уже невозможно определить, какого была когда-то цвета выносливая ткань. Светильник, подвешенный на длинном шнуре, довольно низко располагался над столешницей. Эх, вечером здесь, наверное, с книжкой посидеть – одно удовольствие! В запутавшейся бахrome пауки давно наплели своих кружев. Ну и пусть. С паутинками еще интересней. Я еще раз восхитилась мудрости хозяев. Все по уму: вкус, устроенность, опрятность да еще и романтики хватает!

В дверце дощатого домика – прорезь в виде симпатичного солнышка с треугольными лучами. Теперь мне уже казалось, что Сонькины расписные ставни не самый верх декорирования. Оригинально, а главное – светло, и действительно никаких лампочек не требуется. Только я успела выйти, запереть дверцу, крутанув деревянную вертушку, как во дворе раздался молодой задорный голос:

– Девчонки! Ау!

Ко мне по дорожке направлялась Сониная родительница, и поначалу я даже не узнала ее. На голове – белая в крапинку косынка, завязанная назад по-деревенски, сама в застиранном коротком халатике без рукавов и в резиновых галошах. Ее лицо, обычно отличающееся благородной бледностью, сейчас раскраснелось, и над верхней губой выступили капельки пота.

– Здравствуйте, Людмила Ивановна, – поздоровалась я, слегка смущаясь от того, что встречаю хозяйку не на крыльце, не в доме, а выплываю откуда-то с заднего двора.

– Здравствуй, Поленька. Что это ты ко мне с таким официозом? Мне казалось, я всегда для тебя была тетей Люсей? – просто сказала она без всякой обиды в голосе.

– Ой, извините, тетя Люсь, – поправилась я.

И в самом деле, чего это мне вздумалось называть ее по имени-отчеству? Наверное, от неожиданности и от моего нового статуса званой гостьи.

– Прибыли, значит? А я к соседке ходила. Помогла ей лук полоть. Сама-то внаклонку уж совсем не может.

– Мы не так давно приехали. Только ноги успели помыть. А Соня там, в доме прилегла. Устала очень с дороги, – докладывала я обстановку, почему-то слегка оправдываясь.

– Понятно. В общем-то, я в своей дочери никогда не сомневалась. Лежебока, – с теплотой в голосе и почти с гордостью характеризовала она свое чадо. – Ну, что ж? Вдвоем с тобой будем чаевничать. Идем на кухню.

Сонька проспала до самой темноты. Намучилась девчонка. Я не сдавала своей подруги. Тетя Люся сама обо всем догадалась, увидев на веранде новую, однако уже заметно деформированную обувь с двумя выпуклыми холмиками – сохранившимися следами от костяшек больших пальцев.

– Да уж, Соня моя никак на Золушку не тянет. Лапа вымахала уже больше, чем у меня. Ну, что теперь с этими хрустальными башмачками прикажете делать? – непонятно к кому обращалась Людмила Ивановна.

Она рассеянно повертела в руках миниатюрные туфельки и аккуратно поставила на место.

– Разносит, – заверила я ее.

– Да уж, тут сомневаться не приходится. Девочка у меня упертая, как баран.

– Скорее, как баронесса, – хитро улыбнулась я.

Женщина тут же вернула мне улыбку в ответ. Мы абсолютно поняли друг друга.

Остаток дня пролетел быстро, не успела я глазом моргнуть: только что был чай на летней кухне, восторги тети Люси по поводу того, как это славно, что меня отпустили к ним в гости на целую неделю, расспросы, как мы добирались, да как там вообще жизнь в городе... И вот уже краешек солнца коснулся конька крыши дома – на дачи незаметно спустился вечер.

Мать пожалела свою несчастную дочь, и велела ее не будить, если та сама не соизволит подняться.

– Пусть спит, чего уж теперь. А ты-то, Полина, как, свежая? Жара вроде на убыль пошла. А-а, ну так мы с тобой сейчас тут пошуршим по хозяйству... пока светло еще!

Я была совсем не против «пошуршать», и охотно включилась в работу, проникшись святой целью моей работодательницы – «управиться по хозяйству» до наступления темноты. Эти вечерние часы оказались для меня исключительно насыщенными. За время, пока красный глаз закатного солнца медленно проваливался за горизонт, и небо постепенно гасло, как гаснет свет в театре перед началом следующего акта, мне довелось узнать, что значит поливать огород, прореживать морковь и как правильно окучивать картошку. За спиной имелся лишь скромный опыт, связанный с сельхозработами. От школы нас гоняли на уборку в колхоз, но такого трепетного отношения и индивидуального подхода к каждому кустику, как в частном хозяйстве Людмилы Ивановны, разумеется, там не наблюдалось. Системы в поле не было никакой. Некоторые ряды, не охваченные ни техникой, ни людьми, так и оставались стоять нетронутыми. Часть клубней, извлеченных комбайном, просто втапывалась в рыхлую почву и исчезала под ногами безалаберных учащих. В результате, добрая половина картофеля оставалась в земле. Поэтому в подшефном колхозе мне больше всего нравился обеденный перерыв. Здесь, по крайней мере, все было организовано и понятно.

...Кажется, по результатам первого дня тетя Люся осталась мною довольна. Как я убедилась чуть позже: приглашая меня в гости, хозяева действительно преследовали корыстную цель. Впрочем, Сонька неоднократно намекала на меркантильный подход своей матушки к моему прибытию и на некий прилив свежих сил в моем лице, поэтому все было честно. Теперь мне стало окончательно ясно, в чем дело: оказывается, этим летом случился небывалый урожай клубники. Кстати, в наших краях эта садовая культура отчего-то зовется «Викторией». Соньке сборы невиданного урожая уже порядком надоели, и тут явилась я. На новенького. Мне даже выдали рабочую одежду в виде черных спортивных трусов и старой майки мышинного цвета с дыркой на пузе. По ветхости и размеру, похоже, эти вещи были бывшими «тетилюсиними». Подруга подтвердила мои догадки относительно принадлежности и заявила, что штаны вовсе не спортивные, а самые, что ни на есть, пионерские. Хорошо, что в сатиновый парус была продета завязка, и трусы можно было затянуть на талии как угодно туго, иначе я бы просто из них выпала.

Ну и штаны... Кроме всех «достоинств», они пузырились по бокам! Моя униформа всех изрядно повеселила. Соня сказала, что в ней я похожа на тощего замордованного пажа в пышных панталонах из эпохи мрачного средневековья. Ее наряд тоже не блистал особой красотой. На ней был поношенный желто-коричневый сарафан с одной только ляжкой. Вторая лопнула и так и болталась неприкаянно на спине жалкой тряпочкой. Пришить ее, видно, было некому и некогда. Зато ткань была интересная. Соня назвала ее не совсем прилично – «леопёрдовой», а ляжку окрестила «помочью». Мы опять хохотали. В общем, пока мне все было в радость.

Когда мы на следующее утро, облачившись в спецодежду и получив краткий инструктаж, приступили к своим обязанностям, я с удовольствием ползала по грядкам. Согласно рекомендациям, сначала надо было выдрать все инородные травинки, а уж потом, с прополотых ухоженных кустиков, собирать урожай. Отдохнувший на хозяйских перинах организм долго не замечал ни жары, ни усталости. Интерес к работе подогревался тем, что ягоду можно было есть в неограниченных количествах. Из руководства к действию я усекла главное: чем больше «Виктории» мы с Соней слопаем, тем меньше впоследствии нам же ее придется обрабатывать. И я старалось на совесть. Поедание ягоды поначалу казалось мне самой приятной работой на свете. Ах, какая была клубника! Сочная мякоть с красными кристалликами то ли сахара, то ли арбуза, таяла во рту, пачкала пальцы ароматным липким соком, и каждая последующая ягода была, безусловно, вкусней, чем предыдущая. Странно, но почему-то некоторые плоды, самые крупные и крепкие, оставались приятно холодными даже в жару. Видно, приспособились искусно прятаться в тени своих же листиков. Дело спорилось. Виктория затягивала. Живот пух. Я ела, ела, и никак не могла остановиться, до того притягательна на глаз и сладостна на вкус была эта самая клубника!

А что же моя подруга? Сонька откровенно сачковала. То есть, есть-то она ела, хотя не далее как вчера, делясь со мной своими вкусовыми пристрастиями, безапелляционно заявила, что ненавидит клубнику... обожает малину и крыжовник, на худой конец, ест смородину, но только не клубнику! Про вишню она тоже что-то плела. Ну какая вишня в наших широтах? Все больше дичка. Мелкая, как горох, да и сладости в ней, на мой взгляд, маловато. Вот и мама моя жаловалась, что сахару на вишневое варенье всегда уходит целая прорва.

Время от времени я теряла напарницу из виду. Соня, в своем пятнистом камуфляжном сарафане, пряталась в тени малины. Однако ее нежное тело там долго не выдерживало. Его царапали колючие шипы и жрали комары, поэтому девчонка, ворча и стелая, опять вынуждена была выползть на свет. Что касается сбора урожая, то результаты моей подруги были плачевны. Она не набрала и десятой доли того количества ягод, которое набралось у меня. Моя же корзинка уже была с верхом. Иногда я с умилением кидала взгляд на плоды своего труда, вернее сказать, просто на плоды, аккуратно уложенные горкой, и любовалась живым натюрмортом, который про себя назвала поэтично: «Свежесобранная клубника в плетеной корзинке». Мои движения становились все проворней. Пальцы отправляли ягодки поочередно в рот, в корзинку, в рот, в корзинку. Попутно я размышляла: «Виктория – значит победа. Выходит, клубника – ягода лучшая из лучших, победительница по всем статьям? Не случайно же ее так назвали. Вон, и в «Здоровье» писали, что по наличию витамина «С» она превосходит даже лимон. Я сама читала. И хоть сначала не поверила очередному кандидату медицинских наук, но сенсационная новость в памяти отложилась. И вот опять всплыла, и сейчас я почему-то в это верю. Мне кажется, по вкусу и аромату с клубникой может потягаться, разве что, малина. Зато по красоте ей точно нет равных. Это же само совершенство! Нет, не права Соня. Как вообще можно сравнивать клубнику с колючим толстокожим крыжовником?

Казалось, что не будет конца нашему обжорству и ягодным плантациям, а со стороны Сони – наглому отлыниванию от работы, как мы услышали спасительно призывный голос тети Люси:

– Девчонки, руки мыть, чай пить!

Нас не надо было звать дважды. С воплями радости мы живо побросали дела на грядках, задвинули свои короба в теник под кусток и понеслись на клич. Под рукомойником по очереди намыливали руки земляничным мылом и подставляли их под хлипкую струю, которая извлекалась, только если дзинькаешь носиком или за него подергаешь. Мы отталкивали друг друга, брызгались и смеялись. Потом Соня, кривя губки и морща носик, заявила, что просто не терпит липкости клубничного месива на своих руках, ей от этого, видите ли, делается дурно, поэтому я должна срочно уступить ей место у умывальника. Пришлось подвинуться: хозяйка все-таки, хоть и молодая. Интересно, вот дома обычно лишь вскроешь упаковку – благоуханье от гладкого розового брусочка такое, что сразу возникают яркие образы: бугорок на опушке, где в траве притаилась одна крупная земляничка, лесная полянка с рубиновыми каплями или солнечная просека, вся усыпанная красным. Сейчас мне, видимо, уже избалованной натуральными ароматами, химическая отдушка лишь отдаленно напомнила запах настоящей ягоды, показавшись чересчур горькой и даже чуждой. Может, мыло просто выветрилось? Я спросила у Сони, нет ли у нее ощущения, что в мыле не хватает аромата. Мой вопрос почему-то задел ее до глубины души. Она ответила, что я, наверное, сошла с ума. Что мы и так насквозь пропитались ягодным духом до одури. Подруга с осуждением качала головой и не понимала, какого рожна мне еще надо... И она оказалась права: по завершению всей этой землянично-мыльной церемонии мои скользкие ладошки стали скрипучими и душистыми до умопомрачения. Забрызганные по уши, возбужденные и запыхавшиеся от возни с водой, мы поспешили к столу. Очутившись под яблоней, без раздумий плюхнулись на свободные стулья, отчего разошедшиеся и расшатанные сиденья пожаловались на нас резким скрипом. Сам стол, оказывается, тоже находился далеко не в идеальном состоянии: он хромал на одну ногу. Чтобы мебель не качалась, под ножку были предусмотрительно подсунуты совершенно замечательные плоские камни, которые так здорово запускать по глади реки. Эти бы точно у меня подпрыгнули разок-другой. Ну просто обожаю пускать «блинчики»!

Обширная столешница была покрыта потертой клетчатой клеенкой с ромашками. Некогда желтые серединки переродились и стали по цвету наравне с белыми лепестками. Либо выгорели на солнце, либо краску смыло дождями. Все мимолетно подмеченные мною детали, вроде бы, незначительные, но именно из них складывался легкий дачный настрой за столом. Я сбросила шлепанцы и с наслаждением вытянула затекшие от сидения на корточках и стояния на карачках ноги. Мурашки разбежались по коже, и мне тут же невыносимо захотелось почесать под коленкой, но я утерпела. На то была веская причина, которая просто обязывала вести себя благопристойно. Ведь за столом кроме нас и хозяйки находилась еще одна дама! Причем, из нас четверых понятие «дама» в большей степени подошло бы именно ей. Язык не поворачивается назвать ее старухой, хотя гостье, наверное, было лет восемьдесят, а может быть – и все восемьдесят пять. Присутствие такой почтенной особы слегка остудило наш темперамент. Мы запоздало поздоровались. Хотя, кажется, нам с Соней было бы уместнее присесть в книксене, до того располагала обстановка за столом. Во-первых, наличие посторонней, которая на вид была интеллигентна, мила и опрятно одета. В отличие от нас, девиц со спутанными волосами, грязными коленками и влажной от пота рабочей одежде. Мне кажется, в пунктах сбора утильсырья можно встретить вещи попримичней, чем сейчас на мне надеты. Хорошо, хоть Людмила Ивановна, наконец, сняла свой бабский крапчатый платок. Однако теперь ее наружность сильно подпортили толстые мужские носки с заплатками на пятках. Даже не сами чулочно-носочные изделия, а в большей степени вытянутые, как кишка, штанины трико, буграми запроваленные в эти самые носки. По-другому было нельзя: тетя Люся все утро ковырялась в смородине у забора. А там комаров!

Прямая осанка и гордая посадка головы гостьи сразу напомнили мне все ту же, так любимую нашим гражданам, «Незнакомку». Только, конечно, в очень зрелом возрасте. Я где-

то читала, что женский образ на портрете Крамского – воплощение аристократизма и светскости. Именно всем этим и веяло от старухи.

Во-вторых, на столе, помимо самовара, обычных чашек, глубокой керамической миски, наполненной отборной клубникой, кроме корзинки с сушками да пряниками, стояла антикварная, очень изящная, вазочка с вареньем. Серебряный ангел служил либо ножкой, либо подставкой, поддерживая над своей головой небольшую чашу из благородного хрусталя. Еще из инородных тел на клеенке мною были замечены блестящее ситечко для чая и небольшие щипчики, чтобы колоть сахар. Вещицы старинные, с тонким рисунком, кажется – тоже из серебра, были явно из той же оперы, что и изысканная вареница. От содержимого в чаше исходил такой умопомрачительный и царственный аромат, что даже обычные сушки, которые попали в ореол этого запаха, показались мне деликатесами.

Дело в том, что варенье было сварено из лепестков настоящих садовых роз.

Между тем, не выказав и капли раздражения на нашу невежливость, гостя заговорила удивительно приятным грудным голосом, который еще добавил шарма моей героине:

– Знаешь, Люся, я тебе так скажу. Уж если со вкусом чай пить, правильно, с чувством, с толком, с расстановкой, то не мешало бы и скатерть постелить. Девушки должны понимать разницу. Когда стол покрыт белой скатертью, и вкус чая совершенно иной, и разговоры более содержательные. Это тебе не на убогой клеенке чаевничать.

– Ах, ну что вы такое говорите, – дружелюбно, нисколько не обидевшись за упрек в адрес скромной сервировки стола, отвечала ей хозяйка, – какие скатерти? Я иногда посуду-то мыть не успеваю, с этой ягодой, будь она неладна. Просто стихия какая-то нынче! Если хотя бы посуда была приличная. Вы же знаете нашу дачную систему. Живем все тут по остаточному принципу. Весь хлам из дома – сюда. Стол – и тот колченогий. Так что не до фамильного серебра. Мы уж так, по-прóстому.

Намеренно ставя неверно ударение, видно, чтобы дополнить образ заработавшейся крестьянки из русской деревни, с хитрецей говорила крепкая загорелая бабенка: будто примеривала на себя некрасовский образ. А я вдруг подумала: «Что там кони да избы? Сады, вот где чудо! Ведь цветут! Только благодаря тому, что к ним приложили руку женщины дачных селений, такие же мудрые и хозяйственные, как наша тетя Люся». Лично меня все в ее усадьбе приводило в восторг.

– Нет, Люсенька, ты не совсем права, – мягко продолжала старушка, – плевать, строго говоря, на саму посуду. А скатерть должна быть! Воспитание, оно ведь в том и заключается... Ведь если ребенок растет в красоте и гармонии, то он и человеком красивым станет.

Я попыталась в душе возмутиться, несмотря на зарождающуюся симпатию к выступавшей особе. Во-первых, кто это здесь ребенок, еще надо разобраться. Во-вторых, меня, например, вполне устраивает простенькая клеенка, которая только привносит прелести в дачный колорит. И наконец, в-третьих, мы с Сонькой и так уже красивые без всякого воспитания. Я посмотрела на Соню, ожидая в ее взгляде поддержки, но не нашла. Мало того, моя единокоренная подруга с таким благоговением взирала на самозваную гувернантку! Да еще в знак согласия кивала головой, как китайский болванчик, будто это к ней сейчас обращались и учили уму-разуму. Зная противоречивый нрав Сони, я подумала: «Однако! Авторитет у старухи!». И стала с еще большим любопытством присматриваться к гостье.

Одета она была странно, я бы даже сказала – экстравагантно, но при этом – без неряшливости или безвкусыя. На ней была чистая льняная сорочка молочного оттенка, отделанная на груди и рукавах мережкой тонкой ручной работы. Какая изысканная работа иголкой! Я точно определила тип шитья со знанием дела, потому как на уроке домоводства мне лично довелось помучиться с иголкой, когда мы проходили тему «вышивка и мережка». Тогда из простных дырочек, проковырянных загодя на холщевом лоскуте, мне надлежало создать подобную

неземную красоту. Получилось довольно коряво, но добрая учительница рукоделия пожалела меня и похвалила мое рожденное в муках творенье.

Вдруг сквозь нежнейшую кружевную мережку, оторачивающую вырез рубахи и маскирующую морщинистую и темную от загара шею, что-то блеснуло. Похоже на нательный крестик. Вроде бы кресты у нас носят лишь люди глубоко верующие. Уж не знаю, насколько старуха была религиозна, но возрастные ограничения, судя по всему, были ей по барабану, поскольку она облачилась в короткие шорты. Шитые из простого ситца, они были вовсе не похожи на скучный темный низ от якобы пионерской формы, что сейчас болтался на мне. По бокам пикантные разрезики, а ситцевая материя с премилым рисунком: на зеленом фоне мельчайшие желтенькие цветочки, похожие на лютики. В народе они еще носят прозвище «куриная слепота». Наверное, старуха сама выбирала веселую ткань. «Возможно, она всегда кроит и шьет себе все, что ей вздумается, не прибегая к услугам портних», – предположила я. Завершала колоритный образ широкополая шляпа из золотистой соломки, украшенная крупной лиловой лилией. Головной убор был уже изрядно поношен, и даже местами дырчат, но все еще находился в рабочем состоянии и очень шел хозяйке. Мне подумалось: «Жаль, бубенцов на шляпке не хватает, как у Стеллы, доброй феи Розовой страны из сказки о волшебнике Изумрудного города».

Я сначала немножко стеснялась и разглядывала гостью исподтишка, все никак не осмеливаясь прямо заглянуть ей в лицо. А заглянув, очень удивилась. Глаза гостью не выгорели и не потухли с возрастом. Я уже знала, что так иногда бывает: у нас, например, в доме жил сосед, Петр Константинович, который вел на редкость здоровый образ жизни и находился в прекрасной физической форме. Никто не называл его дедом, хотя он уже вырастил четверых внуков. Так вот – возраст «молодца» выдавал лишь взгляд. Блеклый и невыразительный, он будто не отражал вкуса к жизни. Время изменило колер глаз Константиныча. Когда-то они, вероятно, были насыщены небесной синевой, а теперь стали мутными, и мне все время казалось, что их сильно разбавили гашеной известью. Моя мама объяснила, что это такая особенность именно светлых глаз. Они как бы выцветают от времени. Я, конечно, забеспокоилась, что у меня недостаточно темная радужка, и ее ждет та же участь. Тогда мама засмеялась и сказала, что мне рановато об этом думать и, шутя, пропела куплет из известного романа, заменив очи черные на очи юные.

Парадоксально, но как раз о взгляде очень пожилой женщины, излучающем живой поток энергии, озорное любопытство и нескончаемое жизнелюбие можно было сказать: «У нее очень юный взгляд!» Цвет ее глаз был не расплывчатым, а концентрированным и очень редким, фиолетово-синим. Да к тому же, старуха удачно подчеркнула его, надев шляпу с лиловым цветком. Что глаза – зеркало души, я слышала сто раз, но с этим утверждением мне всегда хотелось поспорить. А как же незрячие? В чем тогда у них должна отражаться душа? Но сейчас мне показалось, что я вижу, чем живет человек, сидящий передо мной. Совершенно точно, душа у моей героини по-детски чистая и открытая, как ее распахнутый взгляд. А думы, судя по необыкновенному оттенку глаз, нестандартные, глубокие, и расцвечены разными красочными мечтами и фантазиями.

После неприлично долгого созерцания незнакомки, я потупила глаза в пол и просто обомлела. В довершении ко всем чудачествам, наша гостья присутствовала на завтраке босой. Мой взгляд уперся в изящную щиколотку. Надо же, что глаза – что ноги. Как у молодухи! Никаких вздутых жил, или выпирающих косточек, или закаменелых скрюченных пальцев. Моя бабушка помоложе будет, но мне всегда больно видеть ее воспаленные синие вены, отекающие лодыжки и распухшие колени, разбитые артритом. Может, гостья – прекрасная сказочная фея, искусно маскирующаяся под старуху? Тогда все встает на свои места. Я даже поперхнулась от собственного наивного объяснения некоторых странностей, подмеченных мною в незнакомке – тем не менее, предположение это казалось мне сейчас самым логичным.

В этот момент, как будто в продолжение моих мыслей, тетя Люся, отведав диковинного варенья, впервые обратилась к госте по имени-отчеству, и я чуть не свалилась со стула.

– Потрясающе вкусно, Генриетта Мирославовна. Скажите, как вы это делаете, уважаемая?

Вот так имя! Да она и вправду – фея! Если бы имя принадлежало какой-либо типичной старушке из тех, которые обычно коротают время с семечками на скамейке у подъезда, то, скорее всего, оно не вызвало бы у меня такой бурной реакции. Но в сочетании с незаурядной

внешностью, завораживающим голосом, утонченным вкусом и благородными манерами – ее имя показалось мне действительно волшебным. И это я еще не знала фамилии...

Меж тем праздник обоняния и вкуса, а в большей степени – праздник души, продолжался.

– Так вот, Люсенька, для варенья я выращиваю специальную розу. Помнишь рядом с моей сапфировой гортензией неброский «чайный» куст? Ну, вспомни, вспомни, второго дня я аккуратно под ним еще грабельки оставила, думала – с концами, а ты нашла мою потерю... Действительно, цветы на нем не слишком впечатляют. Ты знаешь, у меня ведь есть и более богатые сорта, зато у этого цветка ярко выраженный сладкий аромат. Я ведь не просто увлеклась экзотикой. Варенье из роз – отличное лечебное средство. Например, оно прекрасно лечит ангину. Да, представь себе! Пару ложек на ночь, и наутро боль в горле как рукой снимет.

Мы с Соней тоже стали пробовать диковинное варенье. Причем делать это нужно было непременно серебряными ложечками, которые Генриетта прихватила с собой из дома. Они были с благородной чернилкой в выдавленных на ручке затейливых завитках, совсем миниатюрными и легкими, наверное – из настоящего кофейного набора, где и чашечки-то чуть больше наперстка.

Я кое-что вспомнила, извинилась и сорвалась в дом. Вслед донесся приглушенный голос феи:

– Тонкая, как скрипочка.

Сообразив, что комплимент относится ко мне, я с некоторой досадой подумала: «Да уж, скрипочка в эдаком балахоне!» и подпернула свои опостылевшие, без конца сползающие ниже пояса шаровары по колено.

На второй этаж мне надо было по делу. Вчера, перед сном, когда я стала разбирать свои вещи, лишь только расстегнула тугую молнию, как мой нос учуял запах кофе. В суматохе сборов я даже не заметила, когда мама успела засунуть мне баночку растворимого напитка с собой. «Пусть хоть кофе заберет, не с пустыми же руками ребенку в гости ехать», – полагаю, что именно так должна была звучать мамина фраза, сопровождающая момент отправки ценного продукта в дорогу.

– Это мой скромный вклад в нашу чайную церемонию, – торжественно объявила я, невольно копируя интонацию новой знакомой, и водрузила коричневую жестянку на стол.

– О, точно! Ты еще палочки покупала, – напомнила Соня, – давай-ка, тащи их сюда быстро.

– Спасибо, Полина, за кофе. Будем им теперь на завтрак баловаться, – не обращая внимания на слишком вольное поведение своей дочери, поблагодарила меня хозяйка. – А палочки сами грызите. Мы как-нибудь обойдемся. Правда, Генриетта Мирославовна?

– Безусловно. Это лакомство для детей, но не для старух, – ответила Генриетта и расплылась в радужной улыбке, – вы вареньицем-то моим угощайтесь, девочки. Не стесняйтесь.

Все наслаждались десертом и никак не могли определиться – чего, все-таки, в нем больше: вкуса или аромата. Старушка искренне радовалась, что доставила нам удовольствие, и расцветала на глазах от наших похвал, как те самые розы, из которых, собственно, она и сотворила свое чудо-варенье.

Мы пытались понять, на что же это похоже, и даже немножко заспорили. Я предположила, что варенье напоминает по вкусу и своей консистенции янтарный цветочный мед, только в тысячу раз душистее. Соня категорично отвергла мою версию, поскольку страдала аллергией на данный продукт. Впрочем, ее патология была не врожденной, а приобретенной. Это умное слово я почерпнула из урока биологии. На нем мы проходили признаки, которые приобретаются особями в процессе эволюции. Вот и с нашей Соней на одном из этапов ее развития приключилось следующее: однажды она, не зная меры, сильно объелась меду, отчего пошла пятнами, опухла и чуть не задохнулась от отека гортани. С тех пор ни разу его не пробовала.

Будучи ужасной сладкоежкой, сейчас она выкатила кучу самых неожиданных вариантов, один другого слаще, демонстрируя свою слабость к конкретным кондитерским изделиям. Лакомство сравнивалось то с фруктово-ягодными вафлями, то с ванильным мороженым, то с мармеладными лимонными дольками, то с воздушным зефиром. Были упомянуты даже сдобные булочки с корицей и изюмом, на мой взгляд – совершенно не в тему. Точку в нашем споре и в дегустации поставила тетя Люся. Она обеспокоенно спросила: «Девчонки, послушайте-ка, у вас золотухи от сладкого не будет?» – видимо, памятуя о недавнем конфликте организма своей дочери с продуктами пчеловодства, и отодвинула вазочку от греха подальше. В заключение Людмила Ивановна заявила, что волшебный вкус варенья не сравним ни с чем, поскольку приготовлен из лучших в мире роз, которые произрастают исключительно на участке Генриетты Мирославовны, известной на всю округу специалистки по розам. Все единогласно ее поддерживали, в том числе и сама цветочница.

...Дальше полилась неспешная беседа двух озабоченных и увлеченных делом людей и обмен садово-огородными хитростями. Диалог перемежался бесконечными названиями, которые лично мне были незнакомы. И все-таки я прислушивалась и честно пыталась понять, о чем идет речь. Например, сначала обсуждали поведение некой плодоярки. Мне виделась в этом образе небольшая птичка, типа канарейки, только намного упитаннее. Пернатое существо нагло расселось на яблоне и пожирало огромные красные плоды со страшной силой. Еще тетя Люся признавалась, как она устала бороться с одуванчиками. Генриетта давала советы, как навсегда избавиться от неприхотливого и назойливого растения. Я ничего не понимала. Зачем бороться с одуванчиками? Красиво же. Потом мичуринцы долго обсуждали какой-то портулак: взошел – не взошел, поднялся – не поднялся, прошлым летом – этим летом. Что это за зверь и с чем его едят, мне было совершенно неведомо. Я почему-то представила себе огромный сизый кабачок размером с полгрядки, и тихонько спросила у Сони: «Это овощ такой, да?». Она же, хихикая, шепнула мне в ухо: «Темнота! Это цветочки такие». После этого я поняла, что напряженная работа мозга, когда ни черта не смыслишь в предмете, абсолютно бесполезна, и перестала вникать в разговор профессионалов. В конце концов, зачем я сюда ехала? Наслаждаться жизнью, или как?

И я решительно добавила себе в розетку еще немного варенья.

Глава 4. Сказки старой феи

При всем уважении к взрослым, их долгие разговоры о так и не взошедшем портулаке, о новом сорте редиса, что весь пошел в ботву, хотя на упаковке имелся знак качества – «шлепают, куда ни лень, паразиты», об огуречной листве, – она вдруг, ни с того ни с сего, начала желтеть, о тле, объявившейся на смородине не далее как сегодня утром, и о прочих специфических вещах нас мало интересовали... Вскоре мы с Соней обе уже подумывали, как бы так покинуть застолье, не обидев никого из присутствующих, и даже пытались легонько пинать друг друга под столом. Но тут затянувшийся разговор двух соседок вдруг неожиданно перешел в другое русло. Участливая Генриетта Мирославовна наконец заметила скуку на наших лицах и мягко прервала свою собеседницу:

– Люсенька, мне кажется, мы несколько утомили девушек.

И обратилась к нам с этаким невинным вопросом:

– А что, милые создания, кавалеры у вас уже имеются?

И, почему-то, остановила свой внимательный взгляд на мне. Не сказать, чтобы ее вопрос уж очень смутил меня. Скорее развеселил. Как ответить ей, даме из прошлого века? Я тут же представила себя воздушной особой в такой же шляпе, что и у самой вопрошавшей, только нежнее, молочного оттенка, и с полупрозрачной вуалькой. На мне белое гипюровое платье; рука, облеченная в белоснежную перчатку, держит кружевной зонтик. Я прогуливаюсь под ручку с кавалером, который своим пенсне напоминает Антона Павловича Чехова. У героя моей фантазии, кроме смешной козлиной бородки, еще и лихо подкрученные пloyкой спиралевидные усы. Почему-то слово «кавалер» вызывает у меня стойкое веселье и ассоциируется с тем временем, когда повсюду были цирюльни, лавки пестрели вывесками через букву «ять», а у всех мужчин под носом непременно росли усы. Я засмеялась и уверенно ответила:

– Нет уж. Мне и без них хорошо!

Соня, в знак полной солидарности со мной, активно мотала головой, категорически отвергая нашу нынешнюю потребность во всякого рода кавалерах.

– А как же свидания, признания, комплименты, букеты и прочие знаки внимания, которые обязаны получать барышни в вашем возрасте?

И мадам поведала нам, как она впервые испытала настоящее чувство, будучи в столь же юном возрасте, в коем сейчас находимся мы с Соней. Рассказывала она очень занятно, красочно и возбужденно, подробно описывая детали зарождения и раскручивания своего бурного романа. У меня даже возникло подозрение, что старушка местами присочиняет, до того досконально она помнила тонкости, и слишком уж безупречна была ее история. Неужели по прошествии стольких лет не стираются из памяти даже такие мелочи, как состав цветов в букете, преподнесенном возлюбленным, или модель туфелек и окрас фильдеперсовых чулок на ножках возлюбленной? Разве может быть так свежо любовное томление от первого поцелуя, будто это случилось вчера? Какие страсти, какие красивые отношения! Роман, который продолжался всю долгую жизнь... Неужели такое возможно?

Я уже давно заприметила, что тетя Люся ерзает на своем стуле, а в лице ее застыло напряжение. Уважаемая гостя как раз в это самое время с увлечением расписывала своего незабвенного супруга. Разумеется, она его боготворила: ее благоверный был далеко не красавец, но обладал редкой мужской привлекательностью. По этому поводу Генриетта прочла нам небольшую лекцию, в основу которой был положен общеизвестный постулат о том, что мужчина должен быть чуть красивее обезьяны... Оказывается, совсем не обязательно представителям противоположного пола иметь лицо с обложки, главное – чтобы харизма была. «Это такой особый позитивный свет, исходящий от человека. Не каждый им наделен! Люди, обладающие этим даром, невольно притягивают и даже подчиняют себе других. Женщины с ума сходят по муж-

чинам с харизмой», – напевный голос рассказчицы плыл над нашими головами, ненавязчиво и в доступной форме донося до нашего сознания суть сложного понятия.

В результате, мы приобрели некоторые начальные знания по теме «Что такое мужская привлекательность». Главное мы с Соней уяснили: избранник должен вызывать волнение и трепет. Из-за чертовской привлекательности партнера и этой самой туманной харизмы по коже юной мамзели постоянно должны бегать мурашки, ей надлежит периодически терять дар речи и падать в обморок от обожания. Мужчинам нужно поддакивать и внимательно их слушать. Они это любят. И еще, подлинного нашего внимания могут быть удостоены лишь сильные и благородные натуры. Генриетта определила их как рыцарей по жизни.

– И вот что немаловажно, – старуха еще добавила огня в свою пламенную речь, – в постели мужчина должен проявлять себя как темпераментный и нежный любовник.

Именно таким идеалом был ее ненаглядный Генрих Осипович. Все повествование соседки до определенного момента, безусловно, звучало вполне себе благопристойно, но вот роковое слово «постель», которое она вернула совсем не случайно, для некоторых присутствующих прозвучало как набатный колокол, и даже внесло кратковременный сбой в атмосферу чинного застолья. Тетя Люся в панике выронила серебряную ложечку с вязью прямо на траву и даже за ней не нагнулась...

– Генриетта Мирославовна, дорогая моя! Помилуйте. Какие мужчины? О чем вы? – испуганно вскричала она, резко обрывая чувственный монолог собеседницы, и постаралась поскорей уйти от тревожной темы, отчаянно замахав руками. – Нет. Нет. И нет! Рано им еще про постели и любовников слушать! Скажете тоже, любовь...

– А всегда все про любовь, Люсенька. Все про любовь! Все в этом мире – любовь, – категорически не соглашалась старуха, не стесняясь многократно повторить заветное слово вслух.

При каждом его произнесении у нашей гостьи ярко вспыхивали глаза. Что уж говорить о нас?! Соня застыла с полуоткрытым ртом, лихорадочно сжимая в руке ложку, полную варенья, а я в волнении даже прищемила себе кожу на большом пальце «сахарными» щипчиками, которые давно вертела в руках, бессознательно давя и шелкая ими впусую.

– Ну, не знаю... – растерянно протянула тетя Люся. – Дети они еще. Вчера только в куклы играли... и вдруг сорвалась: – Соня! У тебя же варенье на стол льется. Ну, что ты за человек!!!

Впрочем, ее внезапное раздражение на дочь быстро сменилось привычной сдержанностью, и она примирительно обратилась ко всем присутствующим, включая и Генриетту: «Ладно, девочки. Почесали языками и будет. По-моему, на сегодня достаточно разговоров на амурные темы. Давайте пейте чай, а то остынет».

«Как всегда, на самом интересном месте! Ну что ж это такое? – обиженно подумала я про себя. – Похоже, мамы все одинаковые. Не желают они, чтобы их дочери выросли, и точка! По ним бы лучше, если мы вообще только в куклы и играли».

...Святая простота. Они даже не догадываются, что кое-какие знания об отношениях полов к этому моменту мы уже накопили. Просвещение по замысловатой теме проходило на квартире нашей одноклассницы Светки Поповой. Оба ее родителя были врачами в третьем поколении. На нашу удачу, отца и матери Светы, в силу их невероятной занятости, отродясь не бывало дома. В их отсутствие мы и еще парочка интересующихся подружек черпали занимательную информацию из медицинских справочников с иллюстрациями. Комментарии под схематичными изображениями и фотографиями, состоящие из сплошного набора терминов на латыни, воспринимались нами, по большей части, как шифровки, но наглядные картинки говорили сами за себя. Собственно, их оказалось вполне достаточно, чтобы пройти факультатив по анатомии и физиологии прямо у Светки на дому и существенно углубить свои знания по данному предмету.

А однажды нам в руки попала сказка Пушкина «Царь Никита и сорок его дочерей». Книга с эротическим произведением была взята напрокат в параллельном классе. Видно, ученик, что приволок в школу заветный томик из полного собрания поэта в шестнадцати томах, имел доступ к дедушкиной уникальной библиотеке или, по крайней мере, ключ от родительского письменного стола. Зачитанные потертые листочки с обычным печатным текстом без каких-либо иллюстраций – сколько сладких тайн они нам открывали! А самодельная закладка с пикантным сюжетом, любовно вырезанная из смелой, явно импортной открытки, с намеком вложенная в те самые страницы, в коих и содержался запретный плод...

Мы решили не нарушать традицию, и собраты, как всегда, на конспиративной квартире у Светки, чтобы свободно, без свидетелей, ознакомиться с неизвестной стороной творчества классика. Смысл сказки всех шокировал. И немудрено! Кто не знает – в поэме речь идет о том, как у царя было сорок любимых дочерей. Как водится, все как на подбор: умницы, красавицы, хозяйюшки, мастерицы – в общем, все, вроде, при них. Да только важного органа, без которого не продлить рода человеческого, эти девицы были лишены напрочь. Вот убитый горем царь-отец отправляет гонца к ведьме за всем этим добром. И ведь ушлый государев слуга добывает то, чего им всем так не хватало. Не верилось, что игривые строки могут принадлежать перу поэта. Старшая сестра Светы – Оля, уже студентка пятого курса МЕДа, сначала возмущалась и ворчала, что бедному поэту каждый норовит приписать все, что вздумается, а на самом деле автором смелых опусов является некий Ерофей Барков. И вообще, якобы подобная лубочная литература считалась «низкопробным чтивом» ...и правильно считалась! Сплошной блуд... Но когда дочитала стихи до конца, всплеснула руками, и из уст ее вырвалась сакраментальная фраза: «Ай да Пушкин! Ай да сукин сын!».

– Можете не сомневаться, девоньки, слог его. Милого Александра, нашего, Сергеевича.

А потом еще долго с пристрастием ворошила страницы в конце и начале книжки и бормотала себе под нос: «Все, как положено. Том второй, книга первая. Ну надо же! Называется «не верь глазам своим»: издательство Академии наук СССР! Приурочено к столетней годовщине со дня смерти Пушкина. И как только наша цензура пропустила? Невероятно! А в девятнадцатом веке? Кто-то же разрешил ему ТАКОЕ писать! И это во времена чопорных балов, благородных дуэлей и поголовно образованных дворян...».

Я тогда подумала, что Пушкин, вообще-то, сам решал, что ему писать, а судя по фривольным рисункам поэта, в основном – хорошеньким головкам и женским ножкам, частенько встречающимся на полях его рукописей, думал он всегда об одном и том же, так что удивляться особо не приходится.

Соня тоже в полном недоумении все крутила в руках и даже изучала на просвет закладку с изображением златокудрой русалки с «персями, полными томленьем», едва прикрытыми прядями волнистых волос, будто хотела у нее что-то выпытать. И морская дива со старой открытки своей ускользящей улыбкой, игривым взглядом и всем своим не слишком целомудренным видом подтверждала: «Его, его сочинение... факт! Великим поэтам, девчонки, позволено иногда и похулиганить».

Но было в наших сборниках кое-что поинтересней и поценнее амурных сказок или анатомии с физиологией. Если учебники по медицине валялись в самых, что ни на есть, доступных местах – видимо, родители Светы полагали, что ей, как будущему потомственному доктору, не лишне осваивать латынь по любым источникам – то перепечатанные на машинке и размноженные в условиях конспирации заветные сероватые листочки, с характерной темной полосой от копировальной техники, с произведениями великих опальных писателей прятались от дочерей подальше...

Но мы находили самиздатовские светокопии в тайниках квартиры Поповых и почитывали Солженицина, Набокова, Пастернака. С трудом, но с великим желанием пытались постичь смысл «Мастера и Маргариты». Связать советские времена и происходящие две тысячи лет

тому назад события было невероятно сложно, но вместе мы упорно продирались сквозь запутанные описания и бездну библейских названий, перечитывая главы по несколько раз. Дружно симпатизировали непонятному, но симпатичному бродячему философу Иешуа Га-Ноцри и сопереживали могущественному Понтию Пилату, который однажды смалодушничал, и за эту ошибку здорово поплатился – автор обрек его на вечную муку: безусловно, самую страшную из всех – муку совести! Надо сказать, появление Маргариты, совершенно голой, на людном балу, на котором мистика и чувственность просто зашкаливали, да ее ночные полеты на метле – что-то такое, странное, не совсем осознаваемое, в организме пробуждали... И все же, эти волнующие и где-то даже тревожные ощущения оказывались вторичны по сравнению с истинной, запрятанной в романе. Главное было до нее докопаться. Из всех присутствующих только Соня и я смотрели «Фауста» в Оперном театре. Потому мы с ней хоть как-то были готовы к опасному открытию, а вот девчонки... Они ждали неземной любви, а книга-то, по сути, оказалась не столько о ней, сколько, даже страшно сказать, о жизни дьявола.

Нет, не напрасно мы познавали, анализировали, спорили... В головах кое-что оседало. Во всяком случае, отличать высокое от пошлого мы точно научились. Значит, не совсем уж мы дети, какими предпочитают нас видеть взрослые. Кажется, и громкая фраза феи о любви понималась нами правильно. Зря тетя Люся за нас волновалась...

Тем не менее, насчет кукол она была абсолютно права. Было. И не далее, как вчера.

Вечером, когда мы укладывались спать на мансарде, Соня загадочным шепотом, будто это была страшная тайна, спросила меня:

– Хочешь, что-то тебе покажу?

И повела меня в темный угол.

Там, на полу за печной трубой, стояла большая коробка, накрытая старенькой пуховой шалью. Соня откинула дырчатую шерстяную накидку, и я увидела уютно разложенных, словно на постельке, кукол, мишек, заек и прочий игрушечный народ. Меня поразило, что старые игрушки не были свалены в одну никчемную кучу и забыты навсегда. Напротив, каждый персонаж был обласкан и обихожен моей сердечной подругой. Судя по тому, что пыли в кукольном приюте не наблюдалось, Сонечка довольно часто заглядывала в заветную коробку и, надо думать, втихаря играла в куклы. Я не стала высказываться вслух о своей догадке, чтобы не задеть святые девичьи чувства. Да и сама гордая девочка ни за что бы не призналась в своей детской слабости. Она стала вытаскивать по одному и представлять мне своих любимцев:

– Это мой любимый белый Мишка. Его мне подарила мама на мое пятилетие.

Мишка – какой-то нестандартный, не плюшевый, а сшитый из куска поролон, местами аккуратно подштопанный по швам – вальяжно расселся в углу коробки, как хозяин. Он был уже далеко не белым, так как поролон сильно со временем пожелтел. Но это нисколько не портило симпатичного друга. Глаза – две разноцветные блестящие бусинки – смотрели на мир приветливо и озорно, а вышитый алыми нитками рот имел форму перевернутой радуги. Это был улыбающийся мишка.

Потом Соня подала мне серого облезлого зайца, почему-то с завязанными под подбородком ушами. Я хотела развязать узел, но подруга ревниво забрала у меня животное и сказала:

– Не надо. Ему так теплее. Они же совсем одни живут на даче... с осени и до самой весны.

Моя Соня... Я-то думала, что достаточно хорошо знаю ее. Оказывается, она в тысячу раз сентиментальнее меня. Ее маленькое сердечко способно пожалеть и приглубить кого угодно.

Дальше шла еще целая череда мягких зверушек: Тигрулька, безмянная лисичка, жирафчик с забавной кличкой – Зилибоба и кот Монстрик, до того страшный, что лучшего имени ему и не придумаешь.

Закончив презентацию, Сонечка бережно вернула своих питомцев обратно в кроватку и заботливо укутала платком. При этом она тихонько бормотала и приговаривала себе под нос, обращаясь к бессловесным милым существам: «Тут вам будет тепло, и вместе не так одиноко».

А мне подумалось: «Сонька никогда не предаст, как не предала своих давних игрушечных друзей»...

– Это же прекрасно, Люсенька. Есть верная примета: если девочка долго играет в куклы, значит, будет замечательной женой и матерью, – вернул меня в действительность сладкозвучный голос феи.

Она еще что-то говорила красиво и плавно про наше счастливое будущее. В затуманенную голову волнами вкатывались сладкие видения. Две девочки-замарашки с нечистыми пятками и оцарапанными коленками волшебным образом эволюционируют и превращаются в писаных красавиц. На них пышные, как бисквитные пирожные, платья и изящные атласные туфельки. Тыквы, разлегшиеся штабелями на грядках, преобразуются в золоченые кареты. Тут из-за горизонта на белых конях возникают, как два солнца ясных, долгожданные принцы. В порыве страсти они разрывают свои грудные клетки, вынимают и протягивают нам на ладонях горячие пульсирующие сердца.

Людмила Ивановна незаметно улыбалась. Теперь она была спокойна: к опасной теме любовников, слава Богу, больше не возвращались. И все же, речь говорливой соседки казалось ей не ко времени и не к месту. Она была абсолютно не готова к тому, чтобы представить свою девочку в роли мамыши с выводком ребятишек, поэтому обсуждать тему женихов и перспектив дочкиного замужества не собиралась. Смеющиеся глаза ее выдали хитрый ход, который предприняла сообразительная родительница, чтобы завершить неуютную ей дискуссию. Она предложила:

– Девчонки, а не сходить ли вам на речку искупаться? А нам с Генриеттой Мирославовной уже пора заниматься клубникой.

Соседка несколько не обиделась. Напротив, она, как человек очень отзывчивый, искренне поддержала эту идею:

– Как я рада за девушек, а то им, молодым, с нами неинтересно. Красавицы мои, скорее на волю! На реку, в лес, за новыми знакомствами, за свежими впечатлениями...

Любопытной оказалась реакция тети Люси. Она, не сдержавшись, прыснула в кулак, как будто чихнула, на что Генриетта вежливо пожелала ей здоровья. Но мы сразу поняли, что Сонина матушка смеется. Что ее так раззадорило? Я сначала подумала: «Просто она в уме продолжила логический ряд, начатый старухой: «...за свежими впечатлениями, за свежими кавалерами...». И тут до меня дошло. Ведь старушка автоматически внесла задушевную подругу Люсеньку в свою возрастную группу. А тете Люсе на этот момент не было еще и сорока.

...Благодаря Сонькиной открытости, я была изрядно информирована о жизни Людмилы Ивановны. Соня очень гордилась матерью и часто делилась со мной новостями об ее успехах на работе и в быту. К своему бальзаковскому возрасту женщина достигла многого. Соньку родила и подняла, можно сказать, одна – это раз. Окончила МАИ, и к своим тридцати восьми выросла до ведущего конструктора на авиационном заводе – это два. Ей повезло, она трудилась в мужском коллективе, где все без исключения высоко ценили ее за светлую голову, уважали за редкую порядочность и работоспособность и, конечно, носили на руках, потому что она была душой и любимицей всего КБ. Работники бюро знали, что без Людмилы Ивановны коллектива бы как такового просто не было. Мужики ходили плакаться в жилетку к единственной сослуживице. Она как никто умела выслушать, пожалеть и успокоить – это три. В этом Соня была копия своей родимой матушки. Обеих хлебом не корми, дай только о ком-нибудь позаботиться.

И вдруг я догадалась: так вот почему тетя Люся не одобряла перспективы скорого появления женихов у своей дочери! Просто-напросто она сама была еще очень молода! Как раз сейчас она в полной мере осознала прелесть своего возраста. Находясь в самом соку и на пике признания заслуг, женщина могла просто не заметить, что дочь уже выросла.

Я никак не могла привыкнуть к ее новому образу простушки. Утром, когда мы заплелись перед зеркалом, соорудив себе конские хвосты на затылке, да обряжались в рабочие одежды, основательно готовясь к трудовому подвигу, я не удержалась и спросила Соню:

– Зачем твоя мама повязывает платок?

– Думаешь, мне самой сильно нравится? Она на даче всегда такая. В городе сроду не выйдет на улицу – даже мусор вынести! – с ненакрашенными губами или непричесанная, а здесь ходит, как колхозница. . .

– Вот же новая панاما на гвоздике висит, – указала я на симпатичную шляпку из плотного крахмаленного полотна приятного салатного цвета, – красиво и практично. Лицо от солнца, опять же, закрыто. Или эта шляпа на выход?

– Ты меня умиляешь! Ну какой выход? Разве что – к соседям. Если, конечно, повезет, и чета Перетятько пригласит нас в свою баню попариться.

– Чета кого?

– Говорю же, Перетятько.

– Яка смешна фамилия, – захихикала я.

– Зато люди хорошие. У них там в семье: старики, дети, внуки – все Перетятьки. Слушай, не перебивай!

Соня вошла в раж и продолжала выражать недовольство по поводу внешнего вида матери.

– Хоть бы разок шляпку на речку одела. Не хочет. Вбила себе в голову, что при удлиненной форме носа не рекомендуется носить шляпы и панамы, только береты годятся. Вот и забраковала. Мнительная она у меня.

В голосе Сони чувствовалась искренняя забота о матери и любовь.

– Разве у тети Люси длинный нос? – удивилась я. – Что-то не замечала.

– Она находит, что очень. Вообще-то, у нас нею одинаковые. Будь они неладны, носы эти.

Да, они были похожи – мать и дочь. Если бы не россыпь ярких веснушек на Сониной мордахе, то вообще, можно сказать, одно лицо. Только в Соньке как-то больше рыжести, что ли, чем в Людмиле Ивановне. У моей подруги вся жизнь – борьба с «конопушками», как она называет солнечные отметинки на бархатистой коже. Когда никакие маски и крема не помогают, в ход идет маскировочный карандаш. Носы, может, у них и не идеальны, с чуть выраженной горбинкой, но большие глаза, четко очерченные выпуклые губы, а также высокие гладкие лбы – просто идеально правильной формы у обеих. Соня вечно приbedняется и говорит, что у них с матерью лица – хоть циркуль ставь. А мне нравится. Две луноликие красавицы. Я читала, что круглый контур лица ассоциируется с мягкостью, добротой и миролюбием. По-моему, верно.

Ура, нам разрешили купаться! Сонька помчалась в дом, чтобы переодеться и захватить полотенца. Я, в принципе, была готова к долгожданному походу на речку. Осталось только сбросить надоевшую робу, как лягушачью шкурку, и вот она – царевна во всей красе. Утром, спросонья, я плохо соображала, но все же натянула на себя видавший виды красный купальник, предчувствуя, что сегодня мы не должны ограничиться трудовым десантом и дело, наконец-то, дойдет до моих любимых водных процедур.

Тетя Люся как-то незаметно упорхнула в огород и испарилась где-то там на грядках. На некоторое время мы остались наедине с Генриеттой. Она напряженно смотрела на меня, чуть прищурив глаза и наморщив лоб, будто пыталась вспомнить, где же раньше видела эту пигалицу. Чтобы хоть как-то заполнить неловкую паузу, я задала вопрос, который, по моим расчетам, должен был хотя бы на время отвлечь внимание собеседницы от моей скромной персоны.

– А из виктории вы тоже варенье варите?

И указала на вазочку с остатками цветочного нектара, надеясь, что старуха сейчас же начнет подробно делиться со мною рецептами варенья. Ну, не клубничного, так розового. А там, глядишь, и Сонька подспеет.

Но вышло совсем не по-моему.

– Знаешь, Полюшка, «виктория» – это всего лишь сорт ягоды. Все-таки общее название культуры – земляника садовая, – ласково поучала она меня и откровенно признавалась: – Честно сказать, мне не очень нравится возиться с заготовками впрок. Если и делаю на зиму запасы, то самый минимум. Предпочитаю овощи-фрукты употреблять в свежем виде. Это гораздо полезнее.

– Аа-а... – глупо протянула я, не найдя, что ответить.

И вдруг она, обволакивая меня нереально фиолетовым и добрым светом своих глаз, заговорила:

– Ты послушай. Я тебе сейчас важную вещь скажу, девочка.

Я почему-то сильно заволновалась, даже руки вспотели, как перед контрольной работой.

– Тебя ждет интересная и сложная судьба. Ты обязательно встретишь свое счастье. Это произойдет довольно скоро. У тебя всегда будут самые достойные поклонники, но любить ты будешь только одного, Богом данного человека всю жизнь! – предсказывала мою судьбу фея и вдохновенно убеждала: – Поверь мне, дорогая, я это вижу, как никто другой.

Она вещала в присущей ей театральной манере, при этом глаза оставались серьезными. И я пропиталась ее магическим взглядом, завораживающим голосом, странными фразами, предрекающими будущность, и вдруг поверила! На языке крутился резонный вопрос: «Откуда вы знаете?». Но произнести вслух я ничего не смогла из-за спутанных мыслей и противоречивых чувств, вмиг заблокировавших мои речевые способности.

...Сколько же раз потом я вытаскивала на свет ее слова, пытаясь связать их с действительностью, и так и не смогла до конца понять – права была тогда Генриетта или нет. Вроде, и сказала она совсем немного – а слова ее накрепко врезались мне в память и остались там на всю жизнь. Со временем я поняла: случайных встреч не бывает. Видно, фея была знаком, посланным самой судьбой еще в юности. Ее фразы порою всплывали, проявляясь теми или иными событиями, и заставляли помнить о ней, чудаковатой, но удивительно сердечной и пророчливой старухе...

– Ну что, пошли? – решительно окликнула меня Соня, объявившаяся на крыльце с набитой котомкой и облаченная в новый сногшибательный бирюзовый купальник.

Мне тут же привиделось волнующееся море и рыжекудрая дива с Сониным лицом, выходящая из пены морской. Этакая Афродита в теле!

– Я готова, – дрожащим голосом пропищала я.

Сейчас у меня было одно желание – окунуться с головой в ледяную воду, лишь бы поскорей остудить свои горящие щеки и уши и унять внутреннее жаркое волнение.

– Ты чего это такая румяная?

Ай да Сонька! Все-то она замечает, все примечает.

Я неопределенно махнула рукой:

– Да так. Просто солнце сильно печет.

Чутье подсказывало мне, что все, о чем мне сейчас поведала фея – это пока моя и только моя тайна.

– Еще бы не печет! Сидишь на солнцепеке. Надеюсь, ты не собираешься сопровождать меня на пляж в таком странном виде? – подтрунивала надо мной подруга, делая надменное лицо и окидывая мои жалкие лохмотья уничижительным взглядом.

Вдобавок эта франтиха на манер Аллы Пугачевой кокетливыми жестами взбивала на затылке свои роскошные локоны.

– Где уж мне с такой цацей тягаться. Мы сейчас с тобой смотримся, как принц и нищий из одноименной книжки.

– Раздевайся давай. А то не поймут. У нас на речке принято появляться в пляжном прикиде.

Делом одной минуты было сбросить с себя майку, штаны и сунуть грязные вещи в пакет. Постираю и верну тете Люсе. Ну их, хозяйские обноски, у меня своих тряпок полон чемодан. Хвост, в отличие от Сони, я решила пока не распускать. С подобранными волосами купаться, по-моему, гораздо разумнее. Во-первых, удобно – при плавании в глаза ничего не лезет, а во-вторых, не хочется, чтобы намокшие волосы потом повисли жалкими сосульками. Смерив меня оценивающим и одновременно задиристым взглядом, Соня выпалила:

– Ну вот. Теперь хоть на человека стала похожа, а то я прямо боялась, что ты своим рублищем всех собак в округе распугаешь.

– Как мы вам, Генриетта Мирославовна? – спросила она и, красуясь, продефилировала перед ее носом.

Соня совсем не стеснялась пытливого взгляда пожилой особы. Я же стояла в сторонке и чувствовала, что лицо мое все еще горит огнем. Наверное, оно сейчас как раз было под цвет моего красного купальника.

– Хороши. Как юные девы с полотен Левицкого. Только и отличие, что на вас нет помпезных бархатных нарядов.

Видно, фигуры двух молодых малоодетых дев на лоне природы навеяли ей какие-то конкретные образы великого русского портретиста. Мадам вдруг воспылала таким восторгом, что перешла на стих и с упоением начала цитировать не очень складные строки неизвестного нам автора:

*Не нимфы ли богинь пред нами здесь предстали?
Иль сами ангелы с небес сошли...*

Вдруг Соня, не дожидаясь окончания дифирамба, проорала: «Мам, мы ушли!» – своим неожиданным криком заглушая высокую поэзию и поступая, на мой взгляд, совершенно поварварски.

Мы помахали гостю из прошлого века, оставив ее в некотором замешательстве, и поскакали на речку.

– На голову не забудьте, – донесся нам вслед голос Людмилы Ивановны.

Но мы уже были далеко за калиткой.

Глава 5. Все прелести пляжного отдыха

Мы вышли из нашего проулка. Ярко-желтые огни одуванчиков, густо понатыканные в траве по левой, более солнечной стороне дороги, слепили глаза. Правая же поросла неоднородными растениями: сочной крапивой, бурно цветущим лопухом, иначе говоря – репейником, цепляющимся за все подряд своими сиреневыми колючками, да полуметровыми стеблями хрена. Хрен с твердолобым упрямством стремился на обочину и выбивался наружу из всех заборных щелей – однако, вырвавшись на свободу, автоматически превращался из культурного растения в «некультурное», а, окончательно одичав, становился банальным сорняком. Изредка во дворах, за оградами, побрехивали собаки, но абсолютно беззлобно, так, для порядка, – видно, только чтобы отметить на службе. Над скоплением одуванчиков кружились хлопотливые пчелы; парочка даже совершила разведывательный облет над нами – но, не найдя ничего цветочного, убралась восвояси...

– Нехорошо как-то получилось. Тебе не кажется? Генриетта была явно обескуражена, что мы с тобой так резко слиняли. Не удосужились даже дослушать старуху до конца.

– А, ерунда! – беспечно махнула рукой девчонка, отмахиваясь то ли от ос, то ли от меня. – Не переживай. Она никогда не обижается. Если бы мы вовремя не ушли, нам пришлось бы еще д-о-о-о-лго ее оды слушать, – старательно растянула слово Соня, сделав трубочкой губы.

– Можно иногда и потерпеть ради приличия, – настаивала я.

У меня все еще перед глазами стояло сморщенное лицо с частыми пигментными пятнышками и взгляд, светящиеся неземной добротой.

– Понимаешь, нельзя просто делать вид, что тебе интересно. У нашей Генриетты этот фокус не пройдет. Она ведь не терпит фальши. Вот послушай: раньше, когда я качала ей воду из колонки, фея всегда читала мне одно и то же пушкинское четверостишие. Может, ты знаешь?

*Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печально сидит.*

Я просто задохнулась от восторга, до того мне понравилось плавное и нежное, будто самая лиричная мелодия, короткое стихотворение. Мне тут же захотелось запомнить столь прекрасные строки.

– До чего красиво! Слово вода в ручье журчит. Как там, Сонь? И урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...

– Вот и ты уже почти выучила. Я тоже после второго прослушивания стих наизусть знала. А она каждый раз по-новой. Уж не знаю, лейка ей, что ли, эту журчащую тему навевала? Но суть не в этом. Когда Генриетта, наверное, раз в двадцать пятый начала свою декламацию, я возьми да и прерви ее. «Знаю, знаю», – нечаянно закричала я тогда. Ну, ты тоже меня должна понять, я была уже в полном нетерпении. Признаюсь, я, конечно, немножко нервно себя вела...

– Вообще говоря, по-свински, – без обиняков заметила я. – Сильно обиделась?

– Если бы! Нисколечко. Мало того, она попросила меня, чтобы я ее в подобных случаях останавливала. Оказывается, она вовсе не желает быть навязчивой другим, но иногда сильно увлекается.

– Может, старые люди часто повторяются от того, что у них склероз? – предположила я, вспомнив, как моя бабушка, обычно теряя свои очки, ищет их по всему дому и ворчит: «Вот, склероз проклятый». А они у нее, как правило, на лбу.

– Задавала я ей твой бестактный вопрос. На что она рассмеялась и ответила, что, скорее всего, уже полная деменция. Слово мне запомнилось, а вот что оно означает... Ты случайно не знаешь, Поль?

– Не-а. Может, чего-то в организме не хватает?

Мы весело шагали по улице Песочная, ведущей к реке, однако привычного песка под ногами пока не наблюдалось. Может, где-то в самом ее конце он и ожидался, но сейчас под подошвами резиновых шлепанцев поскрипывал гравий – правда, очень белый и очень мелкий, перемолотый так, что в нем уже попадались зернышки размером с крупную песчинку. Сама улочка заслуживает внимания, чтобы упомянуть о ней отдельно. Она просто впечатывалась в память с первого раза яркой жизнерадостной картинкой: ведь здесь что ни ворота, то обязательно – с выдумкой, что ни резба по дереву, то непременно – кружево, что ни двор, то – уникальное творение. Некоторые домики были крепкими, построенными из добротного материала, и смотрелись богато, другие выглядели попроще, а были еще и вовсе ветхие, давно требующие хорошего ремонта. Но каждый хозяин, как мог, попытался выразить свою индивидуальность. Даже совсем уж плохонькие избушки на курьих ножках, смотрящие на улицу облезлыми рамами и ставнями с облупленной, давно потерявшей цвет краской, все равно имели какую-нибудь свою изюминку.

Я вертела головой, с любопытством изучая объекты и отмечая самобытность дачного искусства. Сонька добровольно взяла на себя обязанности экскурсовода и комментировала особо выдающиеся моменты. Один умелец украсил свой дом ажурными наличниками такой тонкой работы, что впору было его искусство выставлять в музее деревянного зодчества. Другой оригинал, обладатель низенькой хатки с крошечными оконцами, завешенными ситцевыми цветастыми занавесками, вместо традиционного штакетника сплел настоящий плетень, а сверху на прутья нахлобучил уйму разных черепков, давно отслуживших свой срок, часто – с отбитой ручкой, отколотым краем, а то и вообще с наполовину отвалившимся боком. Получилось очень похоже на изгородь, что показывают в самом начале фильма «Веселые ребята». Еще большее сходство с кадрами из кино этой деревенской околице в центре дачного поселка придавали двускатная крыша, крытая соломой, и подсолнухи: их растрепанные головы с любопытными лицами то здесь, то там торчали из-за городьбы и служили хорошим дополнением к уже имеющимся декорациям сельской жизни. Обожаю старые комедии, а «Веселых ребят» могу смотреть бесконечно. Мне всегда хочется петь и скакать – настолько они мне поднимают настроение. Эх, если по разнокалиберным котелкам и крынкам, что висят на заборе, хорошенько долбануть! Да пройтись по ним крепкой палкой... Конечно, мелодия «Легко на сердце от песни веселой» вряд ли получится, ну уж перезвона и перестука будет... ну, точно, как в кино! Только потрескавшиеся крынки, закопченные котелки, битые керамические горшки, а также настоящая телега на самом почетном месте в центре двора, просматриваемая сквозь щели плетня, в данном случае не несли ни музыкальной, ни какой другой нагрузки. Вся эта утварь служила исключительно для красоты, и выдавала пристрастия хозяев, фанатов деревенского уклада. Посаженный в линеечку огород, скучные крашенные заборы да ровно пригнанные друг к дружке дощечки при отделке дома; в общем, однообразие и порядок – это точно не про наших «веселых ребят». Видно, для Сони некоторые моменты тоже стали открытием. Она храбро пролезла через лопухи, нацепляя на новый купальник уйму лохматых колючек, и прильнула к изгороди. Прищурив один глаз, любопытная девчонка подглядывала в просветы плетня и удивлялась: «Черепушек-то, черепушек! Надо же, сколько хлама с помойки! Мало им, так они еще и телегу на участок приволокли». А мне идея с телегой очень понравилась: если на нее еще поставить разноцветную герань в горшках и корзину с кренделями, булками и плюшками – вот красота-то получится! Жаль только, что стоит теперь повозка здесь на веч-

ном приколе, и, видно, уж никто не запряжет в нее резвую лошадку и не прокатится на ней с ветерком...

Следующий умелец – моя подруга окрестила его «изобретателем» – вместо бревен использовал длинные рулоны прессованной бумаги, выкрасил их в цвет холодного осеннего неба, и получился терем всем на зависть. Я так и ахнула в голос: «Надо же до такого додуматься, буквально из ватмана дом сострять!»». Сонька, довольная произведенным на меня впечатлением, не собираясь останавливаться на достигнутом, тут же постаралась удивить меня еще больше:

– Это что! Вот на параллельной улице мужик весь свой дом обшил разноцветной рейкой, красно-желто-синей. Прямо сплошная радуга получилась... А на конек крыши вместо петушка посадил курочку, того же окраса. Хочешь, на обратном пути заскочим? Ты точно удивишься.

– Слишком пестро должно быть. Если еще и курочка Ряба впридачу, – предположила я, тут же вообразив аляповатый теремок с множеством окошечек-бойниц и, почему-то, с чешуйчатыми куполами.

– Здесь фокус не в пестроте, и не в курице, а в том – из чего отделка. Ни за что не догадешься! Хозяин дачи – начальник саночного цеха. Детские саночки штампует. Вот и натащил материала целый воз. А дом-то не маленький. Уж не знаю, стырил ли он качественную продукцию, или весь брак собрал, какой на заводе завалился? Но скорее всего – удачно к рукам прибрал то, что плохо лежало.

– Ух, ты! Саночный домик! – восхитилась я.

И вспомнила яркие санки младшей сестренки, бывшие мои, которые оставались подвешенными на бурой стене весной, осенью и летом, освежая своими радостными тонами мрачный тамбур перед входом в квартиру и навевая воспоминания о чем-то приятном. Сколько раз, ожидая, когда домашние откроют дверь, я глядела на них, и мне рисовалась одна и та же картинка: папа легонько подталкивает меня с горки, санки несутся, а я воплю от восторга и ужаса, потому что они разгоняются и разгоняются, а впереди – трамплин!.. И конечно, нырок головой в сугроб. И слетевшая варежка. И полный рот снега. Какая ерунда! Главное – санки тогда не сломались. Ведь на тот момент они были совсем новыми и... только моими!

Должно быть, многоцветная дача начальника саночного производства бросалась в глаза издали. Вот чудак-человек. Сам же себя и скомпрометировал.

Когда мы проходили мимо ворот следующего дома, разрисованных динамичным сюжетом с конями, мчащимися вскачь с развевающимися хвостами и гривами, Соня сказала:

– Видишь те ворота с коняшками. Там мои друзья живут. Я потом тебя с ними познакомлю.

Ну, Сонька! Сказанула... Наверняка хозяева расписных ворот обиделись бы, услышав такую прозу о своих горячих скакунах. Ведь как старательно создатели панно выводили контуры бегущих вскачь лошадей, выписывали сложные извивы хвостов и грив; как потом любовно все раскрашивали, покрывали лаком... И пусть морды у коней получились немного наивными, ведь ясно – рисовали не профессионалы, а самодеятельные художники, зато казалось, что животные улыбаются, и от этого тоже хотелось улыбнуться. Я подумала, что Сонины знакомые должны быть хорошими людьми, так как любители лошадей и воли по определению не могут быть унылыми личностями, а это уже замечательно.

И все же, первое место за нестандартность мы с Соней безоговорочно отдали чудаку, который построил свой дом в форме замка с высокой башенкой. Этот товарищ в квадратную верхушку вмонтировал часы на манер лондонского Биг-Бена. Очень похоже на картинку с обложки всех без исключения учебников по английскому языку. Циферблаты показывали точное время и охватывали все четыре стороны света. Часы, верно, служили даже не столько

обитателям самого замка, сколько чужим – проходим да проезжающим мимо. Но главное, они были полезны жителям близлежащих участков. Скажем, ковыряется дачник на своем огороде, скрючившись, как знак вопроса, очумеет от жары, усталости и мошкары, распрямится, на секундочку поднимет глаза и... вдруг ахнет. А почему? Да потому что соседские часы, вознесшиеся над дачной суетой, велят ему: «Стоп, милый! Хватит вкалывать, надо округляться, уж пора обедать». А так, наверняка проковырялся бы, бедный, до вечера. И не надо лишний раз специально бежать в дом, чтобы узнать который теперь час – и драгоценное дачное время по пустякам не тратится. Получается, хозяин замка не только удивил мир оригинальной идеей, но проявил заботу о ближних. Впрочем, и о дальних тоже... Мы постояли рядом с уникальным творением, поахали, дивясь человеческой смекалке, и пошли дальше. Думаю, всем, кому хоть разок довелось пройти по Песочной улице, становилось ясно – в поселке живут талантливые, неординарные люди.

Скоро дачи закончились, и мы наконец-то вышли к реке. Нам открылся прекрасный вид на огромный луг, покрытый ковром короткой, мягчайшей травы. «Запомни, такой луг называется заливным», – учила меня уму разуму Соня. Мы сбросили тапки и с удовольствием, какое ни за что не передать словами, зашлепали босиком по зеленому ковру, приминая голыми ногами пружинящий покров. Сонька так вошла в роль экскурсоводши, что никак не могла из нее выйти. Она, пытаясь расширить мой кругозор, доказывала, что эта трава называется «мурава», но совсем не от «муравьев», а от какого-то другого слова, забыла – от какого... и ее любит щипать разная водоплавающая птица: гуси да утки. Я слушала ее через пень-колоду: Соне как местной жительнице, должно быть, лучше знать. Пусть мурава, но ступать на нее голыми ступнями – прелесть, до чего хорошо; даже когда отдельные травинки вклиниваются между пальцев или покалывают мне пятки – все равно приятно. Только никаких водоплавающих птиц я здесь что-то не заметила. Зато то тут, то там на разбросанных по всей поляне подстилках расположились загорающие дачники. Осторожно обходя лежбища отдыхающих, мы пробрались к реке.

Берег обрывался вниз желто-коричневыми глиняными уступами, поросшими кустарником, и, чтобы попасть к воде, нужно было спуститься по вздрагивающей под ногами шаткой деревянной лесенке. Внизу, у кромки воды, притулился небольшой песчаный пляжик. Там было грязновато и очень шумно из-за большой скученности ребятишек, копошащихся на суше и в воде. Практически синхронно мы с Соней предложили друг другу:

– Давай-ка лучше на травке, – и разом прыснули от смеха.

Так часто бывало – мы одновременно произносили свои мысли вслух, и наши слова совпадали; мне даже думается, выражение лиц у нас при этом тоже оказывалось под копирку. Мы вскарабкались обратно и выбрали местечко по центру поляны, так, чтобы глазу было приятно созерцать и реку, и луг, и, конечно, чтобы удобно было отслеживать все действия, происходящие вокруг нас. Расстелили потертую и истонченную от стирок махровую простынку и улеглись, подставляя бока щедрому солнцу. Щека ощутила мягкость ткани, пахнувшей чистым бельем и лавандой, я приготовилась получить удовольствие от принятия солнечных ванн, с наслаждением потянулась и вдруг вспомнила: а ведь до сих пор специально загорать мне было некогда! Каждодневные пробежки по прямой и пересеченной местности в окрестностях спортивного лагеря не прошли даром. Обычно на мне были надеты атласные спортивные трусы и футболка с коротким рукавом, но бывало – сбросишь одежду и несешься прямо так, в одном купальнике. Моя от природы смуглая кожа к середине лета еще больше потемнела, но уж очень неравномерно: те места, которые больше выпирали, колени и локти, стали уже просто черными. Эта навязчивая мысль запала мне в голову и не давала расслабиться. Я подскочила и попробовала потереть колени. Может, все-таки, запачкалась? Нет, бесполезно, копоть въелась намертво. Ладно, может, в речке отойдут. Соня назвала некоторые выступающие части моего тела «худосочными» и, как всегда, сделала правильный вывод:

– У тебя все, что торчит, то и загорает. – И печально добавила: – А я так вовсе не загораю, сгораю только.

Соня, рыжеволосая, с нежной, белой, как мел, кожей, если не считать россыпи веснушек по всему телу, всегда имела проблемы с солнечными ваннами, типичные для всех людей подобной масти. Поэтому свои слегка подпеченные плечи она прикрывала полотенцем, дабы не нажить еще больших проблем. А солнце уже было в зените и распалось все больше.

– Сонь, может – купаться? – спросила я без всякой надежды на успех.

– Подожди. Мы еще даже толком не прожарились.

Сейчас наши желания не то, что не совпали – оказались диаметрально противоположными. Что поделаешь, так тоже бывало довольно часто. Все-таки мы с моей подругой очень разные.

...В школе она слыла активисткой. В первом классе Сонька всегда первой тянула руку, даже когда ни черта не знала. Чтобы привлечь внимание учительницы, она подсказывала на месте, задирала руку выше всех и так отчаянно ею трясла, что весь ряд парт ходил волнами от этаких тектонических колебаний. Я же предпочитала отсиживаться в тени, если у меня была хоть капля сомнения в правильности ответа. Потом, когда мы стали старше и умнее, и народ потихоньку разобрался, что к чему, и всеми правдами-неправдами пытался откреститься от общественных нагрузок и поручений, наша Соня по-прежнему тянула руку. «Мы с Полиной сделаем! К завтрашнему утру», – торжественно клялась она классной руководительнице, заодно решая и мою судьбу. Вот выскочка! Я страшно психовала и никак не могла ее отучить от этой дурной привычки вешать на нас всех собак: «Нафига ты все время высовываешься? Еще и меня впутываешь. Нам что – больше всех надо?». На что моя подруга с фанатичным блеском в глазах отвечала на полном серьезе: «Да как ты, Полина, не понимаешь? Если не мы с тобой, то кто же? Может, ты думаешь, эти скучные инфантильные личности? Нет, на них нам никак нельзя рассчитывать».

В результате мы, как те царские снохи, что пекли хлеба, ткали ковры-самолеты и ска-терти-самобранки да вышивали свитки для женихов исключительно по ночам, корпели до утра над какой-нибудь глупой стенгазетой в то время, когда другие наши сотоварищи безмятежно дрыхли и в ус себе не дули...

Я, в расчете, что терпеть осталось недолго, согласилась:

– Хорошо, будь по-твоему, пожаримся еще.

Мы валялись, прикрыв глаза от блаженства, которое дарило нам лето, все больше и больше погружаясь в атмосферу всеобщей расслабленности. Характерные звуки дополняли картину счастливого отдыха в обычный знойный день на берегу реки. Стоило закрыть глаза, и слух тотчас обострялся: равномерный фон распался на отдельные составляющие. В сознание, в зависимости от меняющейся акустики, поочередно врывались зрительные образы, иногда конкретные, иногда иллюзорные. Я как бы видела ушами все, что происходило вокруг. В разгаре знойного дня народ отдыхал на полную катушку. Спокойные голоса и негромкий смех поблизости вдруг прорывался взрывами безудержного хохота. В районе купальни – визг и хлопанье разбесившихся ребятишек, и вечное дурашливое: «Спасите, тону!», на которое сроду никто и не думает реагировать. Звонкие хлопки и тугие удары по мячу доносились со стороны волейбольной площадки. Сетка оказалась не нужна, поскольку игроки стояли в кругу. Им надлежало любыми путями исхитриться и не уронить мяч на землю. Правила были просты, азарта хватало, спонтанно образованная команда крепла и, кажется, сейчас находилась на самом подъеме. Никакого счета не велось, а результат игры проявлялся то в победных воплях, если кто-то проделывал поистине каскадерский трюк, то в дружном реве разочарования, если мяч все-таки не удавалось удержать.

А вот и совсем другие звуки, вплетающиеся в людской гомон: негромкие и ласкающие слух, способные успокоить нервы любого. У меня, как у жителя сугубо городского, они вызывали благостное желание подружиться и с травинкой, и с букашкой. Классические звуки лета, всегда кажущегося нам вечным в начале, а к концу – совсем, нестерпимо-досадно коротким, плыли надо мной, отражаясь какими-то цветными сполохами в закрытых глазах. Они убаюкивали мелодией, сотканной из размеренного всплеска весел проплывающей мимо лодочки, монотонным гудением шмеля прямо где-то над ухом, быстрого шелеста стрекозиных крыльев, возмущенным шумом листвы на тополях, нечаянно задетых порывом южного ветра. А где-то совсем вдалеке – правда, не очень музыкально – призывно трубила заплутавшая корова, в панике догоняющая своих близких родственников. Но от ее мычания тянуло чем-то родным и теплым, что никак не портило общую тему, а только добавляло в нее пикантных ноток. Из формата идиллии выбивались лишь пара звуков. Они никак не вписывались в беззаботную атмосферу отдыха и слегка раздражали меня. Какой-то упрямый дачник долбил молотком и временами врубал на всю мощь электропилу, ее визжание мгновенно разрезало пространство, заглушая симфонию природного оркестра и впиваясь мне в уши. Хорошо хоть, эти безобразия проскакивали мимолетно, успевая лишь на миг прервать цепочку безоблачных видений, плавной чередой проплывающих в голове, да еще чуть-чуть царапнуть нынешнее мое состояние – состояние полного душевного равновесия. Человек тот никак не хотел понять, что лето у нас короткое, и блаженные денечки – всего лишь краткий миг счастья. Он все стучал и стучал, а потом пилил и строгал свои доски, доводя свое хозяйство до совершенства. Видно, давал всем понять, что прозябать на пляже – блажь, несовместимая с миссией, возложенной на трудолюбивое дачное племя. Вот неугомонный!

Скоро моему терпению пришел конец. В воду хотелось невыносимо.

– Соня, долго еще ты будешь меня истязать и мучить?!

Так обычно восклицает мама, доведенная до полного отчаянья, когда моя сестра Ира целенаправленно добивается, чтобы ее хорошенько отшлепали.

– А что случилось? – очнулась Соня, будто услышала меня впервые.

– Ну, пойдем же скорей купаться!

Это была уже не просьба, а крик души, истомленного зноем тела.

– Поля, не нервируй меня, – лениво отмахнулась разомлевшая под солнцем девушка. – Не видишь, я уже задремала. Мне даже сон приснился. Будто я такая маленькая-маленькая, сижу в коробе, а вокруг пирожки, пирожки, и все с картошкой.

И промямлила, не открывая глаз и еле ворочая языком:

– К чему бы это, Польша?

– Дай подумаю, – сказала я, и в этот самый момент заметила, как по правую руку от нас дородная женщина в сарафане, со спины очень похожая на матрешку, с аппетитом откусывает пирожок.

Начинки отсюда мне было не видно, но чувствительная к еде Соня не могла ошибиться. Пирожок стремительно исчезал в чужом большом рту...

– Ну и нюх у тебя, Сонечка, – усмехнулась я. – Так вот, слушай. Все просто: девочка среди пирожков означает, что где-то в соседней деревне сейчас пекут пироги с картошкой.

– Ну, в той девочке я же ясно видела себя! Объясни тогда: при чем здесь я? – резко вскинула ресницы Соня.

В зеленых слегка замутненных глазах ее расплескалось любопытство.

– А ты, дорогая, в этом сне, получается, лишняя.

Отсмеявшись, она смягчилась.

– Думаешь, пора?

– Давно пора. Пошли, давай, трусиха несчастная, – сказала я своей подруге, в принципе готовая к тому, что каждый раз в реку ее придется загонять.

Что поделаешь, вода – не Сониная стихия. В этом плане я ее полный антипод. Известный лозунг: «Плывать – раньше, чем ходить!» – это про меня. Кажется, держалась на воде с тех пор, как себя помню; другое дело, что до определенного момента техника плавания отсутствовала как таковая. Обычно я перемещалась в воде как придется: по-щенячьи, по-собачьи, по-кошачьи, по-лягушачьи, нехитрыми саженками – но при этом всегда очень быстро. Глубины не боялась нисколько, напротив – она-то меня и манила. Используя произвольную технику, мною же изобретенную или, скорее, отсутствие всякой техники, я, тем не менее, оказывалась от берега на значительном расстоянии, чем повергала в шок моих родителей и посторонних людей, отдыхающих у воды. Отец кидался за мной и диву давался: «Не ребенок, а наказание, на секунду отвернуться нельзя – она уже учесала. Хоть к ноге ее привязывай», – но купаться все же не запрещал. Когда папе надоело вылавливать свою свободноплавающую дочь с поверхностей различных водоемов, он отдал меня в бассейн.

Как говорится, годы напряженных тренировок не прошли даром. Меня научили плавать как положено. Но в спорте, к сожалению, техника, результаты и километры становятся самоцелью, и часто не испытываешь истинного удовольствия от контакта с водой. Знакомые лыжники жаловались, что у них примерно та же беда – бегают они свои гонки и эстафеты по заснеженным трассам, и проносятся мимо красивейших мест, так и не разглядев сказочных картин зимнего леса, хотя в глубине души чувствуют: проморгали что-то важное в жизни. Но сейчас-то у меня, слава Богу, не тренировка: и водоем естественный, живой, с запахом речной свежести, а не какой-нибудь бассейн с предельно допустимой концентрацией хлорки.

– Сонь, я сплаваю, ладно? – виновато спросила я и неопределенно махнула рукой в сторону противоположного берега.

– Плыви. Чего уж там, – обиженно разрешила подруга.

Я, заранее предвкушая счастье от предстоящей встречи с обожаемой мною стихией, разбежалась и со всего размаху нырнула, не особо заботясь об окружающих, наверняка взметнув вверх целые снопы искристых брызг и кого-то окатив с головой. Проплыла большое расстояние почти по самому дну, преодолев взбаламученный детьми отрезок, и вынырнула уже в благодатных чистейших водах широкой вольной реки. Вода сначала обожгла разгоряченное тело, привела мышцы в тонус, а потом успокоила, отпустила, и в моем словарном запасе не осталось других слов, кроме короткого «Кайф!!!».

Я оглянулась назад. Соня зависла где-то на мелководье, в самой гуще ребятешек, орущих от избытка чувств, аналогичных тем, что я сама испытала только что. Подруга смотрела на меня, шевелила губами и крутила пальцем у виска. Могу поспорить, слова, адресованные мне, звучали так: «Сумасшедшая, что возьмешь!». Частенько фразы Высоцкого вылетали из уст сами собой. По-другому и быть не могло: наше поколение выросло на его творчестве, родители слушали и перезаписывали песни на катушечные магнитофоны, а нам, детям, неповторимый хриплый голос артиста записывался на подложку автоматически. Поэтому в речах мы часто использовали его крылатые строки, слегка переделывая их под соответствующую ситуацию.

Соня на расстоянии пыталась сигнализировать, что у меня, мягко говоря, не все дома. Ну что ж, пусть так. Я для себя решила: переплыву! Подруга за столько лет знакомства уже давно привыкла к моим, как она выражалась, «выкрутасам». Не думаю, что причину ей существовавшее беспокойство. А красноречивые жесты у виска – скорее так, для проформы.

Я легко, без всякого напряжения поплыла. Так вот, что мне было нужно! Организм так сильно наскучался по тренировкам, слегка подзабытым за пару дней, что тотчас затребовал большей нагрузки. Скорей, скорей, удовлетворить жажду движения... Руки – ноги, вдох –

выдох. Тренированные мышцы работают без сбоя, плавно посылая тело вперед. Невидимые плавники, – или крылья? – вырастают за спиной и несут меня все дальше от берега. Нет, не напрасно, наверное, Соня зовет меня рыбой!

Где-то посередине намеченной дистанции пришлось снизить темп, чтобы перевести дух и отдохнуть. Осознала, наконец-то, что я не на соревнованиях и стала подмечать детали. Оказалось, водная толща подо мной, кажущаяся бездонным темным стеклом, никем до меня не перемешанная, четко разделялась на два слоя: ближе к поверхности был прогретый пласт, а ниже вода местами казалась просто ледяной. То ли какие-то подземные ключи не давали реке прогреться равномерно, то ли глубина здесь была очень даже приличной. От температурного контраста, а, может быть, от понимания того, что рядом – никого, в голову полезли дурные мысли о судорогах, воронках и прочих страстях, которые подстерегают человека в естественных водоемах. Не сказать, чтобы меня разом обуяла паника, но тоненький, едва слышный внутренний голосок стал нашептывать и капать на мозги: «Не сойти ли, пока не поздно, с дистанции? Не вернуться ли тебе, голубушка, обратно?». Не успела я поддаться такому пессимистическому настроению, как почувствовала, что меня кто-то нагоняет. Вот он поравнялся со мной. На миг в поле зрения попали спина и могучие загорелые руки, совершающие стремительные движения. Каждый взмах руки сопровождался мощным броском вперед. Не дав мне опомниться, пловец обошел меня справа. Какая наглость! Прямо в непосредственной близости от моего носа. ЭТОТ мог бы и подальше от меня проделывать свои маневры. Реки ему, что ли, мало? Но, как бы там ни было, я совершенно успокоилась. Думы о судорогах и спасительной булавке, что не захватила с собой, о чем горько сожалела буквально секунду назад, показались глупыми и недостойными спортсменки-разрядницы. Расстояние впереди больше не пугало. Оно казалось не таким уж большим и стремительно сокращалось. У меня будто открылось второе дыхание.

Между тем, мой неожиданный компаньон по покорению водных пространств уже приблизился к кромке заветного берега. Его безусловная победа в этом неожиданном заплыве-поединке подхлестнула меня, будто бичом, и я еще прибавила темпа...

Вперед! Во что бы то ни стало доказать: я тоже могу! Давай же, Полина, дерзай. Вперед, и только вперед!!!

Глава 6. Знакомство с близнецами

Я доплыла...

Здорово запыхавшись, вылезла из воды, немножко потопталась, чтобы восстановить сбившееся дыхание, и стала оглядывать берег. Эта сторона реки была не очень-то приветливой. Высокий камыш, обвитые тиной и усеянные какими-то голенастыми букашками черные коряги, густые и колючие заросли дикой облепихи, мокрый песок, весь испещренный птичьими следами, и ни души кругом. Интересно, а где же пловец? Куда-то же он должен был деться?

Мне пришлось снять тряпичную резинку для волос, отжать ее и волосы, чтобы потуже затянуть на макушке свежий хвостик. По-хорошему, надо бы и купальник выжать и посушить. Но ощущение, что я здесь не одна, не позволило мне проделать эту довольно смелую процедуру. Кого я боялась? Так и не сумев внятно ответить себе на этот вопрос, решила: ничего, на солнышке и так высохнет. Все равно придется немного отдохнуть и погреться перед заплывом... Я оглянулась, чтобы оценить масштабы расстояния, и изумленно ахнула: ничего себе дистанцию отмахала! Совсем маленькие, еле различимые точки мельтешили на том берегу. «Соня, где ты?» – но разглядеть среди них подругу не представлялось возможным.

За спиной кто-то есть или показалось? Не могут же невесомые, будто призрачные стрекозки, порхающие над водой и зарослями, издавать столь явный крадущийся звук-шорох. Ну, и местечко! Здесь надо быть начеку. Я обернулась вокруг своей оси несколько раз, напрягая слух, и вдруг громко чихнула. Вроде никого, раз никто не пожелал мне здоровья. От чиха что-то большое встрепенулось поодаль, в гуще плавающих листьев, обрамленных болотной осокой – может, щука? – и опять стало тихо. Только, как в песне, шумел камыш, да в кустах исподтишка шуршали подозрительные птицы, но на глаза, заразы, не показывались. Что и говорить, берег и впрямь оказался неудобным. Тем быстрее у меня росло желание поскорее отсюда отчалить.

Не так много времени потребовалось, чтобы восстановиться. Купальник из эластика просох мигом. Прямые солнечные лучи, от которых здесь и спрятаться-то было особо некуда, быстро зарядили организм прежней силой. Несколько интенсивных приседаний – и мышцы разогрелись, вошли в тонус и готовы были опять получать нагрузку. Дно на этом берегу не ахти какое – вязкое и скользкое. Мои ноги, когда ступили в мутную жижу, то ли зацепили водоросли, то ли задели какие-то заиленные корни, а между пальцами даже проползло что-то холодное и юркое: я выдернула ногу вместе с увесистым шматом черной грязи. Бр-р-р!.. Мерзко. Вторую ногу прибрежный ил уже заглывал – тогда я с воплем бросилась вперед и, оказавшись по пояс в воде, просто легла животом на поверхность, шустро отгребла от берега, проскочив неприятный кусок, и, наконец, медленно заскользила. Сердце, ушедшее было в пятки, не столько от страха, сколько от приступа брезгливости, вернулось на место и теперь уже билось спокойно. Чтобы не тратить силы впустую, надо дышать глубоко и ритмично. Необязательно даже на каждый вдох открывать глаза. Ориентир виден прекрасно и до него пока очень далеко. В качестве маяка я выбрала ярко-синее пятно на той стороне реки. Чья-то кровля, выкрашенная в нестандартный ультрамариновый цвет, выделялась в общей массе рядовых черно-серых крыш и, бликуя на солнце, светила мне издали своим синим огнем почти как путеводная звезда...

И опять все повторилось. Меня догоняли. На этот раз он нахально обошел меня слева. Я не сразу это поняла, поскольку голова при вдохе поворачивается вправо. Да это просто дельфин какой-то! Движения стремительные и отточенные – в манере плавания угадывался характер, независимый и цельный. Недаром человек напомнил мне дельфина, удивительно симпатичного морского зверя, ассоциирующегося у меня с грацией, силой, благородством и свободой. Сейчас я даже не вздрогнула, кожей ощущая, что это существо для меня не опасно; напротив, почувствовала, что нахожусь под его защитой. Мы так и шли: он – впереди, я – за ним. Незнакомец как будто специально выдерживал определенную дистанцию между нами... Если я

ускорялась и приближалась к нему на недопустимое расстояние, он принимал меры и начинал быстро удаляться. Если же я уставала и понемногу начинала отставать, человек притормаживал, явно делая это специально, и подпускал меня к себе ближе – в какой-то момент мы все-таки поравнялись и короткое время находились рядом, почти касаясь друг друга, двигаясь и дыша в унисон. Черт возьми, это было так здорово! Затем он вдруг сделал резкий рывок и стал молниеносно удаляться от меня классическим баттерфляем.

Придет же такое в голову – одновременно плыть и анализировать! Вроде мне было не до того – я рубила руками и ногами пенящуюся воду; я отчаянно пыталась настичь конкурента, а между тем – совершенно автоматически еще и думала. Собственно, второй вариант названия баттерфляя и есть «дельфин». В бассейне мы тоже знакомимся с этим стилем. Наутро после тренировки я еле поднялась с кровати от того, что накануне организм получил колоссальную нагрузку на все группы мышц. Болело все так, что мне только к вечеру удалось собрать себя в кучу. С тех пор я знаю: только очень подготовленным спортсменам под силу освоить баттерфляй в совершенстве. А этот ненормальный, похоже, смог...

Теперь его уже ни за что не догнать. Сначала я даже немножко разочаровалась. Тоже мне, рекордсмен выискался! Но, здраво поразмыслив, оправдала прыть незнакомца: «Спортсмен, скорее всего. Тренируется в полную силу, вот и лётает с берега на берег. Таким упертым обычно дела нет, кто там плывет по параллельной дорожке». И тут же забыла про стайера.

У меня появились другие задачи. Теперь я озаботилась тем, как выгляжу со стороны. Последние метры перед выходом на берег мне просто необходимо было проплыть безупречно. Конечно, это нескромно, но иногда так хочется доказать миру, что некоторые вещи умеешь делать лучше, чем другие. Я сосредоточилась на технике и финишировала так, как меня учили: в первой фазе гребка рука действует по принципу крыла и перемещается медленнее тела. Девчонкам из моей юниорской группы наш любимый тренер Сан Саныч Красноперов привил особый фирменный стиль плавания. Разумеется, это был кроль, только кисть чуть плавней, чем обычно, входила в воду. Наш нестандартный тренер словно намеренно выделял своих из общей массы. Он даже добыл нам специальные красные купальники, и другие спортсмены и тренеры по-доброму называли нас «красноперыми рыбками». Быть одной из красноперых рыбок считалось очень престижно.

Я постаралась выйти из воды красиво. Глупо, конечно, но меня распирали детская гордость: «Вот я какая!». Ну хоть кто-то же должен заметить мое показательное выступление? Увы, напрасно старалась. Соня, с кульком на голове из пожелтевшей, очевидно – прошлогодней «Вечерки», уже ждала меня с распростертыми объятьями, точнее, с развернутым полотенцем. Я виновато спросила:

– Ругаешь меня? Прости, Сонечка.

– А что толку. Я же знаю, тебя хлебом не корми – дай только в воде поболкаться.

Какое-то слово нерусское откопала! Это я-то «болкалась»?! Вот тебе, приехали. Я, дурочка, из кожи вон лезла, а здесь никто и не думал устраивать мне овации и восхищаться моей блестящей техникой.

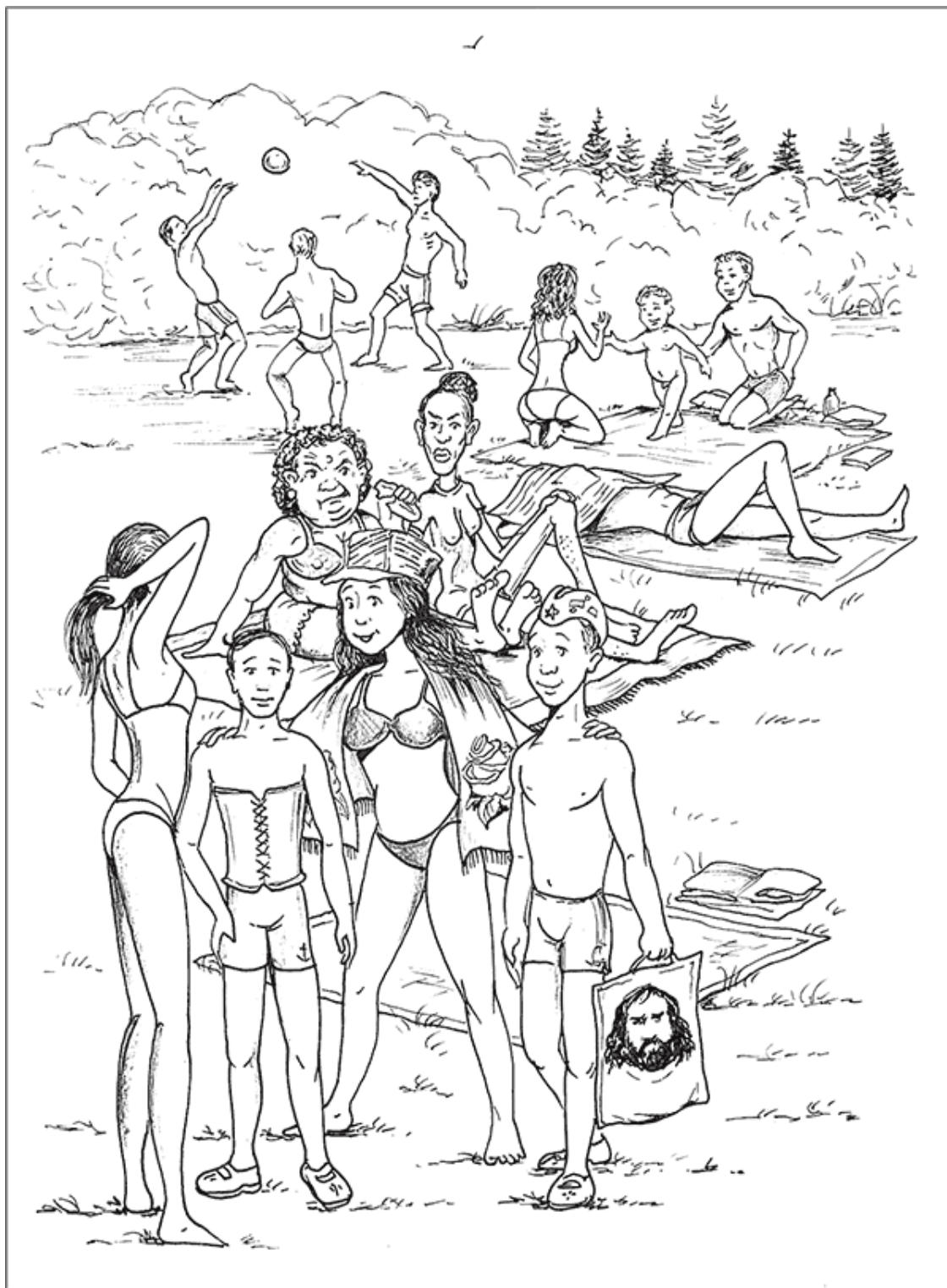
– Держи полотенце, посинела вон вся, – ворчала моя заботливая подруга, для которой поговорка «Сам погибай, а товарища выручай» была жизненным кредо.

Я вернула Соне большое полотенце с китайскими розами, – она пугала меня своими малиновыми плечами и спиной, – и сказала:

– Тоже мне, нашлась мать Тереза. Саму придется с ног до головы сметаной обмазывать. Лучше скажи мне, откуда такая шапка?

– А, это, – дотронулась та до газетной пилотки, – это ребятишки мне соорудили. Эй, двое из ларца, одинаковы с лица!

Тут же с соседнего насиженного места явились два молодца, настолько идентичных, что показалось: у меня двоится в глазах. Было им лет по двенадцать, и были они стопроцентными однойцовыми близнецами. Вот, к примеру, в журнале «Мурзилка» на последней страничке часто помещают задание на проверку внимания – «Найди десять отличий» называется. И ведь влет находишь! Здесь же я засекала пока лишь два... Различить братьев можно было только по гипсовому корсету, в который зачем-то замуровали туловище одного из них, да по пилотке, лихо сидящей на голове другого. Во лбу юного воина сверкала настоящая армейская звезда, а на отворотах пилотки красовались разномастные штатские значки. Мой взгляд автоматически зацепил самый актуальный на данный момент: «Умею плавать 25 метров».

- Познакомься, это Федор. Он старший.
- Мне кивнул тот, что был в корсете.
- А это Павлик, наш младшенький.
- Мальчишка в пилотке насупился и обиженно поправил Соню:
- Подумаешь, всего на каких-то пятнадцать минут. Вообще-то я Павел, а можно просто Пашка, – и, сняв коллекцию значков с головы, дружески протянул мне свою ладонь.

Когда я подала ему руку для рукопожатия, вдруг обратила внимание, что подушечки моих пальцев стали бледнее разбавленного молока, сморщились и превратились в сушеный изюм. Вот так накопалась! Буквально до посинения...

Под шапкой у Пашки оказались богатые кудри, более ярко выраженные, чем у брата Федора. Видно, солдатик таскал пилотку, не снимая, и под действием температуры и влажности его макушка кудрявилась сильнее, словно там под пилоткой волосы спекались в золотистую древесную стружку. Вот и еще одно отличие нашлось...

– Помнишь ворота с лошадиной тематикой? Парни оттуда. Нормальные ребята. Можешь доверять им, как мне. Я их сто лет уже знаю. Возилась с ними, когда им по полтора годика всего было. Представь себе двух милых малышек. Абсолютно одинаковые очаровательные мордашки... – тепло рекомендовала братьев Соня.

Я представила. Это было не сложно. Действительно, мальчишки были очень симпатичные. Коренастые и крепкие, как боровички. Брови черные, вразлет, как в песне. Детская лопухость у обоих братьев только добавляла задора и открытости в их чистые образы. Хотя в подростках уже чувствовалась самостоятельность и мужские задатки. Было нечто необычное в их лицах. Потом я поняла, что именно. Глаза! По законам генетики цвет должен быть жгуче черным, поскольку разрез явно восточный. Ан нет, глаза близнецов были спокойными, серыми. Соне можно было дальше не продолжать, я и так уже прониклась к ним дружеским расположением, и поняла, что у меня появились новые славные друзья.

Федор, глядя на меня исподлобья, буркнул:

– А ты здорово плаваешь. Я бы с тобой погонялся.

Я почувствовала удовлетворение и зарделась от заслуженного комплимента. Ну вот, все-таки не зря выпендривалась, хоть кто-то оценил мои старания!

– Ага, один такой уже погонялся. Теперь вот все лето в корсете ходит, – подцепил брата Пашка, и миролюбиво пояснил, вводя меня в курс дела: – Жаль, моему брату сейчас нельзя в воду, он бы точно показал всем класс. Понимаешь, он нырнул неудачно, ударился о камень и получил травму позвоночника. Пока Федор болеет, я тоже не купаюсь. Так, только иногда ноги мочу. Да мне и не хочется нисколечко...

Наивный Павлик думал, что я не заметила, с каким вождением он, в течение всего своего монолога, косится на воду. Как же сильно пацаненку хотелось купаться! Но переживания за брата, сочувствие и взрослая мужская солидарность были выше какого-то там минутного удовольствия. Я подумала тогда про Павлика: «Человек – он и в двенадцать лет уже человек».

Мальчишки присоединились к нам. Они побросали рядом свои полотенца и притащили торбу, набитую нехитрой крестьянской едой. На мешковине, из которой была пошита сумка, красовался портрет Демиса Руссо, выполненный явно кустарным способом при помощи трафарета. Пашка вытряхнул содержимое прямо к нам на покрывало и принялся нас угощать:

– Девчонки, хотите виктории?

– Не хотите, а хотите, – с учительской интонацией поправила Павлика Соня и стала категорически отказываться: – О, только не это! Пожалуйста, даже не предлагайте. Мы видеть уже не можем эту вашу ягоду. Надоела.

– Не хотите, как хотите, – тут же согласился Павлик.

Однако, полностью проигнорировав оба Сониных замечания, снял крышку с изрядно уже нагретой на солнце банки, выпуская сногшибательный аромат наружу, подставил ягоду прямо под нос Сони и, как ни в чем не бывало, продолжил свои ухаживания:

– Есть еще огурцы. Вообще не горькие. Хавайте, не стесняйтесь. Огурчики – класс, только, что с грядки.

– Хавайте... Павел! – возмутилась Соня и снова принялась за воспитание. – Культурные люди так не выражаются. Говори, пожалуйста, правильно!

Пока она боролась с пашкиной безграмотностью, я взяла пупырчатый огурчик, с удовольствием им захрустела и стала с любопытством разглядывать публику.

...Прямо в двух шагах от нас расположилась молодая семья с кучерявым пухлым малышом. Если бы не полосатые носочки на толстых ступнях-пирожках и не панамка с веселыми бегемотиками, которую ребенок без конца потешно натягивал себе на глаза, да приделать ему белоснежные крылышки... Получился бы настоящий ангелочек! Соня, любительница разного рода детенышей, не могла удержаться и вслух выражала свое восхищение:

– До чего хорошенький! Просто лапочка! Какие у него ямочки на щечках, а кудряшечки, а ручки-ножки, полненькие, как будто ниточками перетянутые.

На что серьезный Федор по-мальчишески сплюнул и осуждающе бросил: «Тоже мне родители, хоть бы штаны на пацана одели».

Но молодые родители любовались своим чадом, не слыша и не замечая никого вокруг. Мальчонка, похоже, делал свои первые шаги. Он неуклюже топал по одеяльцу, расстеленному на травке, от папы к маме, падал в их объятия и заходился счастливым младенческим смехом. Папа в процессе игры успевал всего один разок чмокнуть сына в какое-нибудь случайно подвернувшееся место, а тот уже рвался обратно к маме. Мама же, как только ребенок попадал в ее зону, одновременно успевала поправить панамку с пимпочкой и засунуть сыну в рот ложку с яблочным пюре, при этом зацеловывая ребенка во все доступные и недоступные места. Весь мир для счастливой троицы начинался и заканчивался на территории их байкового одеяла. А уж маленькому человеку, думаю, этот крошечный квадратик под солнцем, впридачу еще залитый счастливым светом родительской любви, точно казался целой Вселенной.

Я продолжала наблюдать и анализировать. Непосредственно перед нашим носом, загораживая прекрасный вид на реку, расселись две тетушки. Одна из них, та самая – с пирожками, очень полная, теперь сняла свой «матрешкин» сарафан и осталась в раздельном купальнике. Взору открылись могучие складки жира на боках и тяжелые, как кувалды, ноги. Вторая, напротив, была тощей, как спичка, зато на ней был глухой монашеский купальник, чуть ли не под самое горлышко. «Матрешка» носила перманент – мелкие-мелкие завитушки под барашка. Волосы «монашки» были скручены в чуточную фигушку. От их нагретых тел до нас периодически долетал навязчивый запах цветочных духов вперемешку с запахом пота. Чудовищное амбре! Лиц я пока не видела.

Процесс кормления соседского малыша едой из банки с румяным яблоком на этикетке и ласковым названием «Неженка» комментировался нашими соседками очень активно:

– Гляди, консервы в ребенка пихают. Разве ж это питание! Вот она, современная молодежь. Пустоголовые все да ленивые, – писклявым голосом верещала худая.

– Ужас! Ненормальные. Я вот, например, своего Валерика до трех лет грудью кормила. Так он у меня и весил больше двадцати кило. Бывало, поднимаю его, а он тяжелящий, чисто слоненок! Так там было на что посмотреть, – бубнила вторая, которую про себя я пока условно назвала «Пирожком с картошкой».

В ее словах звучала неподдельная гордость за себя и за своего раскормленного сынка.

– Семейка! На родителей без слез не взглянешь. Все бы им хиханьки да хаханьки. Никакой серьезности, – продолжала та, что с фитюлькой, а пирожок ей поддакивал:

– Не говори, не говори, Рай. Я вот, например, над сыночком своим тряслась, как орлица над орленком. Моя бы воля, я бы и до пяти лет Валерика титькою кормила. Да врачиха нам запретила. Вроде как тупеют детишки от этого.

– Да что они, доктора, понимают! – категорично заявила дистрофичная Рая и улеглась на живот, мимоходом окатив нас взглядом маленьких колючих глазок.

По недоброму ее взгляду я поняла: в следующий раунд публичных обсуждений попадаем мы. Что ж, Сонька в своем неприлично новом и наверняка дорогом купальнике, я со своими черными коленками и впалым животом, шумные близнецы, которые разбросали свои сандалии

по всей поляне, опять же, один из них в непонятном корсете, а второй в допотопной пилотке – да мало ли до чего можно докопаться, и чем еще мы можем заслужить внимание этих специалистов по всему на свете... Но теток, похоже, на жаре развезло, а толстая даже всхрипнула – видать, наше время еще не пришло.

В разгар июльского дня народ на поляне расслаблялся, кто как мог. Захватив незаконно большую площадь и намертво перекрыв отдыхающим спуск к воде, расположилась шумная пестрая компания из мужчин и женщин. Будучи уже изрядно навеселе, мужички и разбитные молодые бабенки резались в карты, не забывая о жбане с «Жигулевским». На расстеленной вместо скатерти газетке картежники кучками разложили уже почищенную янтарную воблу и мелких окуньков. Запах вяленой рыбки, отнюдь не противный, порою достигал и нашего носа. Надо отметить, игра велась почти в рамках приличия. Лишь иногда тот, кто оставался в дураках, однократно ругался от досады, но не зло. Проигравший послушно подхватывал емкость с пивом и оттаскивал ее к воде – я так полагаю, охладиться. В минуты отсутствия заветного жбанчика народ заметно грустнел.

Я смело подставляла загару спину в полной уверенности, что не должна уже сгореть: уж моя-то задубевшая кожа готова ко всему. Однако солнце скоро довольно ощутимо стало пощипывать меня за шею и плечи... Ничего, потерплю, хотя бы спина ровно загорит. Когда лежишь на животе, в поле зрения попадают разнообразные травинки, стебельки, тростинки, в изобилии торчащие прямо перед носом, представляющиеся мне рослыми деревьями; Сонины мурава вообще простирается вдаль тропическими джунглями, а я сама себе кажусь маленькой букашкой... Вот не знала, что созерцать растения на уровне глаз в непосредственной близости от себя – такое удовольствие. Вот кашка – или клевер, по-научному. Я сорвала сочный сиреневый цветочек. Если попробовать на зуб, кончики тычинок окажутся прохладными и сладковатыми. А у белой кашки цветы не такие сладкие, зато больше пахнут медом. Твердые колоски подорожника уже почти созрели и вот-вот начнут пушиться.

– Курочка или петушок? – прервал мою медитацию Пашка, срывая травинку с пышной метелкой, заметив мой интерес к живому гербарии.

– Курочка, – не задумываясь, ответила я.

– А вот и нет! Смотри, настоящий петушиный хвост получился, – ликовал мальчишка, когда проделал с травинкой простой фокус, резко собрав метелку в пучок.

– Теперь я! – мне тоже захотелось поэкспериментировать с растением. – Отгадай, курочка или петушок?

– Детский сад! – осудила нашу игру важная Соня. Она говорила абсолютно серьезно и моргала, как ученая сова.

Я почти не обратила внимания на ее критику: не до того было! Близнецы устроили нам настоящий праздник еды. В ход шли огурцы, и ядреная сочная редиска, и едва народившаяся, еще не набравшая ни цвета, ни вкуса, молочная морковка, и даже несколько зеленых помидорок, у которых только-только начали буреть бока. Все это хрустело, раскалывалось, лопалось, исходило соком и перемалывалось в крепких молодых зубах. Как бы животы не заболели! На всякий случай я спросила братьев, мытые ли овощи.

– А какие же еще? – последовала обиженная реакция Федора. – Я сам лично все прополоскал в бочке.

В бочке?! Соня предостерегающе расширила глаза и хотела что-то сказать, но... на время потеряла нить разговора, поскольку была сильно увлечена. Сейчас она практически одна поглощала ненавистную ей клубнику и добралась уже до середины банки, мотивируя свои нелогичные действия тем, что ягоду необходимо срочно ликвидировать, так как сладкий запах может привлечь разных мух, переносчиков заразы. Не отрываясь от процесса, Соня вернулась к затронутую теме и пыталась похихикать над Федором: «Представляю себе, какая родниковая вода в той бочке».

Не позволю насмеяться над парнем, который порадовал нас свежими овощами, что так смачно все сейчас рубают за милую душу! И я, не оставив подруге даже шанса испортить мне аппетит, дала ей достойный отпор:

– Зато я теперь знаю, кто такая плодояжка!

– Кто? – спросила Соня, по инерции запихивая очередную самую крупную ягоду в рот, никак не ожидая от меня подвоха.

Смеялись все – и мальчишки, и те, кто загорал поблизости, и сама Соня, которая поперхнулась и на момент веселья наконец-то прекратила навораживать «ненавистную» ей ягоду.

Перекусив, я вновь наткнулась взглядом на свои ноги и стала с пристрастием изучать торчащие чашечки моих несчастных коленей. Так и есть! Ни черта не отмылись. Но тут я вдруг с удивлением заметила, что кожа после купания стала атласной. Видно, солнце и вода постепенно делали свое дело. Лучи обеспечили бронзовый загар, который выровнял цвет и устранил имеющиеся несовершенства, а вода отшлифовала икры и бедра и еще больше закрепила эффект красивых ног. Вот так открытие! Оказывается, обладательницей дивных длинных ножек был не кто иной, как я сама! Похоже, предсказания феи начинают сбываться. Дурнушки превращаются в красавиц. Позвольте, а где же тогда обещанные принцы?

Я огляделась. Вариантов не было. Близнецы не в счет – слишком для нас малы. Команда пляжных волейболистов к тому времени уже практически распалась. Осталось только самое стойкое, оно же самое слабое звено игроков – три девушки, которые тщетно пытались выжать из мяча хоть какой-то прок, дабы возродить былую яркую игру. Остальные члены некогда дружной команды куда-то испарились.

В поле моего зрения периодически попадал одиноко лежащий молодой человек. Взгляд не раз наткался на его неподвижное тело. Но понять, насколько незнакомец молод и годится ли он в принцы – было невозможно, поскольку тот спал, прикрывшись развернутой газетой «Труд».

И я перестала обращать на него внимание.

Глава 7. Солнечный удар

*Даже солнце светит по-особому
С той минуты, как увидела тебя*

Из песни

Кумушки с соседского покрывала вновь ожили, слегка передохнув после трапезы, и опять намывали кому-то кости. Сейчас они добрались до некой Тоньки, продавщицы из КООПторга – воровки, лентяйки и страшной засранки, у которой, якобы, в огороде все само так и прет, так и прет! «А мужик ее, шобфер с автобазы, баньку новую срубил на ворованные деньги». Никакими доказательствами фактов воровства, конечно же, тетки не располагали, но в собственные гипотезы верили свято. И ничего, что их обвинения клепались на ходу – раз сами в них верили, значит, так оно и было!

Окружению не было надобности прислушиваться к их сплетням. Хочешь, не хочешь, информацию закачают вам в мозги и так. Пронзительные голоса разносились по поляне и, вероятно, охватывали площадь радиусом со стадион. Я лениво думала: «Охота им в такую жару языками чесать?». А Соня сказала неожиданно зло:

– Надоели. Как же! У соседей завсегда и трава зеленей. Сдохнут ведь скоро от зависти.

...Если я скажу, что мы с Соней ничего не имели против таких вот вредоносных личностей, то совру: с похожими фигурами нам уже доводилось сталкиваться. И откуда они только берутся? Мне припомнилось, как однажды мы имели неосторожность в мороз под тридцатник заскочить в чужой подъезд, чтобы согреть озябшие руки на батарее. Внезапно из дверей напротив выскочила всклокоченная тетка в замызганном халате и с помойным ведром наперерез. Вместо того чтобы направиться туда, куда шла, а именно – к мусоропроводу, она как давай нас отчитывать! Вот тогда мы и узнали, кто мы есть на самом деле. Оказалось, мы с Соней – «две профурсетки», что прокурили всю лестничную площадку, что «шлындаем» целыми днями по подъездам, стены поганим, и вообще – по таким как мы плачет детская комната милиции. На штукатурке действительно зияла предупредительная надпись «Осторожно, злой бульдог!», но выполнил ее кто-то до нас. Стрелка четко указывала на дверь квартиры, откуда выползла змея. Раньше я думала, профурсетка – это что-то безобидное, ну, типа гимназистки, или легкомысленной барышни, но по презрительному тону, которым нас клеймили, догадалась: «Нет, пожалуй, в смысл этого слова жиличка «нехорошей» квартиры закладывала нечто другое – мерзкое и грязное». На наши логичные вопросы: «Не путают ли нас с кем-то?» и «Что, собственно, такого плохого мы сделали?» вместо ответа мы получили лишь дополнительную порцию незаслуженных оскорблений, в сопровождении ора и брызганья слюной...

– Девчонки, а хотите на лодке покататься? – сквозь трескотню соседок услышала я звонкий Пашкин голосок, который отвлек меня от воспоминаний.

Деятельный мальчишка прямо-таки не знал, чем бы нас еще удивить. Да и самому пареньку, видно, не терпелось любыми путями подобраться поближе к воде.

– Разве что – на яхте с алыми парусами, – подтрунивала над юным кавалером Соня.

На этот раз она не сделала никаких замечаний Павлику: то ли потеряла бдительность, то ли смирилась с недочетами в его речах, отражающими, по сути, его щедрую натуру.

– На яхте пока не получится... – ответил он, наивно хлопая ресницами, видимо, абсолютно не понимая Сониных литературных намеков, и указал пальцем на спящего человека.

– Видите того дяденьку? У него там, за кустами, лодка привязана. Давайте попросим покататься. Говорят, он нормальный мужик. Нам-то точно разрешит!

И не успела Соня открыть рта, чтобы сделать замечание по поводу того, что тыкать пальцем в людей крайне неприлично, как ушлый наш герой уже стоял навтыжку перед «дяденькой». Мы тоже все трое подскочили, ожидая, что же будет дальше.

Мужчина приподнялся на локте, сбросив газету с лица, спросонья шурился и рассеяно глядел на новоявленного солдата. Обе тетушки встрепенулись, подбоченились, хором поправили прически и на миг замолкли, прислушиваясь к разговору. Пашка энергично излагал свою просьбу, жестикулировал и беспардонно несколько раз направил перст теперь уже в нашу сторону. Молодой человек кивнул, резко поднялся во весь свой немалый рост и пошел на нас.

Непостижимо, когда, в какой момент, с неба снизошло озарение! Я узнала его! Узнала и сошла с ума в одно мгновение. Сердце ухнуло и покатилося куда-то вниз, язык отнялся от внезапности и сказочности происходящего, невероятное волнение парализовало тело, и безошибочная интуиция моя не просто подсказала, она прокричала мне: «Это ОН!». Какое-то время, видимо, по инерции, мозг еще работал исправно и мог фиксировать детали: «Так, кажется, на обезьяну не похож. И на усатого генриеттинового кавалера тоже. Да он красив, как молодой античный бог!». Подходящая для случая меткая фраза пронеслась в голове: «Я вышел ростом и лицом, спасибо матери с отцом»... Атлетическая фигура, короткая темная стрижка, яркий пронзительный взгляд. Этот взгляд был обращен на меня, и даже когда незнакомец разговаривал с моими друзьями, он все равно смотрел только на меня. Мне казалась, что я теряю равновесие только от одного его присутствия, чего уж говорить об острых стрелах во взгляде парня, пронзивших насквозь мою оболочку. Кажется, никто из окружающих ничего не заметил. Изнутри же меня потряхивало крупной дрожью. Во всех точках, где обычно прослушивается пульс, я чувствовала оглушительное биение крови. Кажется, мне было слышно даже собственное сердце. Сейчас оно гулко и учащенно колотилось в десять раз быстрее, чем обычно. А еще кружилась голова. Поразительно, как я еще в обморок не грохнулась!

В это время владелец лодки, широко улыбаясь, обратился к нам с Соней:

– Девушки, надеюсь, вы грести умеете? Мотор-то у меня плохонький.

У него был сногшибательный голос. Сильный, густой, при этом с легкой волнующей хрипотцой. Вроде и сказал человек две обычные фразы, но от вибрации его голоса внутри все затрепетало, и меня вообще заклинило. Отвечая на его вопрос, я просто отрицательно мотала головой, не в силах выдать из себя и слова.

А Соня удивленно, словно все должны быть в курсе ее фобий, воскликнула:

– Я?! Да что вы! Какой там грести? Я и в лодку ни за что не сяду!

– Что так?

– Я воды боюсь, – честно призналась девчонка.

– Вы тоже воды боитесь? – обратился он ко мне, мягко дотронувшись до моего плеча.

В его вопросе почему-то присутствовали нотки сомнения.

Говорить я по-прежнему не могла. Меня буквально приковали к месту магнетический взгляд и голос незнакомца. И теперь, изменив манеру изъяснения, с минуса на плюс, я закивала. За мою непоследовательность мне досталось. Пашка совсем не по-джентльменски пихнул меня локтем под бок, что означало: «Ну, что же ты! Скажи, что умеешь». И вслух за меня ответил:

– Да не боится она ничего, и грести умеет. Просто, так, чего-то растерялась.

– Вот и славно. Тогда расклад такой. Пойдем далеко. Течение дальше серьезное. Пока я вижу, в вашей команде только один боец в строю. Предлагаю девочек в расчет не брать. Они у нас пассажирки. Ты будешь помощником капитана, – решительно указал незнакомец на Павлика и пояснил: – Сожалею, что твой раненный брат не может грести – зато отлично

может командовать. Значит, он и станет у нас капитаном. А уж меня вам придется взять в свою команду матросом. Ну, как? Идет?

Молодой мужчина разговаривал с нами, как с детьми, каковыми мы, в сущности, для него и были, но без капли превосходства или насмешки. Он четко уловил, что близнецы при внешнем своем сходстве – абсолютно разные внутри, и безошибочно определил лидера в их дуэте. Я подумала, что Федор, наверное, не пережил бы, если бы хозяин лодки распределил полномочия между братьями наоборот. В результате ни Соня, ни ребяшня, с их подростковым гонором, даже не заметили, как легко незнакомец все обратил в игру. Не мог же взрослый человек подвергать опасности детей, оставив их одних на воде, поэтому и предложил себя в качестве матроса. Организационно-разъяснительная работа была проведена корректно, без сучка и задоринки. Святые мальчишеские чувства не были задеты... И мы с Сонькой, вроде, тоже при деле.

Из шока я до конца еще не вышла, но оценить поступок нового знакомого уже была в состоянии. «Хитрый. Какой гениальный подход подобрал к детям! Макаренко отдыхает», – подумала я чуточку с иронией. Под детьми я, естественно, имела в виду пацанов и Соню, но ни в коем случае – не себя.

Итак, переговоры состоялись. Постановили, что плывем все вместе, в сопровождении старшего товарища. Он направился к воде отвязывать лодку, бросив нам на ходу:

– Спускайтесь минут через десять, я подгребу к «купалке».

Но за десять минут ситуация в корне поменялась. Соня, как ее ни уговаривали, категорически отказывалась от прогулки по реке. Не успели братья смириться с ее самоотводом, как вдруг на поляне появилась очень миловидная, изящная, как рюмочка, молодая женщина в пестром простеньком ситцевом платье, с черными блестящими волосами и черными же миндалевидными глазами. Она подошла к нам решительным шагом, приветливо поздоровалась со всеми и негромко скомандовала:

– Ребятишки, домой! Дядя Захар за вами на ГАЗике приехал. Дождались, наконец, вы своей рыбалки. Давайте, быстренько, быстренько. Не копайтесь... Мне вас еще в дорогу собирать.

В первый момент братья сильно растерялись. Они терзались двояким своим положением. На мученических лицах можно было прочесть следующий текст: «Черт, как перед девчонками неудобно! А перед хорошим человеком неудобно вдвойне. Сами кашу заварили с этой лодкой. А как же рыбалка? Ну, не отказываться же. Ведь целый месяц ждали, деньки считали, снасти готовили...».

Раздумывать нашим орлам было некогда. Да и выбора сыновьям их миниатюрная мама не оставила. Дамочка очень торопилась, и буквально через мгновение ее пестрое платье исчезло с поляны – точно бабочка присела на лужайку, покачала крылышками, удивила всех своей расцветкой, раз – и упорхнула.

– Девчонки, так вышло, – виновато и грустно развел руками Пашка, добрый наш паренек. Федор тоже извинился, немного коряво:

– Да ладно, сами тут разберетесь, не маленькие...

Ну, что ж, как умел.

Друзья собрались за одну секунду и потопали, оба заметно расстроенные: Федор шел резвым шагом, но с поникшей головой, а Павлик плелся сзади, волоча по траве «Демиса Руссо», набитого так и не востребованными полотенцами. Напоследок братья по несколько раз оглянулись, как будто что-то потеряли на берегу.

Я поняла, что в семье близнецов команды матери не обсуждаются, капризничать не принято, и это, похоже, незыблемое правило. Меня мучил вопрос: «Как маленькой хрупкой маме

удалось родить двоих здоровуших парней? Да еще и воспитать пацанов как надо!». Но мою уважительную точку зрения, оказывается, не все здесь разделяли. Наши зрительницы, на глазах которых разыгрался весь спектакль, начиная от успешных переговоров и кончая бесславным удалением актеров со сцены, стали делиться друг с другом впечатлениями от просмотра, по-своему трактуя события:

– Нарожают без мужа, а смотреть за ими не хотят. Вот дети потом себе позвоночники и ломают, – разразилась обличительной речью толстуха, отчего в ее мясистых ушах всколыхнулись крупные янтарные серьги.

– Ох, и не говори, Минерва. Опять ребятишек сплавляют куда-то. Лишь бы не заниматься ими. Бедные дети. А кормят чем? Едят, что попало. Что нашли в огороде, то и съели, – немедленно ожила ее дистрофичная подруга.

У меня сразу родилась неприличная рифма: «Минерва – толстозадая стерва», и возникло большое желание поделиться этим афоризмом с Соней, но я сдержалась, решив не уподобляться грубиянкам. Хотя, само по себе имя толстухи мне показалось интересным. Звучное и редкое. По крайней мере, я раньше не знала, что такое имя вообще существует в природе.

Тетки неуклюже, как тюлени на льдине, ворочались на своей подстилке перед самыми нашими носами с боку на бок, будто охотились за солнцем. Я подумала: «Им точно уже хватит. Судя по бреду, который они несут, обе давным-давно перегрелись». В данный момент женщины усиленно подставляли фасад лучам на расправу, а нам на обозрение, и я в деталях смогла разглядеть их лица.

У Минервы кроме тройного подбородка и сережек была еще одна особая примета: то ли большая родинка, то ли бородавка светила во лбу, как путеводная звезда. На нервном лице Раисы больше всего выделялись губы, накрашенные толстым слоем алой помады, столь неуместной здесь, на пляже; когда она открывала рот – мне виделась в ней большая рыба. Только рыбы существа безмолвные и, как правило, безобидные, чего я никак не смогла бы сказать о нашей героине.

– Сонь, ты случайно не знаешь, нафига рыбе зонтик? – шепнула я на ушко подруге и хихикнула.

Соня поняла меня с полуслова.

– Ты про помаду? – шепнула она мне в ответ обрадовано. – А я думаю, кого мне эта говорящая голова напоминает? Точно! Лучеперую рыбу! Как сейчас вижу страницу из учебника по зоологии с нарисованным на ней рыбьим скелетом.

Вообще-то мне сильно не нравится, когда костерят людей за глаза. Вот ведь подлые – и нас заразили своим дурным примером.

Они будто ждали, когда ребятишки со своей мамой уйдут, и еще больше активизировались.

– Слушай, Раечка, что скажу, – склонилась к уху подруги Минерва, вроде как хотела поделиться с ней большим секретом, однако даже громкость не удосужилась убавить, – родилась она от женатого! Представляешь?

– Да ты што!!! – Рая так бурно среагировала на новость, что подскочила от земли, наверное, на метр.

Волна возмущения накатила на Соню, и в отместку за грязные сплетни она тоже во всеуслышание заявила:

– Если бы у нас были такие мамы, мы бы удавились.

Возникла короткая пауза. А затем «большая бородавка» выдала реплику, которой насмешила весь пляж:

– Вишь, Раиса, девчонки зеленые – и те понимают. Гляди-ка, даже удавились бы! Правильно. Да таких мамаш близко к детям близко подпускать нельзя! – все больше распалялась она. – Наплодят безотцовщины, а потом из их уголовники вырастают.

Мне даже стало слегка неудобно. Гуманно ли смеяться над людьми, которые так безнадежно глупы?

Рыбоподобная Рая вторила подруге:

– Ага. Ага. Беспризорниками да бандитами растут при живых матерях. Точно. Тут любой бы удавился. При таких-то матерях...

После этих ее слов мы окончательно поняли, что бороться с хамством, когда оно в крови, дело неблагодарное.

Десять минут уж давно пролетели. И даже двадцать. Мы спохватились. Ведь поневоле подвели нового знакомого. Было очень неловко перед парнем. Как теперь выкручиваться? Надо бы извиниться и отказаться от навязанного Павликом, теперь уже никому ненужного, катания.

– Сонь, пойдем, предупредим человека, что никуда не едем.

– Да ладно, и дураку понятно, что мы передумали.

– Ну, не ленись, пойдем. Дело одной минуты.

– Ладно, – нехотя поднялась Соня и с непробиваемым упрямством заявила: – Учти, в воду не полезу!

Пока мы спускались, я, переживая страшное смущение, все же решилась задать Соне один вопрос, который меня сильно будоражил. Я набрала побольше воздуха и постаралась спросить как можно нейтральной:

– Сонь, правда, у этого нашего нового знакомого голос совершенно необыкновенный? Скажи... Или мне просто показалось?

– Голос как голос. Я лично ничего особенного не нахожу, – совсем по-будничному отвечала она, озабоченная, похоже, лишь тем, как бы ее силком не затащили в реку.

Я не стала спорить с подругой. Хотя знала – мне точно ничего не показалось. Но не буду же я сейчас рассказывать Соне, что чуть было не вознеслась на небеса, когда тот парень просто бросил несколько слов в моем присутствии. Может, тогда со мной случился солнечный удар? Вот и сейчас, по мере приближения к лодке, те же знакомые симптомы: дрожь в коленках и затрудненное дыхание. Видно, это уже последствия удара. Нет, не зря Людмила Ивановна нам твердит всю дорогу: «Нынче солнце чересчур активное – ради Бога, девчонки, прикрывайте голову»...

Мы спустились к воде. Новый знакомый уже нас заждался:

– Ну что же вы? Прыгайте!

И протянул мне руку.

Я сначала плюхнулась на сиденье, а уж потом подумала: «Зачем же я, малохолдная, в лодку-то залезла?» Но потом стала себя уговаривать: «Ладно, прокатимся для галочки, не убьет от нас. Хоть как-то реабилитируемся перед пашкиным «дяденькой». Я не учла одного. При виде лодки, раскачивающейся на волнах, Соня затряслась, как осиновый лист, и уперлась, как баран:

– Нет, не поеду, хоть убейте.

На боку ветхого суденышка красовалась многозначительная надпись: «Грозный». Столь грозное название еще больше напугало девчонку. В ее глазах застыл ужас.

– А где же ваша инициативная группа? – удивился владелец лодки.

– Какая еще группа? – тупо спрашивала Соня.

– Ну, ваши верные оруженосцы?

– Вы уж, пожалуйста, простите мальчишек. Их мама срочно домой забрала. Они действительно не ожидали, что так получится, – она от чистого сердца извинялась за своих юных друзей, театрально приложив ладонь к груди.

– Мама – это святое. Что ж... тогда пойдем ограниченным составом. Не зря же я вас столько ждал. Ну что, вы готовы? – бодро спросил молодой человек, обращаясь ко мне, а в глазах вспыхнули озорные смешинки, какие обычно живут в глазах добрых дедушек Морозов.

На Сонькиной растерянной мордочке отразилось заклинание: «Только бы не затащили! Только бы не затащили!». На всякий случай, она отошла на безопасное от лодки расстояние, и теперь, почувствовав уверенность, бойко тараторила, совершенно игнорируя мое присутствие:

– Ну, вот и ладно. Она это дело любит. Она вообще обожает воду и плавает, как рыба. А ныряет вообще, как морской котик. Катайтесь сколько душе угодно! За меня не переживайте. Я не заскучаю. Я лучше пока с девочками в волейбол поиграю. А вы плывите себе, наслаждайтесь сколько угодно природой, погодой, рекой...

Она грузила незнакомца ненужной информацией, а меня ставила в дико неудобное положение. Как будто я страсть как жаждала прогулки, и душевная подруга мне наконец-то все устроила. Ну, спасибо тебе, дорогая Сонечка!

В результате, я осталась крайней во всей этой странной ситуации. Ну, что ж, придется отдуваться за товарищей одной.

Тогда я еще не предполагала, что никогда в жизни не пожалею об этом.

Глава 8. На Край света

Капитан «Грозного» мощным толчком сдвинул свой корабль с мелководья, ловко перемахнул через борт – и оказался на веслах лицом к лицу со мной. Он начал энергично грести, и наше судно стало живо отдаляться от земли. Я помахала рукой и мысленно пожелала Соне и всем, кто остался на приветливом солнечном берегу: «Счастливо оставаться! Не поминайте лихом! А я отправляюсь в далекое путешествие по этим зеленым, исполненным величия волнам, не спеша катящим свои воды неведомо куда».

Совсем скоро мы оказались на приличном расстоянии от берега: его беспокойные звуки слышались теперь в отдалении. А здесь почти тишина: только осторожное касание весел, плавный шелест от скольжения по воде и ритмичное дыхание спутника. Мы молчали... Незнакомец вдруг перестал грести, и лодка почти замерла на месте. Он с усилием дергал за шнур, пробуя завести мотор, и вслух комментировал свои действия:

– Схватывается все-таки! Значит, шанс, хоть и ничтожный, но есть. Мотор, конечно, малосильный, но попробовать надо. Все не на веслах упираться.

Боже, опять этот сводящий с ума голос! Правда, сейчас я переживала знакомое мне явление значительно легче. В сидячем положении все-таки не так критично, когда ноги вдруг внезапно делаются ватными и перестают тебе принадлежать.

С попытки двадцатой, наверное, все-таки завелись и медленно поплыли против течения, истошно тарахтя на всю округу и оставляя за собой бензиновый шлейф. В первый момент я даже уши заткнула. Парень прокричал мне сквозь стрекот, как бы извиняясь:

– Не успел еще толком с двигателем разобраться. Барахлит, зараза. Приобрел только вчера по случаю. Русским языком толкую мужику: «Даром мне твоего добра не надо», а он твердит и твердит свое: «Все равно, – говорит, – пропью. А в добрые руки и даром не жалко». Вот и взял, на свою голову... Не пропадать же технике!

Капитан, он же теперь и старший механик, прислушался:

– Черт! Троит, движок-то. Да сильно троит!

Какое-то время мы еще перемещались на автоматическом ходу, но вскоре из корпуса двигателя клубами повалил черный дым, последовало два громких хлопка, и мотор благополучно заглох. Стало тихо.

– Финита ля комедия! Этого и следовало ожидать, – без малейшего сожаления констатировал водитель бывшего моторного катера. – Ну что ж, значит – разойдемся.

И взялся за весла.

Я украдкой поглядывала на своего попутчика. В упор изучать человека было неловко, хотя ой, как хотелось! Взгляд выхватывал из общей картины пока лишь отдельные фрагменты: то босую ступню, гладкую, как у древнегреческой статуи; то мускулистые руки – тоже хоть скульптуру с них лепи; то сильную шею.

...Как-то мы с Соней купили с рук билеты на спектакль в Оперный театр и оказались на последнем ряду амфитеатра. Там в нише, прямо за нашими спинами, на расстоянии вытянутой руки помещалась копия статуи работы неизвестного нам античного мастера, которая меня тогда сильно зацепила. На одной руке молодого мужчины сидел мраморный младенец, а другая высоко поднимала большую гроздь винограда. «Ясно, что это бог, но бог чего? Может, вина? – гадала я. – Но причем тогда ребенок?». И все же, главное состояло не в том, какое именно божество отображало изваяние. Меня так заворожила красота мужского тела в скульптуре, что я без конца оборачивалась назад, пытаясь получше рассмотреть детали. Сонька одергивала меня, горячо дуя мне в ухо:

– Эй! Чего это ты все оглядываешься? Строение поперечно-полосатых мышц изучаешь? Прекрати. Неприлично.

А я шепотом ей отвечала:

– Сонь, ну согласишься, красиво же! И вообще, интересно.

– Еще бы не интересно, – заявила она громко и без прикрас, не стесняясь интеллигентной публики, – мужик-то голый!

Соня отчасти оказалась права, как и тот мальчик в сказке о голом короле, что разом вывел на чистую воду льстецов из королевской свиты. Только, в отличие от неприглядной наготы обрюзгшего монарха, здесь было на что посмотреть. Не ясно, правда, поддержала меня в тот момент подруга или просто иронизировала в своей обычной манере, но факт остается фактом: Сонька меня раскусила...

Тем временем загорелый герой, кровь с молоком, легко, без особых усилий работал веслами, не сбиваясь с ритма и намеченного курса. Что это – дежа вю? – пришло на ум новомодное выражение, которое я слышала от моей продвинутой тети из Ленинграда. Она всегда старалась идти в ногу со временем и охотно мне объяснила, что в переводе с французского оборот означает «виденное ранее». Кажется, мне доводилось уже наблюдать нечто подобное, только не в театре, а в реальной жизни. Рельефные мышцы спутника наливаются при каждом гребке, а без того широкие плечи разворачиваются на всю богатырскую мощь. Ну и кулачищи у этого парня! Я читала: сердце у человека размером как раз с его кулак. Выходит, сердце добра молодца, что сидит сейчас напротив и мило улыбается, довольно приличных размеров, примерно с небольшую дыньку. Есть такой «беспроегрешный» сорт – «Колхозница» называется. Ох, и сладкая...

Солнечный зайчик скакал по лодке, по деревянным перекладинам, на которых я сидела, и по моим подкопченным лодыжкам. Только совсем уж невнимательный человек не заметил бы обручального кольца на безымянном пальце правой руки мужчины: тонкий ободок из розоватого золота отбрасывал мельтешащие блики на все предметы подряд при каждом вдохе и выдохе хозяина. Ого! Сколько же ему лет? Молодой человек, судя по колечку, не так уж молод. Он, похоже, не замечал, что я исподтишка его разглядываю: слишком был занят веслами, стараясь преодолеть довольно сильное течение, настигшее нашу шлюпку в этом месте реки. Когда течение отпустило, парень прервал молчание:

– Простите, можно задать вам несколько вопросов? – спросил он, притворяясь строгим преподавателем и изучая меня соответствующим взглядом.

Я опять безмолвно закивала головой, а парень хитро улыбнулся и произнес:

– Тогда ответьте, пожалуйста, а вы вообще-то разговаривать умеете?

Лукавые искры, то и дело проскакивающие в его внимательных глазах, и сквозящая теплая интонация в голосе выдавали истинное отношение ко мне. Отношение взрослого дяди к неразумному ребенку. Мне даже показалось, что капитан называет меня подчеркнуто на «вы» неспроста, а преследуя некие педагогические цели.

– Естественно! – вдруг прорвало меня.

Получилось настолько непривычно звонко, что я сама вздрогнула. Неужели и впрямь отвыкла говорить? Это что же? Оказывается, до сих пор в присутствии нового знакомого мною не было произнесено ни единого слова!

– Вот и славно, – обрадовался собеседник, – тогда мой второй вопрос: А как же зовут вас, прелестное дитя?

– Меня Полиной зовут, в честь бабушки. Хотя, на самом деле она у нас Павлина. Вообще-то, это одно и то же. Ну, Полина и Павлина, – зачем-то длинно объясняла я и сама себе удивлялась: «Чего это мне вдруг вздумалось вываливать постороннему человеку совершенно ненужные подробности?»

– У вас очень красивое имя.

Мысли, мелькавшие где-то в отдалении, слабенькие, беспомощные, – хотя, надо признаться, еще совсем недавно я частенько бывала на них зациклена: о том, как выгляжу со стороны, да что человек обо мне подумает, – теперь вряд ли могли меня остановить...

В памяти мгновенно всплыло все, что рассказывала мне бабушка о характерных особенностях девушек с нашим общим именем. Оказывается, Полины иногда могут показаться окружающим нерешительными, но это далеко не так. Они из тех, про которых говорят «В тихом омуте черти водятся». Вспомнив столь важную деталь, я решила тут же показать собеседнику, что я вовсе ни какая-нибудь мямля, и выпалила:

– Меня мое имя тоже устраивает. Только я вам не дитя!

– А кто же?

– Просто человек.

– Хочу вам, Полина, со всей ответственностью заявить, что вы не просто человек, а хороший человек. Только не обижайтесь, пожалуйста. Могу я задать вам мой последний вопрос – вас ваша мама не потеряет?

– А вас ваша жена? – парировала я и сразу почувствовала, что перегнула.

Совсем не хотелось обижать нового знакомого. Разве, что так – слегка полюбопытствовать.

Парень весело рассмеялся и пробормотал:

– И правда, большая девочка. И вопросы вполне конкретные.

Он шутивно приложил руку к голове, словно военный, который обращается к старшему по званию, и отрывисто отчитался:

– Докладываю. Никак нет. Не потеряет. Жена и дочь уехали в Анапу. Отдыхать по путевке.

– А вас почему с собой не взяли? – несколько бесцеремонно допытывалась я.

У меня еще были свежи впечатления от семейной идиллии на одеяле, а очаровательный белокурый ангелок, которого так дружно лелеяли папа с мамой, до сих пор так и стоял перед глазами. С тех недавних пор я решила, что в счастливых семьях родители и дети всегда неразлучны, потому и счастливы. Но, видимо, пока у меня еще не было достаточных знаний, чтобы делать правильные выводы о жизни молодых семей. Оказывается, семейному человеку совсем не обязательно все время торчать подле второй половины и своего чада, чтобы выглядеть вполне счастливым.

– Путевка называется «Мать и дитя». Я ж не мать и не дитя, как видите. Потому меня и не взяли.

– Понятно...

Теперь настал мой черед объясниться:

– Меня мама тоже не потеряет. Она в городе. Если кто хватится, так это только тетя Люся, Сонина мама. Я же у них сейчас гощу.

– И как вам в гостях живется? Хозяева не обижают?

Я совсем осмелела. Мало того, у меня вдруг появилось нужда делиться впечатлениями от нынешнего житья-бытья. Что-то подозрительно быстро сумел расположить меня к себе практически незнакомый мне человек...

– Ой, что вы! Людмила Ивановна такая замечательная. А с Сонькой мы вообще всю жизнь дружим. Мне с ними очень комфортно. Вы знаете, они познакомили меня с уникальной старушкой. Таких людей в природе больше не существует. Она на добрую фею очень похожа, – я совсем раскрепостилась и готова уже была посвятить нового знакомого в мир своих ощущений.

– О! Так вы уже знакомы с местной достопримечательностью? Я так понял, вы имеете в виду Светлейшую?

– Нет, нашу по-другому зовут – Генриеттой Мирославовной.

– Все верно. Мы с вами имеем в виду одного и того же человека. У нее фамилия – Светлейшая.

– В самом деле? Разве такие фамилии бывают?

– А какой еще должна быть фамилия у человека без грехов и недостатков? Барышня – крестьянка благородных кровей с массой чудачеств и бездной талантов. Заметили, что она всегда босая? Прямо граф Толстой. А еще может погоду предсказать точнее Гидрометцентра. Вот, к примеру, в прошлом году вдруг ни с того ни с чего заявила: «Лета не будет!». И что вы думаете? Ведь не было! Но главное, людей лечит до сих пор, невзирая на возраст. Очень ее уважаю. Светлейшей души она человек, – попутчик умолк и с грустью задумался о чем-то своем.

Я вспомнила, что до сих пор не знаю, как зовут моего собеседника и воскликнула:

– Ой, а вы мне так своего имени и не сказали!

– Неужели? Зато выдаю характеристики на членов садового товарищества. Ну, что ж, разрешите представиться: Алексей Юрьевич. Можно просто Алексей. Близкие друзья иногда величают Алексом.

И он, перестав грести, протянул мне свою ладонь.

Рукопожатие получилось очень горячим. Я, смущаясь, спрятала свою руку за спину. Никогда раньше ничего подобного не испытывала. Ладонь запылала, а от нее занялись пламенем лицо и уши. Сердечко дрогнуло и куда-то понеслось. В ушах опять слышалось его частое биение. Из-за этих внезапных метаморфоз благоразумие вновь покинуло меня, я и сморозила:

– Ух ты! Почти как Гагарина.

И спохватилась: вот никудышная, ляпнуть такую глупость! Нет, чтобы ответить стандартно: «очень приятно», да и все.

– Пожалуй, разница невелика: Юрий Алексеевич, Алексей Юрьевич, – усмехнулся парень. – Ну что ж, Гагарин, так Гагарин. Тогда – поехали!

И стал грести с утроенной силой.

От колоссальной отдачи лодка буквально за минуту совершила невиданный рывок. Похоже, наше рукопожатие и на молодого человека подействовало необычным образом. Будто от моей руки капитан принял хорошую порцию допинга. А еще мне показалось, что в один миг он на что-то решился: уж слишком отчаянным огнем сверкнули смородиновые глаза, и движения стали волевыми и дерзкими. Однако, так ли это на самом деле, доподлинно мне было не известно. Я ведь могла и навывдумывать себе Бог весть чего. Благо, с фантазией у меня полный порядок. Может, гребец просто-напросто грамотно использовал передышку? Пока мы пожимали друг другу руки, он, вероятно, успел восстановить силы – вот и набросился на весла с такой жадностью.

Рука по-прежнему горела огнем. Чтобы охладиться, я свесила ее за борт... Получился маленький волнорез: сквозь прозрачную линзу зеленоватой воды и хрустальные брызги я видела свою расслабленную, обожженную страстью кисть.

– Я тоже люблю так делать, – обронил попутчик, заметив мои манипуляции, – особенно здорово на хорошей скорости, когда лодка на глиссирование выходит.

После такого признания во мне сразу проклюнулось безотчетное тепло к моему новому знакомому. Так вот оно, то самое чувство дружеской солидарности, основанное на общности интересов, о чем нам талдычат на уроках обществоведения!

Я оглянулась назад. Дачный поселок остался далеко. Приближались к следующей деревушке, разбросанной по склону холма. Уже можно было разглядеть тусклые крыши изб и церковь. Благодаря хорошей тягловой силе, наш весельный баркас легко преодолевал течение и волны и, судя по настроению капитана, любые расстояния ему были по плечу.

Я маялась, не зная, как будет лучше обратиться к новому знакомому. Смешно сказать, но в голове, словно пластинку заело: «Алекс – Юстасу, Юстас – Алексу». Ну не дядей Лешей же мне его называть...

– Алексей Юрьевич, а куда мы плывем? – наконец насмелилась я.

– Ну, это уж слишком! Для «своих» я просто Леша, – он заметно смутился и даже слегка покраснел, – только не плывем, а идем. По воде, Полина, не плавают, а ходят.

Интересно, отчего он смешался? То ли из-за того, что я нечаянно примкнула к «своим», то ли я столь официальным обращением невольно подчеркнула нашу разницу в возрасте.

– Хорошо, так куда же мы идем?

– Мы идем на край света. Туда, где можно свесить ножки. Это близко. Видите, река поворачивает за мыс – там и есть край света.

Поразительно, но мне были близки и понятны слова моего нового знакомого. Сразу возникла картинка из детства – такая яркая, будто со мной это происходило только вчера.

...Выходной день. Я уже готова, в белых валенках, в коричневой цигейковой шубе и в такой же шапке, перетянутой резинкой на лбу, чтобы в уши не поддувало, стою на крыльце в ожидании чуда. Папа берет мою руку в пушистой варежке, похожей на маленького живого кролика, и сообщает:

– Сегодня, дочь моя, мы пойдем в Качканар.

Так условно мы называли обычную прогулку, которая давала нам обоим много полезного. Мы, не торопясь, пешком обходили весь квартал и возвращались к нашему порогу, где дома нас уже поджидала мама с воскресным обедом. Я ни разу не разочаровалась в коротком путешествии, хотя так никогда и не увидела обещанного мне сказочного «Качканара». Дело было вовсе не в конечном пункте назначения. Гулять вдвоем с отцом – вот где был настоящий праздник. И не важно, куда мы шли, главное – что за руку, вместе.

Мне всегда было чрезвычайно интересно с моим отцом. Фокус заключался в том, что маленькая девочка на протяжении всего маршрута не теряла интереса к прогулке, никогда не уставала и не ныла, поскольку обратного пути у нашей дороги не было. Мы гуляли по кругу, и предметы, которые могли привлечь внимание ребенка исключительно своей новизной, ни разу не повторялись. Однако таинственный и недостижимый Качканар, маячащий где-то впереди – как локоть, который близок, но его не укусишь – тоже здорово интриговал! Все-таки, умно придумал папа. В этих совместных странствиях дочка не только постигала мир, но и училась ценить радость общения...

Край света – для кого-то может понятие абстрактное, но только не для меня, прошедшей в детстве «Качканар». В конечной точке пути, на придуманном краю света, ты начинаешь понимать, что шарик круглый, а мир – и в самом деле бесконечен. Но главное – он богаче и светлее с человеком, который шагает с тобой бок о бок, когда вы чувствуете одинаково и любите белый свет напару.

Мы приближались к мысу. Алексей заметно устал, и я предложила:

– Давайте я тоже буду грести. Вдруг я умею?

– Женщина на веслах? Это ошибка природы какая-то. Впрочем, индейские женщины, помнится, лихо управлялись с каноэ. Смотрите, вот так надо: правая табань, видите – направление меняется, и мы идем, куда наметили. Теперь можем двигаться прямо. А сейчас... левая табань, вот так – раз, и повернули в другую сторону, заодно и нос подправили. Понятно? Хорошо, будем считать, инструктаж вы прошли успешно. Лишь бы силенок хватило. Теперь быстро меняемся местами.

Легко сказать. Не так-то просто делать перемещение в шлюпке, бултыхающейся на высокой волне. Почему-то пришло в голову шахматное слово – рокировка. От Профессора Сережки я как-то слышала, что рокировка на самом деле – вовсе не значит просто поменять фигуры

местами. Это сложный двойной ход при соблюдении целого ряда правил. Кажется, и в нашей ситуации без соблюдения правил по технике безопасности тоже не обойтись. При любом неосторожном движении у нас есть реальный шанс перевернуться. Я-то ладно – вынырну и до берега доплыву без проблем, а вот мой спутник...

Когда мы пересаживались, лодчонка сильно накренилась. Чтобы удержать равновесие пришлось какое-то время подержаться друг за друга. Те точки моего организма, до которых невольно дотронулся Алексей, какое-то время хранили информацию о прикосновении. Так бывает, когда пригреешься в уютном кресле, затихнешь в удобной позе – и тогда уж лучше не шевелиться, иначе возникнет ощущение, что в некоторых местах не хватает тепла и комфорта. Тело еще долго помнит то блаженное первоначальное состояние, но вернуться к исходному положению уже не получается.

У меня от неожиданного телесного контакта с инструктором случилось сильное головокружение, и я выпалила очередную глупость:

– Теперь я матрос, а вы мой капитан.

Словно до перестановки было все иначе, и управлением лодки занималась исключительно я. Что за язык у меня? Еще подумает человек, что девчонка слишком много о себе мнит.

– Как вам новая должность? Не тяжело ли?

– Нет, все отлично, – пыхла я, пытаясь не испортить репутацию толковой ученицы и грести правильно, как меня учили.

Сначала выходило откровенно плохо, потом навык немного закрепился, и курс стал заметно выравниваться. Но надолго меня не хватило. Оказывается, грести против течения, не имея ни капли опыта – невероятно трудно. Как мой наставник сумел преодолеть без перерыва такое большое расстояние – уму непостижимо! От неумения или от чрезмерного усердия я очень быстро выдохлась, но виду старалась не показывать и упиралась, как могла. Все-таки Алексей заметил, что силы мои на исходе, и применил очередной педагогический прием, преследуя цель – избавить ребенка от мучений, но сделать это осторожно, чтобы, не дай Бог, не обидеть:

– А теперь, Полина, наступает самый ответственный момент. Скво должна хорошенько отдохнуть, так как скоро ей будет оказана высокая честь тягать каноэ на берег.

– Что же, больше некому? – не приняла я его ребячества, потому что еле соображала от нешуточного напряжения, а в данную минуту была озабочена еще и тем, что наша посудина почти не двигалась вперед, и мы практически топтались на месте.

– Разве вы не знакомы с обязанностями индейских жен? Скво должна вытащить каноэ на берег, и она же должна встретить с почестями всех, кто прибыл с ней в этой же лодке. Поэтому – отдыхать! Вам еще хлеб-соль печь. Итак, на счет «три» – быстро меняемся.

Великого труда мне стоило не закричать: «Ура! Сейчас наступит долгожданный отдых!». Весла к тому времени меня уже не слушались, и инструктаж по технике гребка был забыт навеки. Рук я не чувствовала вовсе. Они двигались механически, как бы сами по себе, без моего участия, производя малоэффективные слабые взмахи неподъемными веслами. Была еще одна причина моей тайной радости: я жаждала еще раз пережить то головокружение, к которому привели недавние эксперименты по перемене мест слагаемых на нашей палубе.

Река перед поворотом набрала силу и стала почти в два раза шире того места, с которого мы стартовали. Течение здесь было слабым, но ветер, налетевший непонятно откуда, раскачал площадь обширного водоема, да так сильно, что по поверхности стали перекатываться белые барашки, как на настоящем море. Ясно, что преодолеть высокую волну будет не так-то просто. Попытка Алексея занять свое законное место была предпринята им в самый неподходящий момент. Даже лодка растерялась на неустойчивой воде. Корпус ее дрожал, трепыхался, и казалось, что лоханка, непривычная к серьезным штормам, сейчас не просто дрейфовала, а по-настоящему сдрейфила.

Каждый из нас шагнул вперед – шлюпку сильно подбросило на крутой волне. Неведомая сила кинула нас навстречу, притянула друг к другу и прижала очень тесно, так, что между нами не осталось ни миллиметра зазора. В этом положении мы задержались на несколько мгновений. Так получилось. Лишь таким образом можно было удержаться на ногах и переждать, пока не «устаканится» волна. Действия Алексея были оправданы. Мне не оставалось ничего другого, как находиться в его объятиях, полностью доверившись проводнику, и просто плыть по течению. В данном случае – как в прямом, так и в переносном смысле...

С сознанием происходило что-то странное. Оно будто качнулось и сдвинулось с мертвой точки, нарушив устойчивость и тишину прежней размеренной жизни. Центром вселенной стало теперь нечто иное, чем я сама. Мне показалось, будто прорвало плотину. Небывалые по силе эмоции, вызванные настоящими, хотя и нечаянными, первыми в жизни мужскими объятиями обрушились на меня неукротимым потоком, затапливая душу, тело и окончательно снося мне крышу.

Парень крепко обхватил меня своими ручищами, а потом бережно, не дыша, как птенчика, вывалившегося из гнезда, вернул на пассажирское сиденье. Но сам не сел, а так и стоял передо мной, расставив ноги, покачиваясь и удерживая равновесие. Он смотрел на меня ошеломленно, будто я была явлением из космоса. Глаза его широко распахнулись и вдруг наткнулись на мои... Теперь и я, используя замешательство, смело взглянула в его лицо и впервые в упор встретила с ним взглядом.

Как он меня поразил! Даже не столько глаза, хотя они тоже были будь здоров! Я вдруг увидела предмет своего волнения весь сразу, а не частями. Безупречное сочетание красоты, силы, обаяния. Да... Пожалуй, еще ни один человек на свете мне не нравился так сильно.

Пока мы обнимались, пусть и не нарочно, да изучали друг друга, наше горемычное судно полностью потеряло управление. Его несколько раз развернуло на триста шестьдесят градусов, и нас опять снесло течением. Опомнившись, штурман схватился за весла и махом выправил ситуацию.

Скоро мы обогнули мыс и вошли в залив, круглый и гладкий, как большое фарфоровое блюдо, покоящийся в чаше густых лесов. Вода была тихой и темной. Деревья, торжественно склонившие свои роскошные кроны над озером, отражались в воде, как в зеркале.

Там, куда мы пристали, имелась только тонюсенькая полоска земли, шириной с нашу лодочку. Здесь буквально негде было развернуться. Местечко ни то, ни се, скорее посредственное, чем выдающееся. Тупиковое какое-то местечко... Напитавшийся водой песок, на который даже толком не присядешь, и высоченный обрыв, китайской стеной тянущийся с обеих сторон вдоль суши. Своими выступами, трещинами и разломами хрупкая на вид стена походила на развалины древнего египетского храма, которые, как мне помнится из учебника истории, строили из песчаника – материала пористого, но долговечного. А цветом и структурой этот песчано-глиняный барьер почему-то напомнил мне халву: не то ореховую, не то подсолнечную. Я подняла голову кверху. Ого, вот так круча! Но кроме птичьих гнезд, выдолбленных в стенке отвесной скалы, ничего интересного не увидела. Алексей привязал лодку к массивной коряге, вросшей в вязкий песок, задорно глянул на меня и перевел взгляд на самый верх обрывистого берега.

– Ну что, рискнем?

Я тотчас же заразилась его идеей, хотя минуту назад даже не могла себе представить, что какой-нибудь дурак в принципе додумается до такого бреда. Ведь только чудом можно очутиться на вершине неприступного айсберга. Разве что у нас вдруг вырастут крылья. Адреналин подскочил до небес от предвкушения опасного приключения. Губы пересохла от возбуждения и прошептали:

– Да. Непременно! У нас получится.

Алексей заглянул в нос лодки, извлек туристический топорик в чехле и в шутку похвалил сам себя:

– Какой же я все-таки предусмотрительный.

И мы стали взбираться по стенке самым немислимым образом. Алексей быстро карабкался вверх, молниеносно определяя, куда можно поставить ногу, а куда не стоит, и опирался лишь на тот глиняный уступ, который имел шанс не обрушиться. Ему, как саперу, нельзя было ошибаться, в противном случае нас неминуемо бы ждало крушение! Одной рукой парню приходилось придерживаться за выемки и выпуклости грунта или цепляться за редкие инородные препятствия, которые на наше счастье встречались на зыбком песчаном пути, при этом другой, относительно свободной рукой, он еще и волок за собой балласт: то бишь меня. Своим драгоценным туристическим снаряжением Леше так и не довелось воспользоваться, – ну, в самом деле, у него же не три руки! – а посему топорик тоже оказался балластом, и моя кисть постоянно чувствовала жар крепкой мужской ладони и сильное давление нагретой пластмассовой рукоятки.

Под ногами осыпался песок, и отваливались большие куски глины. Но скалолаз не обращал на обвалы внимания и, не останавливаясь ни на миг, упорно тащил меня к цели. Уму непостижимо, за что он там цеплялся? Я поняла, основной принцип нашего восхождения – только вперед, не медля ни секунды, а то кубарем скатишься обратно. Временами мне казалось, что гора имеет отрицательный угол наклона, и я, потеряв почву под ногами, болтаюсь на весу, как сосиска. У-ф-ф-ф! Неужели, финиш? На последних метрах подъема я уже хваталась за все подряд без разбора: за выпирающие из земли корни деревьев, за кусты с колючками и даже за тонкие травинки, выскальзывающие из пятерни. А еще, да простят меня стрижи, за птичьи норки, стараясь удержаться за края их домиков растопыренными пальцами. Слава Богу, Алексей уже у цели – подхватывает, вытягивает меня за обе руки на безопасное место и, запыхавшись, объявляет: «Все. Финиш! – и весело констатирует факт нашего совместного безумства: – Я б сказал – взлетели, исключительно на нашем с вами энтузиазме. Без него бы нам хана!».

Крохотный горизонтальный уступ, площадка размером два на два. С одной стороны пятючок ограничен крутой пропастью, а с другой – непроходимым урочищем, состоящим из шиповниковых зарослей и густого подлеска. А дальше – массивные темные деревья, стоящие одной сплошной стеной.

– Это Край света?! – спросила я шепотом своего проводника.

Шепотом, потому что монументальный вид, внезапно открывшийся моему взору с высоты, диктовал свои законы. Плюс многозначительная тишина, устоявшийся покой и чистота природы на этом краешке земли подсказали, что здесь совсем не нужно суетиться, и уж тем более – орать. Пусть даже от дикого восторга.

– Что, впечатляет? – просиял Алексей, довольный моей реакцией.

– Грандиозно! Просто дух захватывает.

– Правда? Я же говорил. Вот такой он, мой Край света! – торжествовал мой проводник, хвалясь как-то по-детски.

Я отряхнулась от песка и глины, и мы уселись рядышком на край обрыва, «свесив ножки», как и было обещано ранее. На несколько минут мы замолчали, чтобы всласть любоваться обступившей нас со всех сторон неописуемой красотой. Не знаю, как Алексей, а я – просто упивалась простором, не имеющим границ, и высоким небом, рождающим извечный вопрос и одновременно сожаление у человека: почему мы не птицы? Я задирала голову и всматривалась в перевернутую бездну. Сплошная синева, если не считать нескольких легких штришков из перистых облаков, небрежно набросанных самой тонкой кисточкой и чуть растушеванных. Эх, полетать бы! Как те большие хищные птицы, не то орлы, не то коршуны,

что свободно парят над миром, будто купаются в небе, и сверху наблюдают за всеми нами. Их спокойный и плавный, где-то даже надменный полет завораживал.

Противоположный берег вдалеке своей жизнеутверждающей расцветкой с преобладанием зеленого тотчас напомнил мне карту лесных ресурсов РСФСР, что включена в географический атлас за девятый класс. Я отлично ее помню, так как делала в школе доклад по теме «Лесные угодья России», и даже получила за него пятерку с плюсом! Только на плане местности, который я сейчас изучала с высоты, да не в масштабе, а можно сказать в натуральную величину, доминирующие изумрудные тона – это вовсе не массивы широколиственных и хвойных лесов, а многочисленные луга да выкосы. Эх, должно быть, на солнечных склонах, там, где еще не скошена трава, сейчас все просто усеяно спелой клубникой! Пастбища из-за неоднородности покрова смотрятся отсюда буквально плюшевыми. А желтоватые полосы и квадраты, – помню, в школьном атласе похожим цветом обозначались территории с большим запасом древесины, – это, конечно же, поля с наливающимся колосом. В зелено-желтое полотно неожиданно вклинилось несколько бело-розовых лоскутов: облаком такого вот нежнейшего оттенка бывает окутана ранетка или яблоня по весне, пока цветки еще не развернулись. «Гречиха, должно быть», – подсказала мне интуиция.

Под нами река, плавно огибая береговую нишу, образовывала большой залив, который выглядел отсюда как неподвижное лесное озеро, великолепие которого я уже успела оценить ранее, когда мы только подплывали к заветному месту. Сверху оно выглядело еще живописней. Вода казалась отсюда не изумрудно-темной, а неправдоподобно синей. Видно, от того, что с этого ракурса в нем полнее отражалось небо.

Чудесный пейзаж. Жалко, что с рисованием у меня не фонтан. Хотя, как сказать...

...Когда мы заканчивали второй класс, в нашей школе устроили конкурс рисунка, приуроченного ко Дню Защиты детей. Сонька, любившая во всем конкретность, при постановке задачи дотошно выпрашивала: чем ей творить, карандашами или красками, и кого можно будет изображать. На что бесшабашный наш учитель опрометчиво брякнул: «Рисуй, чем хочешь, хоть пальцем, и чего пожелаешь, хоть черта». Он был молодым веселым парнем, только первый год после института. Поняв все буквально и используя учительскую подсказку, я попыталась отразить на листе бумаги задорного ушастого чертика, которого помнила по мульту «Сказка о попе и работнике его Балде». Но у меня ничего не вышло. Воспроизведенные последовательно рога и уши сразу слились в две вытянутые жирные кляксы, поскольку на то, чтобы высохла краска, требовалось время, а у меня на ожидание не хватило терпения. Полоски на тельняшке, в которую был обряжен лукавый, тоже расплылись, и на месте живота образовалось большое круглое пятно. На всякий случай я еще подрисовала солнышко. Когда я сидела и размышляла, кто же у меня все-таки получился: пузатый таракан или безрогий откормленный бычок с вытянутыми к солнцу ушами, сзади осторожно подкрался преподаватель. Он сдвинуто заржал и ласково спросил: «Полиночка, это кто ж у нас такой?». И вдруг я поняла, кого создала. «Просто зайка», – вырвалась у меня. Тогда наставник взял карандаш и крупно написал «ПРОСТО ЗАЙКА» прямо поперек заячьего брюха. Детские работы заняли всю стенку длинного школьного коридора. Самое интересное, что посетители выставки не особо задерживались у героев любимых сказок или, скажем, у многочисленных войнушек с огневыми салютами, танками и самолетиками. Никто не толпился и у ностальгических пейзажей с грибочками, кусточками и елочками. Народ проскакивал мимо, устремляясь к «простозайке», стопорился напротив и просто помирал со смеху. По решению жюри мою работу причислили к наивному искусству и присудили ей первое место. Во так-то!..

Алексей, как и я, напитавшись энергией неба, выказал свое сожаление на украинском языке:

– Эх! Дивлюсь я на небо, та й думку гадаю – чому ж я не сокіл, чому не літаю!
Надо же! Буквально сорвал с языка мои мысли.

– До чего же, все-таки, точные слова. Ох, и пробирают! – с восторгом прервала я его мысленный полет, но, кажется, не нарушила при этом общего романтического настроения. – Я тоже обожаю эту песню слушать.

– А я петь. Задушевных песен много...

– Вы часто здесь бываете? – перебила я его, почему-то удивившись, что мой собеседник умеет петь, а еще больше – тому, что взрослый человек не стесняется в этом признаться девочке.

– Нет, второй раз всего. Однажды рыбачил в заливе, гляжу издали, что здесь по определению должно быть здорово, но понимаю, что подобраться к месту – задача неосуществимая. Возможно, до меня здесь никто и не бывал. Решил: сдохну, но влезу. Представляете, лишь с четвертой попытки получилось. Трижды кувырком скатывался, думал, разобьюсь, но все-таки одолел эту горку. И нисколько не пожалел потом. Ведь согласитесь, местечко интересное... Мечтал еще здесь побывать, вот даже топорик в лодку забросил на всякий случай, – он сделал паузу и вдруг спросил: – А вы, Полина, нисколько не удивились, когда я объявил, что мы идем на Край Света. Почему?

Восхождение на гору не прошло даром. Как известно, совместные испытания, пусть даже несерьезные, как наши, сближают людей: теперь я доверяла Алексею все больше, почти перестала его стесняться и чувствовала невиданную легкость, будто знала собеседника много лет. Несвойственная моей натуре открытость, проснувшаяся так внезапно, привела к тому, что я поделилась с малознакомым человеком самыми сокровенными воспоминаниями детства, поведав, как мы славно гуляли с моим папой вокруг квартала. Алексей слушал очень внимательно, грустно улыбался, а потом признался:

– А у меня не было таких прогулок. Отец мой очень рано умер. Мы с братом совсем его не помним. А у вас есть брат или сестра?

– Да, Ира. Ей скоро шесть. Она младше меня почти на одиннадцать лет. Такая у нас большая разница получилась.

– Да, разница колоссальная, – прикинув что-то в уме, всерьез констатировал Алексей. – Выходит, ваша сестра почти ровесница моей дочери. И как вы с ней? Ладите?

– Когда как. В общем-то, она девочка неплохая. Просто, бестолочь еще. Бывает, сильно меня достает. Вечно увяжется за нами, а потом ноет. Сонька еще к ее воспитанию руку приложила. Уж чересчур разбаловала. Она, как только розовый кулек с Иркочкой увидела, так сразу и полюбила сестру мою до беспамятства.

– А вы? Любите сестренку?

– Ну, естественно. Как ее не любить? Очаровашка! Только приходится шлепать иногда, когда по-хорошему не понимает. Правда, когда она плачет, я сама чуть не реву. Так жалко становится этого невинного ангела с голубыми глазами. Хочу как-нибудь ей тоже Качканар показать. Только сомневаюсь – поймет ли? Маленькая она у нас еще какая-то.

– Потому что младшая. Для меня тоже мой брат всегда пацан. Кстати, а почему все-таки Качканар? Насколько я помню, есть такой город на Урале.

– Да. Я потом это узнала, когда стала постарше. Папа туда ездил в командировки. Он не любил уезжать из дома. Кто знает? Может быть, каждый раз, когда мы румяные да довольные вбегали в дом, и к нам с распростертыми объятиями выходила навстречу мама, отец представлял себе, что вернулся из очередной командировки?

Так мы сидели, свесив ноги, на краю света и задушевно беседовали. Не знаю, как назвать состояние, в котором я находилась. Одним словом, мне было хорошо, как никогда. Было ли Алексею так же комфортно, как мне? Во всяком случае, он с неподдельным интересом слушал мою болтовню и с веселым любопытством наблюдал за моими безотчетными действиями.

Обычно, если мне бывало спокойно и комфортно на душе, ко мне возвращалась детская привычка что-нибудь погрызть или чем-нибудь похрустеть. Вот и сейчас я ощипывала ближайшие травинки, похожие на колоски, и разгрызала их молочные кончики, при этом еще беспечно болтала одной ногой, заброшенной на другую, не замечая за собой изъязнов в поведении. Мама называла мою манеру качать ногой – «черта нянчить», частенько одергивала меня и удивлялась моей патологией: «Нормальные люди ведут себя так только в состоянии крайнего волнения, либо когда сильно нервничают. Почему ты у нас такая поперечная? Ну что у тебя нога как маятник? Вот сейчас, в данный момент, тебя же ничего не беспокоит? И перестань, пожалуйста, грызть карандаш, когда с тобой разговаривают».

Тут Алексей сделал жест, которым разом отменил мою вредную привычку. Он решительно отобрал и забросил ни в чем не повинную травинку, приблизил обе мои ладошки к своим глазам, разглядывая их с ужасом, и с болью воскликнул:

– Я так и знал!

В его руках кисти моих рук выглядели маленькими, худыми и какими-то жалкими. То ли потому что загорели до черноты, то ли на фоне богатырских ручищ Алексея – они казались еще мельче, а может, от того, что были изрядно исцарапаны и грязноваты после уроков скалолазания. Я, разумеется, очень застеснялась, выдернула руки и спрятала их за спину. Но оказалось, дело было не в царапинах и не в худобе. Алексей настойчиво захватил мои ручонки обратно и сказал озабоченно, безмерно страдая от своей вины:

– Дай сюда. Бедные маленькие ручки. Ах, я идиот! Посмотри, какие мозоли. Знал же, нельзя женщину на весла, тем более такую маленькую и нежную.

Только тут я заметила, что на обеих моих ладошках, как раз напротив каждого пальца, появились пугающие волдыри, заполненные прозрачной мозольной жидкостью. Выходит, стогряча, оглушенная новыми впечатлениями, я до сих пор не замечала ни боли, ни мозолей. Пребывая в крайнем смущении от повышенного внимания к моим испачканным рукам, я, тем не менее, не пропустила мимо ушей ключевую фразу Алексея. Он назвал меня женщиной, хотя и маленькой. Впервые причисление к слабому полу не вызвало у меня открытого протеста. Ведь как раньше бывало: если какой-нибудь паренек своей слабостью, недостойным поведением или глупостью сильно разочаровывал моих друзей противоположного пола, то пацаны всегда ставили ему один и тот же диагноз: «Да он девчонка! Тряпка...». В таких случаях я обижалась за всех девчонок подряд, а сама предательски жалела, что не родилась мальчишкой. Сейчас, напротив, я была польщена и, по-моему, ухватила главное – быть женщиной не так уж плохо. До меня вдруг начал доходить смысл фразы: «Сила женщины в ее слабости». Мне даже показалось, что я чуть ли не физически ощущаю, как во мне просыпается эта новая загадочная сила. Или слабость? В общем, я совсем запуталась, потому что находилась в пограничном от обморока состоянии. Оно было вызвано нестандартным поведением моего нового знакомого и тактильными ощущениями, доселе мною не испытанными, но жутко приятными. Алексей все это время не выпускал моих ладоней, гладил, дышал на пузыри, успокаивал, уговаривал и с раскаяньем обращался непосредственно к моим пострадавшим ладошкам:

– Вот так, сейчас пожалеет вас, и все пройдет. Простите меня, дурака ненормального. Догадался, ребенка на весла посадить. Угробил ручонки, такие славные, такие маленькие. Все, все, больше не буду.

Я глупо повторяла: «Ну что вы, не надо. Не надо. Они же грязные. Пожалуйста, не надо», – и предпринимала слабые попытки освободиться, но Алексей и не думал выпускать мои кисти. В голове промелькнуло: так же жалела меня мама, когда я падала с велосипеда и сдирала в кровь локти и колени. Она старательно мазала ссадины йодом, дула на свежие раны и приговаривала: «У кошки боли, у собачки боли, у Поли не боли. Видишь, вот уже все и зажило». И верно – ранки затягивались чуть ли не на глазах. Боль утихала, и я спешила вырваться из материнских объятий, чтобы бежать во двор за новой порцией синяков и ссадин.

Сейчас вырваться и куда-то бежать мне не хотелось совсем. Напротив, я всей душой желала, чтобы сеанс целительства продолжался как можно дольше. А еще лучше – вечно. Больше я не предпринимала никаких попыток высвободиться, а лишь тихо повторяла:

– Алеша, пожалуйста, не надо. Алеша, все хорошо. Мне правда, нисколько не больно.

Мое неформальное обращение странным образом подействовали на него, словно парень, наконец, дождался от меня специального разрешения. Он накрыл меня теплым, слегка затуманенным взглядом и осторожно стал целовать руки, каждый пальчик, каждую царапину, каждую набухшую мозолину. Еще никто так ласково не прикасался ко мне губами, тем более никто так нежно не целовал моих рук. Станный и страстный диалог завязался между нами. Я все еще делала попытки извиниться за нестерильность своих ладоней. А Алексей продолжал удерживать у себя мои израненные лапки, покрывал их поцелуями и шептал, шептал, шептал... Человек со стороны не различил бы в нашем бормотании ничего, кроме бессвязных словосочетаний и наверняка решил бы, что у этих ребят съехала крыша. Однако те фразы, что вылетали из наших уст, несли зашифрованный смысл, понятный нам обоим. Мы словно вторили, в то же самое время, спорили друг с другом. Но совершенно точно – мы говорили на одном языке.

– Нельзя, очень грязные.

– Ничего чище в своей жизни не видел.

– Вдобавок, колючками ободранные.

– Нежные, шелковые. Самые лучшие ручки на свете.

– Мне правда, нисколько не больно. Забудьте вы о них!

– Никогда себе не прощу, никогда не забуду!

– Не знала, что это помогает. Слово бальзам.

– Не знал, что так бывает. Маленькие мои, сладкие мои. Истинный бальзам...

От счастья, переполнявшего меня до краев, мне хотелось сделать что-то экстраординарное, например... спрыгнуть с обрыва. Еще немного, и я бы точно сорвалась и полетела, как птица, раскинув руки вместо крыльев. Полагаю, от избытка чувств и Алексей сам бы был не прочь сигануть за мной следом.

Вдруг, в двух шагах от нас, приличная глыба земли отделилась от края утеса, с шумом обрушилась и устремилась вниз, дробясь, рассыпаясь на крупные и мелкие куски, кусочки, комья, комочки, поднимая за собой облако песчаной пыли. Видно, мы своими резкими прыжками по склону потревожили и без того подвижную глинистую почву и спровоцировали крупный обвал. Алексей вздрогнул и очнулся. Нехотя отпустил мои руки, помотал головой, стряхивая наваждение, вытер испарину со лба и произнес удивленно:

– Ничего себе поворот! Что это было?

И было непонятно, что он сейчас имел в виду. То состояние, когда мы не понимали, что творили, или, все-таки, непредвиденный камнепад? Кажется, неконтролируемое состояние называется аффектом. Только я раньше думала, что это бывает от разных травмирующих переживаний, а оказывается – случается, когда у человека зашкаливают положительные эмоции. Главное, в этот самый аффект, короткий и яркий, как вспышка, мы впали оба одновременно, не далее как всего пару минут назад.

Не дождавшись от меня ответа, Алексей поднялся, и стал нарезать круги по смотровой площадке, вероятно чтобы окончательно прийти в себя. При этом он бормотал: «Угар! Помешательство! Так не бывает. Удивительное рядом, но оно запрещено. Нет, это нонсенс какой-то...».

В его сумбурной речи проскочила до боли знакомая фраза, из чего я, несмотря на шок, мимоходом сделала вывод, что Леша тоже почитает Высоцкого.

Молодой мужчина приземлился рядом со мной, обхватил свои колени руками, и затих. Я пыталась заглянуть ему в лицо и понять, что с ним происходит. Мне показалось, что он

прячет глаза. Наконец, я поймала его глубокий взгляд. Глаза были абсолютно трезвыми, и в них разлилась грусть.

– Испугал тебя, да, Полин? Как дикий набросился. Прости, не могу, когда из-за меня страдают дети, – всячески пытался загладить неловкость Алексей и старательно делал вид, что между нами ничего не произошло.

...Да, я умнела не по дням, а по часам. Меня посетила догадка, что женатый мужчина обязан скрывать свои чувства, и нисколько не обиделась. Тем более ласковые слова, вырвавшиеся из его уст в порыве страсти, до сих пор витали в воздухе. Я продолжала их слышать, дышать ими, повторять про себя и никак не могла поверить: неужели эти нежные слова предназначались мне, обычной девчонке?

– Нет. Чего мне пугаться? Вы же не Серый Волк, а я не Красная Шапочка, – училась я кокетничать.

– Мне казалось, мы уже перешли на «ты», – произнес Алексей сакраментальную фразу.

Не помню, в каком рассказе, кажется, у Чехова – главные герои, влюбленные друг в друга по уши, все «выкали» да «выкали», и только под занавес перешли на «ты». Они опасались, что фамильярное обращение друг к другу испортит их чистые романтические отношения. Ерунда, честное слово. По-моему, когда люди переходят на «ты» – это знак того, что они полностью доверяют друг другу.

– Да я-то только за! Но ведь вы сами только что назвали меня ребенком.

– Не вы, а ты, – терпеливо поправил меня собеседник, – ну и что же? Пусть даже и ребенок. Дочка моя Сашка – тоже ребенок, но говорит мне «ты». Это же нормально, когда души родные.

Мне очень понравилось, как хорошо он сказал про души. Уж мы с ним точно прошли тест на родство душ, когда оба загорелись бредовой идеей взобраться на утес. Я вдруг замерла от сумасшедшего открытия, почуяв неведомое, скрытое пока за пеленой привыкания друг к другу, зарождающееся огромное чувство, будто прячущееся за волшебной китайской ширмой. Этот предмет интерьера, доставшийся нашей семье в наследство от деда и бабушки, живших когда-то в Манчжурии, с причудливыми, так и неразгаданными до конца картинками, пленяющими мое воображение своим изяществом и одновременно сложностью – для меня, натуры крайне впечатлительной, с детства отражал суть понятия «тайна». Сейчас ширма, главное назначение которой – скрывать самое интересное, кажется, только понемногу начинает приоткрываться, и вот оно – первое прозрение: «Оказывается, то хрупкое **начало**, о котором я пока не смею и мечтать – не мои абстрактные фантазии... Нет! А самая что ни на есть сладкая реальность!».

Ряд последующих событий показал: мы понимаем друг друга с полуслова, нас тянет друг к другу, как магнитом, а обстоятельства фантастическим образом способствуют дальнейшему сближению. Будто единство наших душ предопределено кем-то свыше. Но там, на Краю Света, мы еще не могли знать, что отныне у нас одна история на двоих, и нам уже никуда не деться от этой всевластной силы притяжения!

Глава 9. Шторм

Окружавший нас покой не мог, вероятно, длиться вечно: даже из опыта своей, пока еще недлинной жизни я знала, что все хорошее быстро кончается. Внезапно со стороны противоположного берега налетел порывистый ветер. Картина природы стала стремительно меняться: облака, только что еле заметные, нежно-молочного цвета и невесомые, как пух, превратились в одну огромную темно-сизую тучу. Грозовой фронт подступал уже со всех сторон, стремительно затягивая небо и навевая на меня воспоминания из детства.

... Однажды, будучи первоклашкой с торчащими косичками, я осталась дома одна. Мама ушла в магазин и там пропала. Видно, как всегда встала за чем-то в очередь. Я сидела за новым письменным столом и выводила в тетрадке домашнее задание по чистописанию. Задача состояла в том, чтобы красиво, без помарок, выдерживая строгий наклон, написать целую строчку единственного, но многократно повторяющегося слова. Образец, или так называемый «показ», воспроизведенный фантастически красивыми алыми чернилами, маячил на полях и завораживал глаз. Это моя первая учительница своим каллиграфическим почерком предложила правильный вариант написания простого русского слова «туча».

А за окном тем временем начиналась гроза! Казалось, весь белый свет погрузился во мрак. Черные лохмы грозových облаков рвались и лопались от молний. От жутких раскатов грома, бо́хавших сразу после вспышки, можно было оглохнуть. Прилежная ученица в испуге не могла сдвинуться с места. Чтобы не видеть всего этого кошмара, я уткнулась носом в тетрадку и, несмотря ни на что, продолжала писать. Мирный скрип перышка хоть как-то успокаивал и отвлекал меня от ледящих душу, потусторонних звуков разбушевавшейся стихии. Однако вместо эталонного «туча» я накарябала не менее десятка неведомых русскому человеку словечек. «Чуча, чуча, чуча...», – очень старалась я, высунув от усердия язык. И так – целых две строчки! Наверное, от того, что тучи на небесах были ужасающе черны, я и заменила «т» на «ч». После, когда тьма отступила, уже под аккомпанемент проливного дождя я добросовестно перечитала свои же каракули, как нам советовали на уроках письма, и не заметила ошибки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.